

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

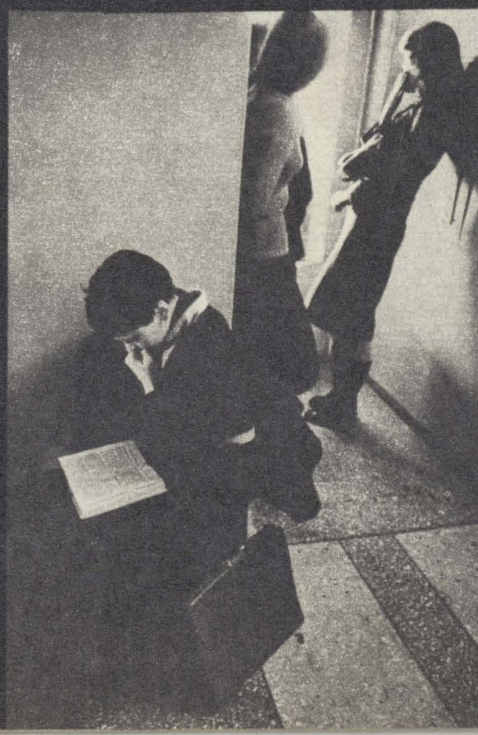
№ 4 ЯНВАРЬ 1979

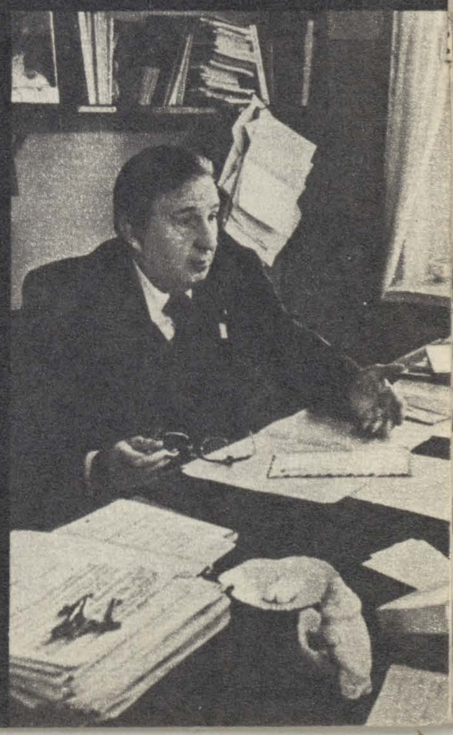
ИДЕТ СЕСС

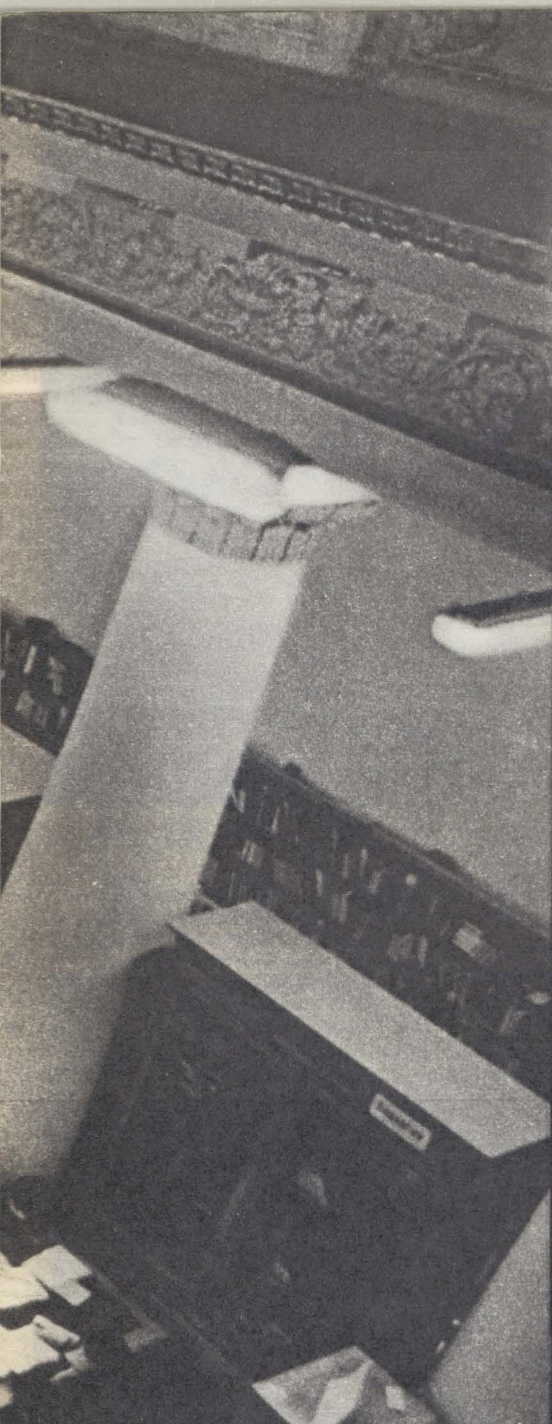
Преподаватель физики Г. П. Мальковский принимает экзамен у студентки Разимы Гильмутдиновой.

Последние минуты перед экзаменом.

В читальном зале.

и я...

Заведующий кафедрой охраны природы и экологии профессор В. А. Попов беседует с пятикурсниками биофака.

КРАСНОРЕЧИЕ СТАТИСТИКИ

В нашей стране в 1977/78 учебном году насчитывалось:

861 вуз (в конце 9-й пятилетки было 856).

В них обучается свыше 5 миллионов студентов (на 200 тысяч более, чем три года назад).

Почти каждый пятый, занятый в нашем народном хозяйстве,— выпускник вуза или техникума.

На улице много солнца и снега. Беззаботная детвора играет в веселые игры. А мимо идут студенты, серьезные, сосредоточенные. Идут, не замечая ничего вокруг. Они спешат на экзамены. Так уж устроено, что каждый новый год у всех студентов начинается с забот: сессия!

Вместе со студентами я вхожу в одно из старейших учебных заведений нашей страны — в Казанский государственный университет имени В. И. Ленина, отмечающий в этом году свое 175-летие, в университет, стены которого свято хранят память о своем лучшем ученике Владимире Ульянове.

Богатейшие традиции здесь соседствуют с новейшими веяниями времени, классические дисциплины — с предметами, совсем недавно появившимися в учебных планах. Пятикурсники биофака, например, сдают сейчас экзамен по охране природы. Это будущие выпускники первой в Союзе кафедры охраны природы и экологии, которой по праву гордится университет. Им, питомцам этой кафедры, быть правофланговыми в борьбе за осуществление недавно принятого постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов».

Сессия — обыкновенная и привычная, неожиданная и незнакомая. Для кого-то первая, у кого-то предпоследняя. Бессонные ночи, волнения, в коридорах сдержанный, напряженный гул. Последние минуты перед тем, как ты останешься наедине с экзаменационным билетом и своей памятью. Нужно сосредоточиться, набраться духу и... перешагнуть порог аудитории.

Солнечные зайчики прыгают по окнам новых высотных университетских корпусов и заскакивают в просторный холл, где еще пахнет цементом и краской, где с потолка свешивается бумажная елка, украшенная фотографиями из студенческой жизни и написанными на тетрадных листках новогодними пожеланиями. У лифтов толпятся студенты. Через несколько минут у них начинается экзамен. Проходя мимо, я про себя желаю им: «Ни пуха ни пера!»

И. ГАВРИЛОВ
Фото автора.

Памятник Владимиру Ульянову перед одним из новых корпусов Казанского университета.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2689)

20 ЯНВАРЯ 1979

По приглашению Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного совета НРБ Т. Живкова 13 января в Софию с кратким дружественным визитом прибыли Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

В тот же день в Софии состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева и члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым, членами Политбюро ЦК БКП и другими партийными и государственными деятелями Болгарии.

Особое внимание на встрече было уделено углублению всестороннего советско-болгарского сотрудничества.

При обсуждении международного положения внимание участников встречи было сосре-

ВСТРЕЧА В СОФИИ

доточено на практическом проведении в жизнь идей и предложений, содержащихся в декларации, принятой ноябрьским совещанием Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора в Москве.

В ходе обмена мнениями Л. И. Брежнев и Т. Живков отметили огромное значение победы патриотических сил Кампучии для стабилизации обстановки в Юго-Восточной Азии. СССР и НРБ будут солидарны с кампучийским народом в его работе по строительству мирной, независимой, демократической, неприсоединившейся Кампучии, идущей по пути к социализму.

Встреча прошла в обстановке братской дружбы, сердечности и полного единства взглядов.

По окончании визита товарищ Л. И. Брежнев проведет в Болгарии несколько дней на отдыхе.

* * *

15 января товарищ Л. И. Брежнев, находящийся на отдыхе в Болгарии, осмотрел новостройки Софии, а затем совершил поездку по территории Софийского округа, где ознакомился со строительством на селе.

В тот же день состоялась дружеская встреча между товарищами Л. И. Брежневым и Т. Живковым. По приглашению товарища Т. Живкова они побывали в охотничьем хозяйстве «Студена».

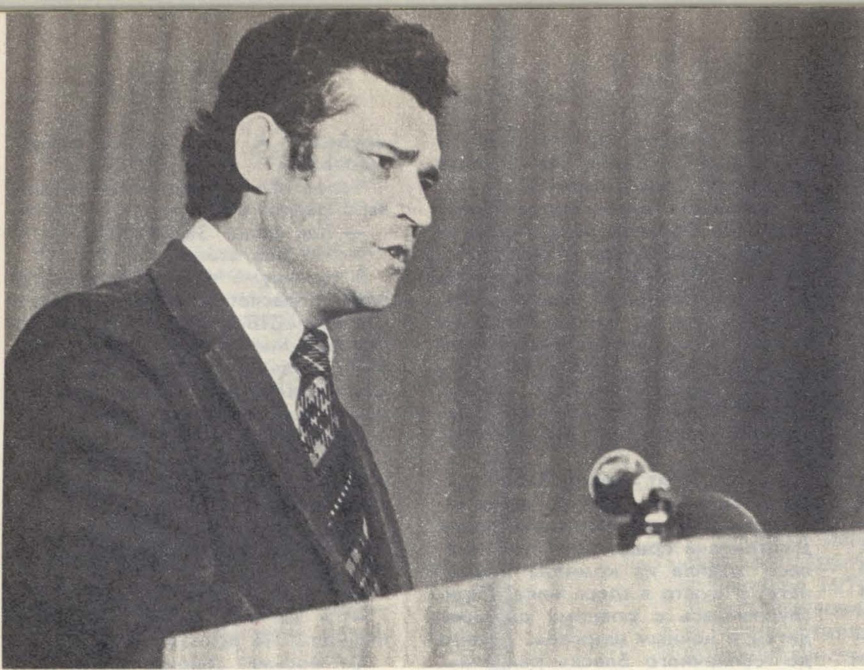
Вместе с товарищами Л. И. Брежневым и Т. Живковым находился член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

Во время встречи.

Телефото спец. корр. ТАСС В. МУСАЭЛЬЯНА

Москва. На предвыборном совещании представителей трудящихся Бауманского района выступает монтажник завода счетно-аналитических машин Г. П. Кубеев.

Фото Б. Кавашкина (ТАСС)

ЕДИНОДУШНАЯ ПОДДЕРЖКА

Избирательная кампания вступила в новый важный этап — проходят окружные предвыборные совещания. В соответствии с принятым в прошлом году Законом о выборах в Верховный Совет СССР представители общественных организаций, трудовых коллективов обсуждают выдвинутые на предвыборных собраниях кандидатуры в высший орган народной власти страны, принимают решения об их поддержке.

11 января в Москве состоялось предвыборное совещание представителей трудящихся Бауманского избирательного округа столицы по выборам в Совет Союза Верховного Совета СССР.

Выступивший на совещании монтажник завода счетно-аналитических машин Г. П. Кубеев сказал:

— Коллектив нашего завода на своем собрании единогласно постановил выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР выдающегося руководителя нашей партии и государства, продолжателя дела великого Ленина Леонида Ильича Брежнева. По поручению коллектива предприятия я обращаюсь к участникам окружного предвыборного совещания с призывом поддержать выдвижение товарища Л. И. Брежнева кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Бауманскому избирательному округу столицы.

На совещании выступили также учительница школы № 366 Н. Н. Хорева, ректор Московского энергетического института В. А. Григорьев, раскройщица производственного швейного объединения «Большевичка» М. М. Терентьева, первый секретарь Калининского райкома комсомола А. В. Смирнов. Участники совещания горячо поддержали предложения о выдвижении кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Бауманскому избирательному округу **Леонида Ильича Брежнева.** Они обратились к Л. И. Брежневу с просьбой дать согласие баллотироваться в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Бауманскому избирательному округу города Москвы.

На окружных предвыборных совещаниях единодушно были поддержаны решения о выдвижении кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР товарищей **Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Д. А. Кунаева, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русакова, Я. П. Рябова, М. С. Горбачева.**

Участники окружных предвыборных совещаний единогласно поддержали выдвижение кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР генерального директора ЗИЛа **П. Д. Бородина,** председателя азербайджанского колхоза «1 Мая» дважды Героя Социалистического Труда **Ш. М. Гасанову,** сборщицу-маркировщицу Кокчетавского приборостроительного завода **Л. И. Карагаеву,** сталевара из Рустави Героя Социалистического Труда **О. А. Ломидзе** и других представителей рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

КАМПУЧИЯ: РАССВЕТ НАД СТРАНОЙ

После трех лет террора и мучений на древней земле Кампучии встала заря свободы и новой жизни. Под руководством Единого фронта национального спасения Кампучии революционные силы одержали победу над диктаторским режимом пекинских марионеток. Эта клика украла у кампучийцев плоды победы в многолетней войне против американских агрессоров и их пномпеньских ставленников, превратила страну в вотчину пекинских гегемонистов, в огромный концентрационный лагерь.

Маоисты до зубов вооружили марионеточный режим. Китай щедро поставлял властям Пномпеня оружие—самолеты, броневики, артиллерию, винтовки, пулеметы. Оно было направлено против народа Кампучии и против братского народа социалистического Вьетнама. По указке из Пекина войска режима неоднократно вторгались на территорию Вьетнама.

Бесчеловечная политика преступной клики не могла не вызвать возмущения народа. Первые искры сопротивления зажглись в различных районах страны. В освобожденных районах собирались истинные патриоты Кампучии. Силы повстанцев росли с каждым месяцем. На сторону восставших начали переходить целые воинские части. И нет ничего удивительного, что под напором народного гнева реакционный режим развалился. Крах клики Пол Пота — Иенг Сари был неизбежен.

Все прогрессивное человечество с радостью приветствовало победу кампучийских патриотов. В адрес Народно-революционного совета Кампучии стали поступать телеграммы из стран социализма, из других стран, в которых было заявлено о признании Народно-революционного совета единственным законным представителем кампучийского народа.

По-иному реагировали на падение своих марионеток пекинские руководители. Поток яростной брани и злобных подстрекательских заявлений хлынул из Пекина. Разочарование маоистских стратегов понятно: бесславно кончил свои дни прогнивший режим, на который китайское руководство делало особую ставку, надеясь превратить режим Пол Пота — Иенг Сари в орудие осуществления своих гегемонистских планов в Юго-Восточной Азии.

Советский Союз приветствует героическую победу кампучийского народа. Как заявил во время приема американских журналистов Л. И. Брежнев, советская общественность поддерживает справедливую борьбу народа Кампучии под руководством Единого фронта национального спасения. Советский Союз поддерживает и Народно-революционный совет Кампучии, то есть правительство, за которым стоят самые широкие слои населения.

В. ДУНАЕВ

Жители Пномпеня встречают освободителей.

Фото ВИА — ТАСС

ДОРОГА ДЛИНОЮ В 33

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Владимир **КРАСИЛЬЩИКОВ**

«Ох, опять затих!..» Нисколько не выказывая досады, она возвращается к станку. Рраз, рраз и... раз! Оборванная нить подтянута, заведена, заправлена. Нажим на рукоять — грох, грох, грох, снова возрожден ход станка. «Давай, милый, шевелись!» Она проводит жесткой чистой ладонью по полотнищу. Добрая гладь идет. На что хочешь годится. Хочешь — так шей-надевай, хочешь — нанеси любой рисунок. Полным-полна «коробочка» столичного шелкового комбината имени Щербакова. А заказчики — и свои, отечественные, и зарубежные — все просят: еще давайте, больше, еще больше...

Поперек станины натянуты одиннадцать тысяч двести нитей основы. Это на одном станке, а их у нее девятнадцать. Любая нить в любой момент может порваться и рвется. Со времен мифической Ариадны не было нервущихся нитей. Может, еще изобретут что-нибудь, а пока... Только успевай подвязывать! Воюй со временем, выгадывай секунды, минуты, не давай бездельничать станкам. Есть для этого все: и задор соревнования с подругами, и поддержка инженерии, и находчивость, сноровка, предусмотрительность. Есть и научно обоснованные маршруты движения ткачихи от станка к станку. Да только обрывы-то не всегда, далеко не всегда сообразуются с маршрутами: то на девятнадцатом, то на первом. Станки новейшие, работают ладно, однако до чего ж наивны те, кто говорит: «НТР — только нажимай кнопки». Прогресс прогрессом, но и работа работой. Никто за тебя ее не сделает, никакая кнопка, хотя вон их сколько.

...Однажды, придя на работу, она заметила возле своих станков плакат: «Молния. Администрация, партийная и комсомольская организации поздравляют ткачиху ткацкого цеха глади Полещук Марию Дмитриевну с выполнением задания девяти лет...» Это было сделано за два года и десять месяцев!

Подвиг? Да еще какой! К нему она шла тридцать три года, все тридцать три года, что проработала вот здесь, на этом самом, на одном и том же месте. Здесь училась, росла, становилась Мастерицей, достигла высот в своей профессии.

Росла она проворной, ладной деревенской девчушкой. Любила ходить по грибы, по ягоды. Босиком пробиралась сквозь лес к светлой тихой Ламе, в которой резвились язи да окуньки. Вдыхая настоянный на еловой хвое да березовом листе ветер, Маша думала о тех, про кого рассказывали учительница и «Пионерская правда» — про таких, как былинные витязи, как Папанин, Стаханов, Полина Осипенко, Валентина Гризодубова, Марина Раскова. Так хотелось стать похожей на них.

Мечты мечтами, но и помогать отцу-матери надо. Легко ли им восьмерых подымать? Маша нянчила меньших, за коровой ходила, на огороде помогала. Но, в общем, жилось привольно. Жаль, что так рано детство кончилось,— на одиннадцатом году. Лама стала рубежом обороны, передним краем битвы за Москву. От родной деревеньки Матвейково одни головешки остались. Да и те порастащили, обогреваясь у костров. Дом родительский фашисты спалили. Отец на фронте. Мать одна с детьми в землянке. Если б не сухари да одежонка, семенное зерно да картошка от незнакомых далеких людей, вряд ли выжили бы тогда.

Двенадцатилетняя Маша и картошку сажала, и полола, и окучивала, и, впрягшись с сестричками, братьями в борону, землю пахала. Наравне с мамой работала — и притом обязательно с кем-нибудь наперегонки. И училась в школе.

В сорок пятом году подружки позвали: «Айда в Москву, на шелковый комбинат. И ученье и харчи». Поступила в школу ФЗО. В общежитии комната на сто человек, койки в четыре ряда. Вставали рано. Учась, работали — работая, учились. Станки старые, вымотанные. А страну надо поднимать.

Все жили несладко в те послевоенные годы. Хорошо знала Маша по себе и по своей деревне: люди вокруг еще голые-босые. Не просто нажимала — наваливалась. Увлекалась работой, как когда-то на молотьбе. Полюбила станки, ткачество.

Поднималось производство, приходили новые станки, лучше, легче работалось. Больше зарабатывала. Приоделась, распрямилась во всю стать Мария-ткачиха. По весне, в пятидесятом, встретила суженого своего — Володю. Через год поженились. Сняли комнатку в бараке на Оленьем валу, что в Сокольниках,— девять метров. Заливало ее водой и с крыши и с Яузы, ветрами простегивало, а до сих пор Мария Дмитриевна скучает по Сокольникам. Доведется побывать там — сердце екает: здесь, на Оленьем валу, прожиты лучшие годы. Здесь Галина родилась, в пятьдесят третьем, потом Ирина, в пятьдесят девятом. Ну, а барак, что ж, ничего. Жили, не тужили. «Дай вам бог, дочки, чтоб вас так любили, чтоб вы так любили». Однако не вся правда здесь: были у Полещуков и семейные невзгоды — как же без этого?

В шестьдесят первом барак сломали. Получили новую двухкомнатную квартиру. Поначалу Мария Дмитриевна среди ночи поднималась, ходила из комнаты в комнату: «Неужто я здесь живу?» Прислушивалась к ровному дыханию детей, к ночным шорохам. Драила до солнечного блеска раковины. Чуть ли не по два раза в день полы натирала. Даже то, что на работу ездить дальше стало, не беда. «Подумаешь, какие-то полтора часа в один конец...»

Как-то парторг сказал ей:

— Золотое сердце у тебя, Мария Дмитриевна, золотые руки, а вот подучиться не мешало бы.

Не вдруг взялась. Но со временем все в доме Полещуков сделались «школярами». Иринка — в первом, Галя — в шестом, Владимир Яковлевич — на юридическом факультете, Мария Дмитриевна — в седьмом классе школы рабочей молодежи. Неловко восседать за одной партой с парнями и девчатами зелеными, но куда зазорнее — только шесть классов. Кончится смена, книжку под мышку, перехватит в кафе по дороге булочку — и на занятия. Тяжко было, когда в вечерние смены заступала. Спасибо, Галя помогала наверстывать упущенное. Так и учились: старшая дочь — в десятом, мать — в одиннадцатом. Потом разохотилась — подала в техникум на вечернее отделение.

...Шестьдесят восьмой год. Принята в партию. Шестьдесят девятый — получила новейшие станки. Вот она, если всерьез, НТР. Стоят они рядком скромные, но не тихие. Мягко посвечивают свежей краской спокойного светло-фисташкового тона. В общем, как говорят, влюбилась с первого взгляда. Но подойти к станкам было боязно. Может, не хватит образованности, смекалки, сноровки, прилежания и усердия?.. Глаза страшатся, а руки делают. Подруги помогли. Инженеры, наладчики не обошли вниманием. Сперва к одному приноровилась, потом — к четырем, к шести.

Совсем неожиданно для Полещук ее избрали делегатом на XXIV съезд партии. Многие участники съезда решили повышенные обязательства брать. Секретарь райкома партии подошел в перерыве:

— Ну, а ты, Мария Дмитриевна, как?

— Я?..— Она немного растерялась на таком-то многолюдстве.— Я что же? Как все. Возьмусь восемь обслуживать.

...Нелегко дались эти восемь. В обиход, в моду вошло слово «рубеж». А ведь верно, рубеж одолела.

Через год повстречал ее секретарь райкома партии:

— Как дела? Зашиваешься?

— Не без этого...

В техникуме преподавательница задала расчет сделать: сколько станков «СТБ-2,330», тех самых, на которых Мария Дмитриевна работала, сколько таких станков может обслуживать один человек в идеале? Подсчитала: тринадцать. Не может быть. На восьми работаю, и уже до упора. Пересчитала — опять тринадцать. Призналась преподавательнице:

— Должно быть, ошибка?

— Ну-ка... Все верно. Вернее не бывает.

— Да быть этого не может.

— А вы попробуйте. Конечно, и-де-ал... Не всякому дано...

От восьми станков шагнула к десяти, потом к пятнадцати. Трудные «рубежи», долгий путь поисков, размышлений, тренировок. Путь напряжений и перегрузок. Да, да, скажем честно, перегрузок, и не каждому они по плечу. Без таланта в ткацком деле, как и во всяком другом, что без воздуха, что без рук.

...Во всю стену цеха «наглядная агитация»: обязательства, показатели. «Качество, надежность, долговечность — сплав труда, опыта, знаний». Хорошо сказано, да поди сплавь... Сколько пряжи надо, сколько киловатт-часов, машино-часов, человеко-часов, сколько пота, нервов, вдохновения! И, глядя на то, как работает Мария Дмитриевна, подруги невольно испытывают нечто вроде угрызений совести, строже спрашивают себя: «А ты что еще недоделала? Что бы еще смогла?» Вот это, пожалуй, и есть то главное, что она вносит в жизнь, с чем обращается к окружающим, тот почин, который по справедливости считается наиважнейшим, наинужнейшим: работать без отстающих.

В семьдесят шестом взялась две пятилетки за пять лет выполнить. Поработала до июля и словно спохватилась: вроде получается на пятнадцати-то? А что, если?.. Сразу б надо за три плана взяться. Где ты раньше была, Мария? Душевный порыв ее на официально-деловом языке запечатлен неярко, зато ясно: «Пересмотрены в сторону повышения обязательства. Повышена до девятнадцати станков зона обслуживания». Ну и как? Справилась? Ответ найдете в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 12 мая 1977 года.

...Людмила Николаевна, заместитель начальника ткацкого производства, бросилась в завком — никого уже нет, вечерняя смена к концу. Выбежала на улицу. Все магазины закрыты. Тут навстречу женщина с букетом. Людмила Николаевна к ней:

— Извините, пожалуйста. Ткачихе нашей Героя присвоили. Поздравить надо по-человечески, а цветов нет. Очень хорошая женщина. Особенная она у нас. Безотказная. О, да на вас ее платье, из ее глади...

Примчалась в цех с букетом на общее торжество:

— Ступайте домой, Мария Дмитриевна. Лица на вас нету. Голос дрожит. Ноги, поди, от счастья подкашиваются?

Что верно, то верно: так еще никогда не волновалась.

— Успокойся, Мария. Доработаем за тебя. Ступай отдохни.

— «Отдохни»! А на собрание? Наташу Фадееву в партию принимают, ученицу мою.

...С утра телеграммы, звонки. Муж носится по дому, по двору, потрясает газетой:

— Слышали?! Вот... Мою фамилию прославила...

...Глянула в зеркало: «Надо же! Герой!.. Не постарела вроде? Вот морщинки только у глаз». Разревелась навзрыд. Стыдно к дочерям обернуться. «Ты чего, мама? О чем?..»

«О чем, о чем!».. О том, что обидно быстро пролетают годы, и никогда, никогда уж ни мать, ни отец не увидят золотую звезду на твоей груди. Или о том, что прежде думалось-гадалось: никому-то я не заметна, никому не ведома, ан, оказалось, у всех на виду. Или о том, что радость нахлынула в обнимку с неизменной спутницей — грустью? А может, и о том, и о другом, и о третьем?

...Летят день за днем. Подъем в пять ноль-ноль. Завтрак. Домашние хлопоты. В шесть с первыми пассажирами шагает сквозь распахнутые двери метро. В шесть тридцать — на комбинате. Утренние смены чередуются с вечерними. Сегодня, в среду, как раз кончается рабочая неделя, впереди два дня отдыха. Тут приходят из парткома:

— Мария Дмитриевна! Из Моссовета звонили. Завтра вам к одиннадцати на заседание исполкома.

Что поделаешь? Она депутат, член исполкома Моссовета. То в юношескую библиотеку приглашают выступить, то совет наставников, на котором она председательствует, то выступление на отчетно-выборном партийном собрании... И сегодня — это уж обязательно! — не к четырем домой вернется, дай бог чтоб к восьми вечера. Успеть бы в магазины зайти за продуктами...

...Летит день за днем. День за днем меж рядами натянутых нитей простреливают челночки. Нарастают, шелковисто отсвечивая, полотнища. Наматываются-копятся, словно разбухая, грузные рулоны: рождается ткань. Живет в Москве Мария, красивая, молодая женщина, ладная, складная, приятная и простая в общении, просвещенная, душевная, обаятельная. Да притом еще с характером, главная черта которого: любит работу. И работа ее любит. Тянется от горячего сердца Марии живая, неразрывная нить — тянется ко всем нам. Вплетается в ткань всенародных забот, свершений, словно нить основы нашей жизни.

Мария Дмитриевна Полещук выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

ГОДА

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПЕКИН: КУРСОМ ЭКСПАНСИИ

Вадим КАССИС

Среди международных событий последних недель минувшего года политические наблюдатели выделили одно — решение Вашингтона и Пекина установить с 1 января 1979 года полные дипломатические отношения между США и Китаем. В восторженной телеграмме, которую Белый дом послал по означенному поводу в Пекин, отмечается, что отныне США и Китай могут «совместно вносить вклад в стабильность в Азии и районе Тихого океана». В ответ пекинские лидеры не только расплылись в улыбках и рассыпались в любезностях, но и продемонстрировали поистине чудеса пресловутых китайских церемоний. В Чжуннаньхае — обители пекинской правящей элиты — лились рекой сладкие речи и подогретое шаосинское вино. Демонстрация этого альянса, по мнению наблюдателей, прежде всего рассчитана на публику и носит подчеркнуто рекламный характер. Как бы после такого ажиотажа и веселья не наступило тяжелое похмелье, размышляют в разных странах журналисты. И не без оснований.

Еще до объявления об установлении дипломатических отношений между Китаем и США в прессе появился новый, довольно емкий термин «китайская карта». В угаре великодержавного шовинизма, участившихся приступов оголтелого гегемонизма пекинские лидеры взяли курс на открытое сближение с агрессивными кругами НАТО и милитаристскими силами Японии. Натовские генералы с восторгом раскрыли объятия своим новым друзьям. Японские руководители «сил самообороны» с особым рвением заговорили об «угрозе внезапного нападения на Японию» со стороны СССР. Вряд ли кто может усмотреть в этих позициях элемент случайного совпадения: дирижировал антисоветским концертом Пекин, который давно задумал сколотить агрессивный альянс против стран социалистического содружества.

Реально мыслящие политические деятели задаются сегодня вопросом: не разыгрывает ли Пекин «натовскую», «японскую» и, наконец, «американскую» карты в собственных великоханьских интересах? Ведь не для красного словца министр обороны КНР Сюй Сяньцянь охарактеризовал акт установления дипломатических отношений между двумя странами как «большое историческое событие»!

Что ж, установление дипломатических отношений между суверенными государствами в принципе дело естественное и полезное. Однако, по мнению людей сведущих, прежде всего нужно четко знать, во имя чего совершается и на какой основе зиждется такой акт. Послужат ли эти отношения делу разрядки напряженности, или от них будет веять ветрами «холодной войны», гонки вооружений?

В данном случае лучше всего обратиться к фактам и событиям только что минувшего года. Хорошо известно, что вся китайская дипломатия этого периода была подчинена экспансионистским интересам, поискам арсеналов оружия. Милитаристские действия Китая отличаются выпадами против независимости и территориальной целостности всех малых и даже средних стран азиатского континента. Стало, например, известно, что Китай приступил к концентрации своих войск на границе с высокогорным Бутаном. Он превратил «крышу мира» — Тибет в один из самых мощных плацдармов своей милитаристской политики в этом районе. Ракетные базы, полигоны, военные дороги, казармы, склады оружия и боеприпасов все дальше и дальше теснят с пастбищ тибетцев-скотоводов. По сведениям лиц, побывавших в последнее время в КНР, там поговаривают о том, что Пекин уже присматривается к морскому порту Карачи, побережью Бирмы, где китайские адмиралы мечтают разместить свои военные корабли. Выход в Индийский океан им нужен для того, чтобы держать под своим контролем страны, которые он омывает.

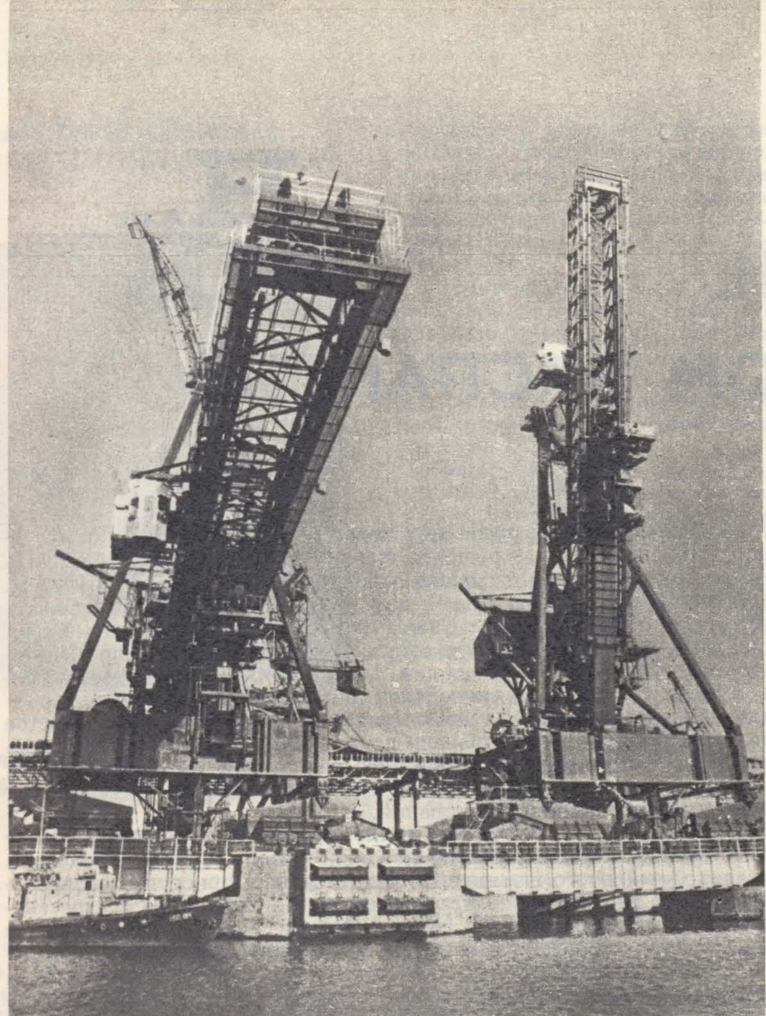
Пекин продолжает вести свою двойную игру в Африке и на Ближнем Востоке. Явная непоследовательность видна в политике пекинских лидеров по отношению к Тайваню. По сведениям прессы, американскому полномочному представителю У. Кристоферу, которого Вашингтон недавно отрядил в поездку на Тайвань для умиротворения и задабривания местных правителей, пришлось ретироваться перед лицом возмущенных тайваньцев после «деликатных» переговоров.

Следует напомнить, что между Вашингтоном и тайваньским режимом была достигнута негласная договоренность о том, что США сохранят свои обязательства по защите Тайваня в случае вооруженного нападения на него Китая. С другой стороны, печать сообщает: Пекин соглашается с позицией «двух Китаев» и даже сулит пост заместителя главы объединенного Китая тайваньскому представителю. Поистине заблудились в двух соснах!

И еще — пекинских руководителей не покидает мысль о скорейшем превращении Китая в могущественное государство за счет закупок военной техники где угодно, лишь бы она соответствовала «современным стандартам». Как подчеркивал журнал «Тайм», Китай лишь в прошлом году запланировал истратить на закупку военной техники 10 миллиардов долларов. Наращиваются и ядерные потенциалы. И хотя США до сих пор не начали поставок оружия Китаю, они не перестают давать советы западноевропейским и дальневосточным союзникам, поощряя их на сделки такого рода с пекинскими милитаристами.

Что же касается новой оси Вашингтон — Пекин, то ей даст должную оценку история. В своих ответах на вопросы американского журнала «Тайм» Л. И. Брежнев подчеркнул, что расчеты использовать набравший силу пекинский режим как орудие политики НАТО, канализировать его воинственные устремления в угодном Западу направлении — это не более чем самонадеянная наивность. «Достаточно вспомнить,— заявил глава Советского государства,— чем закончилась для западных держав та же мюнхенская политика. Неужели уроки истории так быстро забываются?»

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

Угольный пирс ждет суда.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В ВОСТОЧНОМ СЕГОДНЯ

Инженер-наладчик Юрий Кобычев.

Строитель пирса Михаил Петрович.

У дальневосточников — большой праздник: в последние дни минувшего года в Восточном порту начал действовать уникальный автоматизированный угольный перегрузочный комплекс мощностью 5 миллионов тонн в год. Завершено строительство первой очереди крупнейшего в стране глубоководного механизированного Восточного порта. Строителей, монтажников, проектировщиков, эксплуатационников, партийные, профсоюзные, комсомольские организации, всех участников строительства первой очереди порта с замечательной трудовой победой поздравил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.

Автоматизированный угольный перегрузочный комплекс: что за этим названием?

Представьте просторный берег бухты Врангеля, на котором между островерхими сопками и морем четко спланирована площадка размером более 50 гектаров. К одному краю подходят рельсы железной дороги, а от другого в море выступает рукотворный мыс — вытянутый прямоугольник из бетона и стали. Сооружение именуется угольный пирс — это один из 78 объектов, смонтированных строителями. Конвейерные линии поделили площадку на четкие квадраты складирования угля. Но прежде всего обращают на себя внимание необычные для морских портов, оригинальные и красивые сооружения — стакеры и реклаймеры. Первые предназначены для равномерной россыпи угля, вторые — для загрузки угольной массы в трюмы судов. По протяженности конвейерных линий, по автоматике, по пропускной способности комплекс этот станет крупнейшим в нашей стране. Главное его достоинство — автоматика, механизация. Оператор центрального пульта управления с помощью графических панелей, пультовых узлов, телекамер дистанционного управления может руководить работой всех звеньев. На смену докерам пришли операторы.

Трудно переоценить огромное значение ввода в действие первой очереди Восточного порта. Он значительно улучшает транспортные связи северо-восточных районов страны, создает благоприятные условия для дальнейшего развития внешнеэкономических связей Советского Союза.

...Днем и ночью швартуются к пирсу океанские лайнеры. Теперь кажется, что комплекс работает уже давно, а ведь только 28 декабря 1978 года начальник Восточного порта В. А. Васянович отдал команду на его пуск, и в трюмы корабля «Константин Петровский» посыпались первые тонны угля.

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»
Фото автора

«Для деятелей литературы и искусства нет более интересной и вдохновляющей задачи, чем отображать подвиги народа, в том числе на целине».

С особым значением эти слова Леонида Ильича Брежнева звучат на выставке «Художники Подмосковья на целине», открытой в Москве.

Летом 1954 года на целинные земли Казахстана и Алтая приехали студенты художественных вузов. Так же, как и первые строители, они жили в палатках, работали с утра до вечера в поле и на стройках. Их инструментами были походные этюдники и мольберты, кисти и краски. Они писали целинников, многие из которых были их сверстниками — девушек из Ленинграда и с Украины, ребят из Молдавии, трактористов и доярок, бригадиров и штукатуров,— тех, кто проводил здесь первую борозду и снимал первый урожай, строил первые дома в поселках. Молодые художники — а среди них были М. Аникеев, В. Виханский, И. Воробьева, А. Меллит, Е. Самсонов, Н. Кузнецов — запечатлели жизнь покорителей целины, их нехитрый, на первых порах не устроенный быт, их энергию и задор, энтузиазм первопроходцев. В этюдах и набросках, выполненных взволнованно, искренне,— дыхание вспаханной земли и тяжелые, отливающие золотом горы пшеницы на току, яркая красочность закатов в степи, бескрайние, словно море, просторы полей, знойные полдни и ясные утра. Но главное — многочисленные портреты целинников. И теперь, спустя четверть века, эти работы стали волнующим документом, частью художественной летописи целины.

Несколько лет подряд приезжали студенты — художники Подмосковья на целину, некоторые из них выбрали эту тему для своих дипломных работ.

Есть на выставке произведения, созданные в более поздние годы уже сложившимися художниками. В них — размышление, обобщение событий; картины В. Пантелеева и Н. Чуносова, К. и М. Радимовых отражают историческое значение освоения целинных земель, руководящую роль Коммунистической партии, личное участие Леонида Ильича Брежнева в обновлении целинного края.

О. КРАСНИКОВА

ХУДОЖНИКИ НА ЦЕЛИНЕ

В зале выставки. Фото А. Бочинина

ЭСТОНИЯ

САНАТОРИЙ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

В умелых руках строителей опорно-показательного рыболовецкого колхоза имени С. М. Кирова, который расположился по соседству с Таллином, старое школьное здание обрело не только новый облик, но и новое назначение. В нем открылся детский санаторий. Это первое такого рода сельское учреждение в Эстонии.

...Дом, окруженный елями, разместился на берегу моря. Входим в оборудованное новейшей медицинской техникой здание. Привлекает внимание красивая детская мебель, разработанная специалистами колхозного конструкторского бюро. Много игрушек, веселых картин и цветов. Но самый большой подарок для детей — крытый бассейн с автоматическим подогревом воды. Лечение, игры и эсте-

...Узкие бойницы Красноярского острога настороженно вглядывались в окрестные леса и быстрые воды Енисея. В тишине я рассматривал деревянную церковь, избу воеводы, амбары с продовольствием и военными припасами, дома служилых людей... Так я стоял, пока не почудились мне звуки — ржание лошадей, звон кольчуг, говор. И вспомнились строки, писанные русским землепроходцем три с половиной века назад: «Место сие на яру, угоже, высоко и красно, полая вода не поймает, и лес близко всякий есть, и пашенных мест и сенокосных угодий много, и река зело рыбна. Государев острог на том месте ставить мочно».

Стукнула входная дверь, и в выставочный зал вошла группа экскурсантов. Древний острог стремительно уменьшился в моих глазах — до размеров макета. С сожалением направился я к выходу, но тут чей-то голос восторженно спросил:

— Кто же такую красоту сотворил, какой художник?

— Этот подарок сделал городу один из старейших его жителей, Петр Алексеевич Ларионов, — ответил экскурсовод. — Ему восемьдесят три года, он бывший инженер-мукомол. Страстно увлечен историей, и у него золотые руки. Макет Красноярского острога создавал по описаниям и рисункам. До этого делал старинные деревянные мельницы для музеев, а сейчас решил по сохранившимся чертежам восстановить в макетах облик старых зданий.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька».
Фото автора

КРАСНОЯРСК

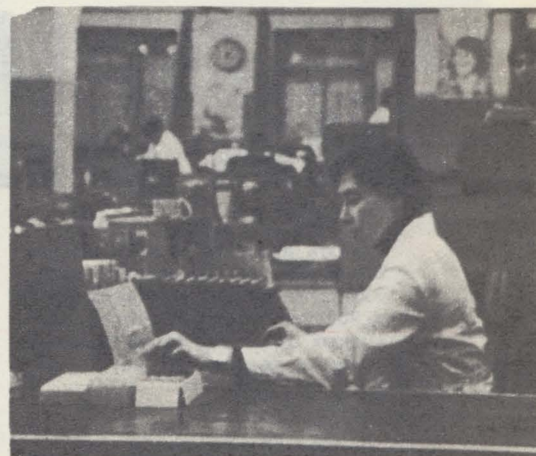
В КРЕПОСТИ СТОЯЛА ТИШИНА

Макет Красноярского острога.

МОСКВА

«Я — РАБОЧИЙ ЧЕЛОВЕК»

Марина Лякишева на рабочем месте.

Фото автора

Электросборочный цех Московского энергомеханического завода МПС. Много молодежи. Белые халаты, сосредоточенные лица. Здесь собирают диспетчерские пульты управления для железных дорог.

Марина Лякишева распаивает блоки:

— Впервые я пришла в этот цех, когда училась в девятом классе 331-й школы. Через год мне присвоили первый разряд и выдали квалификационную книжку. Вот я и вернулась по окончании школы в цех, ведь специальность у меня уже была. Сейчас учусь в МИИТе, на вечернем факультете энергоснабжения. Моя теперешняя работа — хорошая практика для будущего инженера...

Здесь же бригада Светланы Николаевны Никогасян. Сама Светлана, Елена Корнеева, Наталья Артюшина тоже учились в 331-й школе. Тринадцать лет назад Светлана пришла на завод. За эти годы стала бригадиром, наставником, вступила в партию.

— Ученики нашей школы и теперь проходят практику на заводе,— рассказывает С. Н. Никогасян.— У них постоянные места, их учат опытные рабочие. Продукция идет в план, поэтому ребята серьезно относятся к делу.

Пятнадцать лет назад завод построил при школе учебный цех. Здесь ребята получают специальность электромонтажников. И сейчас многие молодые рабочие завода — выпускники этой школы.

— На тематических вечерах «Я горжусь своей профессией», «Я — рабочий человек», «Рабочая биография» выступают родители учеников. Такие беседы очень нужны молодежи,— рассказывает директор 331-й школы Э. М. Беренштейн.— Охотно работают ребята в школьной мастерской. Но особенно интересно на заводе: они собирают панели, сигнальные ключи, всерьез участвуют в производственном процессе.

Энергомеханический завод расширяется — строится большой цех, для которого понадобятся новые кадры. И в этом году часть выпускников подшефной школы пойдет туда, где они очень нужны.

В. МИХЕЕВ

В колхозном детском санатории.

Фото В. Сальмре.

тическое воспитание ребят здесь тесно связаны. С маленькими пациентами, а сюда принимают ребят только дошкольного возраста, занимаются высококвалифицированные педагоги, преподавательница музыки, тренер по плаванию и физкультуре.

Курс лечения ребенка обходится колхозу в 240 рублей за месяц.

Кроме детского санатория, в хозяйстве имеется пансионат для престарелых «Прибрежная семья».

В минувшем году фонд социального обеспечения тружеников колхоза составил почти 700 тысяч рублей. На культурно-бытовое строительство израсходован почти миллион рублей.

А. ХАРЧЕНКО,
А. ПОЛООМПУУ

УЗБЕКИСТАН

РЕКА ТЕЧЕТ ВВЕРХ

Огромные массивы плодородных земель Узбекистана веками пустовали из-за отсутствия воды. Примитивные водоподъемные колеса, так называемые чигири, не в силах были напоить их.

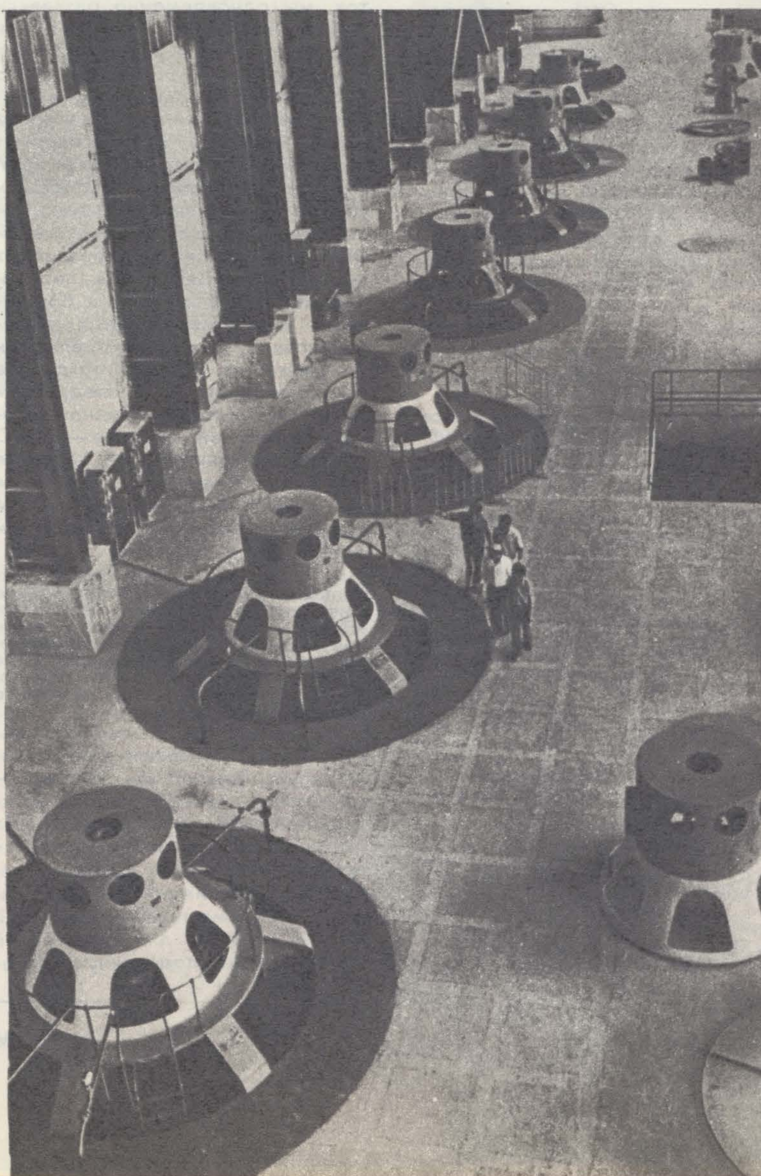
Ныне же эту работу выполняют мощные энерготехнические комплексы, свободно преодолевающие перепады уровней поля и реки в несколько десятков метров.

Один из таких комплексов — Аму-Бухарский машинный канал, снабжающий извечно жаждавшие поля Бухарского оазиса водой Амударьи. Перекачивающая станция «Хамза-2» поднимает ее на пятидесятиметровую высоту. Мощность каждого из десяти агрегатов станции — более 12 тысяч киловатт. Практически целая река стремительно течет вверх.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Участок насосной станции «Хамза-2» Аму-Бухарского машинного канала.

Фото Р. Джуманиязова

ОПРОКИНУТЫЙ БАРЬЕР

В эти дни весь советский народ отмечает знаменательную дату — 325-летие воссоединения Украины с Россией. Наш рассказ о работе ученых одного из крупнейших институтов Академии наук УССР.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

ВЕДУЩИЕ ПРОГРЕССА

«Если сравнение человека с обезьяной наносило удар по нашему самолюбию и мы теперь уже преодолели этот недостаток, то еще большим оскорблением ныне считают сравнение человека с машиной». Эти слова Норберта Винера вспомнились мне по дороге в Теремки, еще недавно хуторок под Киевом, где расположились корпуса Института кибернетики Украинской Академии наук.

Нет, никто уже не отрицает новую науку, само название которой происходит от греческого слова, означающего в переводе «ведущий», «кормчий». И все-таки осталось во многих из нас некое недоверие к возможностям машины.

Мне предстояло встретиться с человеком, жизнь которого можно назвать своеобразным рыцарством XX века. По каменистой дороге научного поиска его ведут отвага, верность и неуемное желание улучшить, облегчить работу людей во всех сферах их деятельности. Он не только обогатил кибернетику научными исследованиями, но и сделал (и делает!) чрезвычайно много, чтобы рассеять недоверие, опрокинуть психологический барьер, мешающий ее внедрению на металлургические заводы и в кабинет министра, в больницы и школы, в плановые организации и на телефонные станции, в магазины и в наши квартиры, в быт...

Наука героична в самых повседневных, будничных проявлениях. «Карьера» ныне лауреата Ленинской и Государственных премий академика Виктора Михайловича Глушкова, а тогда молодого математика, началась лет двадцать назад на киевской окраине, в захламленной комнатенке бывшей монастырской гостиницы. Десятка два молодых сотрудников, в том числе и он, руководитель лаборатории, работали здесь и как исследователи и как слесаря и монтажники. Помещение убирали, объявив комсомольский субботник, в перерыве играли в Голосеевском лесу в волейбол, устраивали на вечерах веселые капустники. Открывалась удивительная, полная тайн и волшебных богатств страна Кибертония, отстаивать независимость которой все еще приходилось в борьбе со скептиками.

Были у лаборатории уже тогда замечательные традиции: именно в ней под руководством академика С. А. Лебедева создали первую в Европе электронную вычислительную машину. Сам Сергей Алексеевич к тому времени с частью сотрудников был вызван в Москву, где создавался Институт точной механики и вычислительной техники, а остатки его группы оказались не у дел. Руководителем этой осиротевшей группы, не имеющей, по существу, никакого оборудования, и был назначен молодой математик Виктор Глушков.

С трудом урывал он время от своей научной работы, от семьи, от двухлетней дочери для чтения публичных лекций по кибернетике, выступая в институтах, в заводских клубах, в министерствах, на заводах и в шахтах. Спорил, убеждал, доказывал. Многие удивлялись: разве это дело ученого? Но так готовил он будущих заказчиков для своих тоже будущих машин, находил союзников среди ученых, руководителей заводов, хозяйственников, плановиков. Вербовал кадры. Например, после одной из лекций к нему подошла Юлия Владимировна Капитонова, после другой — Виталий Павлович Деркач, его ближайшие соратники, теперь доктора наук, разделившие с ним Государственную премию 1977 года. Так сагитировал он и талантливого математика Владимира Сергеевича Михалевича, тогда молодого кандидата наук, а теперь академика АН УССР, заместителя его на посту директора Института кибернетики.

Из маленькой лаборатории, умещавшейся в монастырских кельях, вырос крупнейший институт Академии наук Украины, работающий на принципиально новом направлении науки: его задачей стало создание кибернетических устройств специально для хозяйства страны и внедрение вычислительной техники в жизнь.

— Основной девиз нашей работы: «Единство ближних и дальних целей»,— рассказывает Виктор Михайлович Глушков.— Все исследования института, и теоретические и связанные с практикой, отвечают этому девизу. Например, конструируя так нужные стране миникомпьютеры для научных расчетов, мы одновременно развивали фундаментальные исследования, создавали новую математику для проектирования ЭВМ. Это было пионерским направлением в мировой науке. Занимаясь запуском наших машин в серию, институт создавал задел для техники ЭВМ будущих поколений. Мы первыми сделали управляющую машину и выдвинули идею универсальной ЭВМ, годящейся для различных производств. Пятнадцать лет назад, когда мы подошли к организации автоматизированных систем управления, на нас смотрели как на фантастов. Однако тогда же мы заговорили и о следующем этапе, Общегосударственной автоматизированной системе — ОГАС, прекрасно понимая, что создание ее — дело будущего, задание не на одну пятилетку. На XXIV и XXV съездах партии эти идеи получили одобрение и развитие.

— Но время повсеместного использования ЭВМ настанет только тогда, когда они будут удобными в общении, смогут вступать в деловую беседу с исследователем, хозяйственником, плановиком, а не ограничиваться выдачей «руководящих» указаний в виде печатного текста? Нужен диалог...

— Именно такие системы мы сейчас разрабатываем. Уже создана новая диалоговая система — «Дисплан», своеобразный электронный собеседник человека. На светящемся экране предлагается несколько наиболее выгодных вариантов решения поставленной задачи. Чтобы машина узнала, какой из них годится для дальнейшей работы, надо подчеркнуть (разумеется, особым светящимся пером) нужный вариант. После этого ЭВМ всесторонне рассмотрит его.

Человек и машина четко делят обязанности. Человек думает, оценивает, предлагает. Машина считает.

Особенно важен «Дисплан» для плановиков. Ведь в масштабах страны изменение только одного норматива ведет к полной перестройке плана, надо заново решать сложнейшие уравнения, что требует времени. А «Дисплан» даже в случае очень сложных задач покажет на своем экране ответ через десять — пятнадцать минут, пока выпьешь чашечку кофе или выкуришь сигарету.

Плановики приступили к использованию новой системы уже сейчас. В наступившем году она будет прокатана в масштабах республики.

— Виктор Михайлович, вам приходилось встречаться с Норбертом Винером. О чем вы говорили?

— К сожалению, все тогда получилось не совсем как я мечтал. Встреча была в пятьдесят девятом году в США, в Массачусетском технологическом институте. Конечно, ужасно мне хотелось узнать, что думает Винер о дальнейшем пути кибернетики, выразить ему свое восхищение, но он вел меня и моих товарищей по бесконечным коридорам института и сосредоточенно молчал, отыскивая дверь лаборатории: он всегда отличался рассеянностью и сейчас забыл дорогу. Пришлось искать секретаршу, нас проводили до двери, и тут выяснилось, что Винер забыл в машине ключи. Он совсем расстроился. Послал за ключами. А когда мы, наконец, попали в лабораторию, старый ученый уже очень устал, терял нить разговора. С горечью я узнал, что он разочаровался в кибернетике, в своем детище, которое стало моей любовью и судьбой, занимается сейчас биологией. И никаких разъяснений и подробностей. Он был стар и, как показалось мне, одинок. Толпы влюбленных учеников я не заметил. Искусственным интеллектом он не занимался.

— А можно ли вообще создать искусственный интеллект, искусственный разум, равный человеческому? Кажется, в 1962 году вы сделали в Мюнхене доклад об искусственном интеллекте, создаваемом в вашем институте. В каком состоянии сейчас находится эта работа?

— Я материалист и поэтому убежден: искусственный разум создать можно. И это произойдет у нас с вами на глазах, может быть, даже к началу двадцать первого века,— твердо отвечает Глушков.— По существу вся наша работа — ради этой прекрасной и заманчивой цели. А идем мы к ней постепенно, ступенька за ступенькой... Впрочем, вы увидите это сами в лабораториях института.

СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!

— Вероятно, первыми словами, которые поняла и на которые среагировала кибернетическая система, были «Сезам, откройся!»— шутит заведующий лабораторией распознавания и синтеза звуковых образов Тарас Климович Винцюк.— Наша машина далеко опередила свою сказочную предшественницу: она понимает уже около тысячи слов. Кстати, сейчас как раз начинается «машинное время» лаборатории. Можете сами увидеть, как ЭВМ понимает речь и говорит.

Идем в машинный зал. Старший инженер Александр Шинкаж набирает шифр, по которому ЭВМ из арсенала памяти извлечет только его голос. Это делается потому, что все голоса, манера каждого человека говорить глубоко индивидуальны. Как даже самые маленькие дети справляются с распознаванием речи разных людей, еще никто не знает. Во всяком случае, в электронном мозгу машины происходит иной процесс, утверждают ученые.

Александр Шинкаж произносит в микрофон: «сложить», «вычесть», «окно», «стол». Секундная заминка. И вот машина отреагировала: как на рекламе побежали произнесенные инженером слова, написанные светящимися буквами.

Вслед за отдельными словами Александр произносит фразы. Машина «думает» медленнее, пауза больше. И вот опять светящимися лампочками ЭВМ написала произнесенные фразы.

Теперь инженер и машина меняются ролями. Шинкаж на клавиатуре пишущей машинки отстукивает фразы, и в зале звучит машинный голос: «Жду. Начинайте ввод. Задача принята. Лента не читается. Ошибка в программе».

— Мы научили машину произносить фразы, постоянно употребляемые при работе,— объясняют мне.

— Но ведь это уже почти реализованная мечта — готовая механическая стенографистка! — восхищаюсь я.— Ты говоришь, а она сейчас же печатает. Даже расшифровывать не надо. Только вот словарный запас пока для нас, журналистов, маловат...

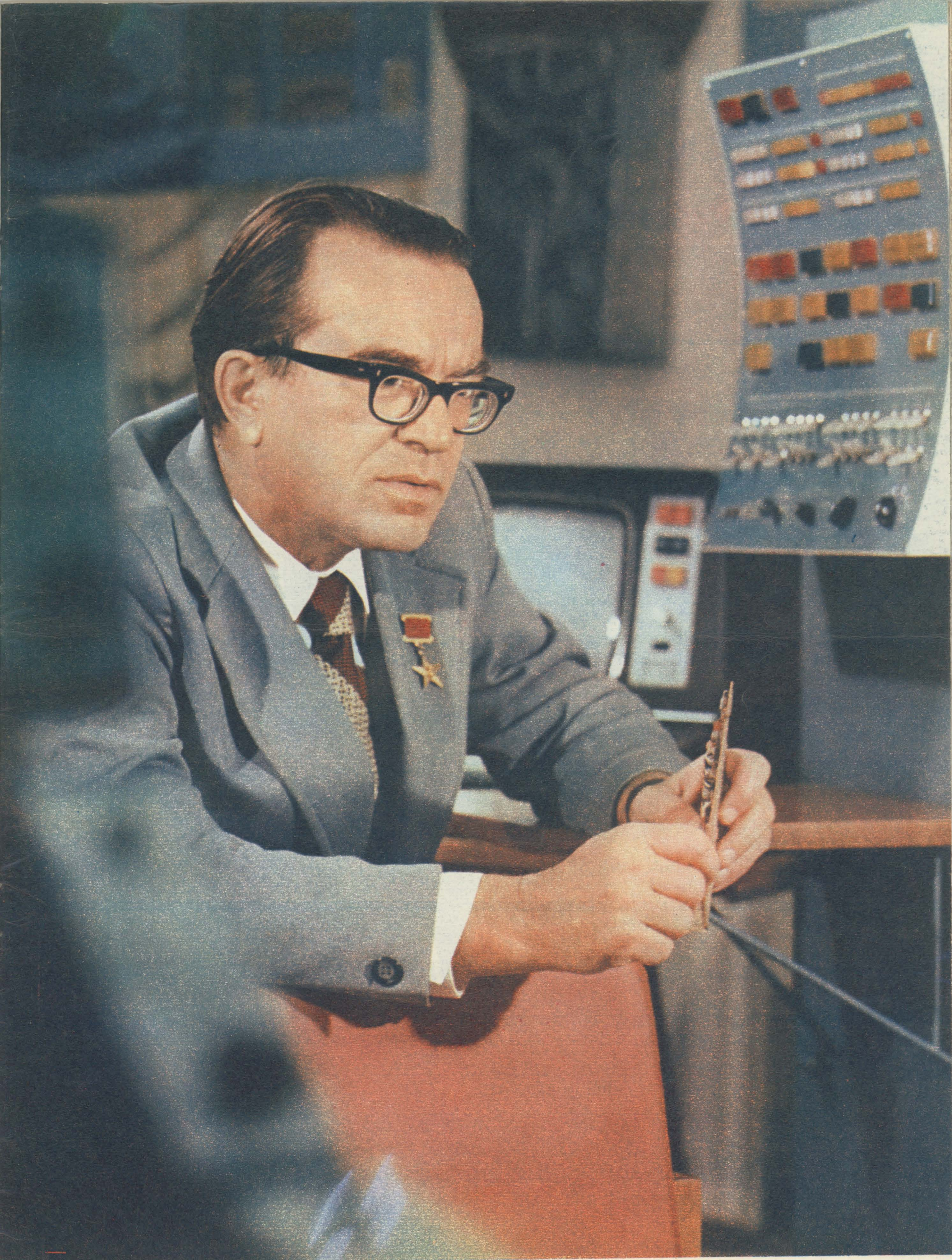
Совсем недавно на телефонной междугородной станции Киева появилась говорящая машина, созданная и установленная с помощью сотрудников института. Обычно после каждого междугородного разговора в кредит вам звонит телефонистка и сообщает, сколько времени вы говорили, а потом, спустя несколько дней, вы получаете квитанцию с суммой долга. Процедура долгая и трудоемкая. В Киеве она упрощена. ЭВМ мгновенно подсчитает ваш долг и запомнит его. Вы набираете 083, а потом свой номер, и машина человеческим голосом сообщает вам сумму долга. Вы погасили долг, и машина сейчас же отреагировала. Теперь вы слышите: «Задолженности нет». Если же ваш номер еще не подключен к системе, машина четко отвечает: «Ваш номер не обслуживается».

Во время беседы с Виктором Михайловичем Глушковым я спросила: человеку какого возраста соответствует сейчас интеллект ЭВМ?

— Трудно сказать,— задумался ученый.— По распознаванию образов ей года полтора, но быстро отличить мужское лицо от женского она не умеет. Нужно много времени, чтобы научить ее узнавать человека в разных ракурсах, в то время как даже дети это делают мгновенно.

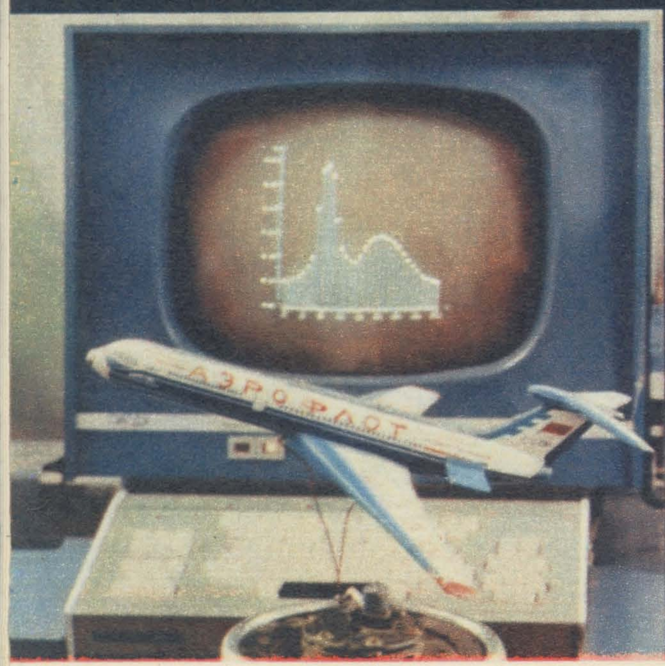
А невнимательной ее не назовешь. Знаете игру, где вам показывают несколько картинок, кото-

Виктор Михайлович Глушков, директор ордена Ленина Института кибернетики АН УССР.

АЭРОФЛОТ

рые отличаются небольшими деталями? Машина находит отличие с быстротой молнии, а даже взрослому человеку надо на это много времени.

Словарь ЭВМ напоминает запас слов семилетнего ребенка, зато она умеет читать и писать без ошибок. А в счете с ней не сравнится и доктор математики. Кроме того, она весьма недурно пишет стихи и играет в шахматы, что может далеко не каждый эрудит.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РОБОТ

Несколько десятилетий назад английский математик Алан Матисон Тьюринг сделал вывод: если после разговора, скажем, посредством телетайпа или пишущей машинки он не сможет отгадать, кто ему отвечает, человек или машина, то, значит, «думающие машины» действительно существуют, искусственный интеллект создан. До этого еще далеко, однако уже есть роботы, которые могут самостоятельно добывать информацию, оценивать обстановку, осмысленно двигаться, узнавать различные объекты и манипулировать ими.

— О роботах уже столько понаписано, что неспециалисты, помоему, совсем потеряли ориентировку, чтб учеными сделано в действительности, а что только мечта. Не выдавайте, пожалуйста, желаемое за уже созданное,— строго предупреждает меня заведующий лабораторией, где моделируются роботы, кандидат технических наук Виталий Иванович Рыбак.

Дело в том, что научить машину «слышать» и «видеть» чрезвычайно трудно. До самого последнего времени наука не была подготовлена к этому. И только сейчас с появлением машин начинают моделировать такие роботы. С другой стороны, общество не может ждать, пока наука разродится гениальным ребенком, и бешено торопит ее. Роботы необходимы человечеству. И нужны они не только в космосе, на дне морском и под землей, не только там, где трудно, опасно или просто невозможно находиться человеку. Они нужны почти на любом производстве, чтобы освободить людей от монотонной, изнурительной работы.

Как правило, прежде всего автоматизируются сложные операции. Станки с программным управлением работают с микронной точностью, ловко исполняют ювелирные процессы. Человеку остается только вставить болванку, а потом вынуть ее.

Восхищаться тут нечем, ведь человек из мастера своего дела превращается в чернорабочего, становится придатком машины. А насколько утомителен довольно примитивный процесс сортировки деталей! Но чтобы робота научить выполнять его, машину надо наделить «зрением».

В машинном зале института находится система моделирования роботов «глаз — рука». Такой робот сам, например, собирает в определенном порядке в корзинку разбросанные шарики и другие предметы, умеет различать их, может общаться с человеком через диалоговую систему. Естественно, что такое зрительное устройство, мозгом которого служит большая вычислительная машина, в цех для сортировки деталей не поставишь. В чем же практическая ценность этой системы? Ее можно использовать как средство автоматизации проектирования органов зрения роботов, предназначенных для работы с уже конкретными деталями, причем набор их очень разнообразен. Уже сейчас создаются специальные устройства и программы для проверки на системе «глаз — рука».

В институте есть и другого вида устройства. Например, я видела тележку, которая сама ездит по залу, объезжает внезапно возникшие преграды. Меняется обстановка — меняется и ее поведение. Вскоре такие роботы будут реагировать на несколько команд, отданных им голосом, причем одинаково понимать разных людей.

О ДВУХ СТАНКАХ, «БАРСЕ» и АВИАЦИИ

— Все началось с того, что более пятнадцати лет назад к нам обратился один из киевских заводов и попросил просчитать на ЭВМ и помочь обосновать записку в Госплан с просьбой выделить заводу два дополнительных станка. Без них завод не даст плана.

Мы подсчитали и выяснили, что и на существующем оборудовании завод может справляться с месячным планом за... семнадцать дней.

— Как же к этому отнесся завод? — спрашиваю я у руководителя недавно созданного в институте сектора АСУ, доктора физико-математических наук, лауреата Государственной премии УССР и премии Ленинского комсомола Виктора Васильевича Шкурбы.

— Завод сделал правильные выводы. Внес много рационализаторских предложений. Улучшил организацию труда. А мы задумались: что значит в масштабах страны плюс два станка на каждом предприятии, чтобы покрыть плохую организацию труда. Это значит, что часть целой отрасли станкостроения работает впустую. Вот тогда-то и началась моя работа с АСУ.

Уже сейчас некоторые АСУ, работая в масштабах предприятия или в лучшем случае — отрасли, дают немалый экономический эффект. А общегосударственная система при ее полной реализации позволит вдвое увеличить темпы роста выпуска продукции,— считает Виктор Михайлович Глушков.— Но для этого руководству необходимо сесть за парты и учиться управлять с помощью вычислительной техники.

Институт кибернетики организовал на базе львовского объединения «Электрон» такие курсы для руководителей предприятий, главных инженеров и бухгалтеров, экономистов и так далее. Само обучение тоже может быть автоматизировано. Но это лишь одна сторона внедрения вычислительной техники на производстве. Вторая сторона — максимальное приближение ее к человеку.

На международной Лейпцигской ярмарке этого года золотую медаль получила автоматизированная система «Барс», созданная группой украинских ученых под руководством лауреата Государственной премии УССР кандидата технических наук А. А. Морозова.

В выставочном зале института я видела эту систему перед отправкой в Болгарию, где ее будут выпускать для всех стран СЭВ.

Что же представляет собой Базовая аппаратура реализации систем, или сокращенно «Барс»?

Предположим, бело-голубой пульт системы установлен на рабочем месте токаря. Во время смены вдруг происходит остановка станка, и токарь сейчас же нажимает кнопку или поворачивает соответствующую ручку на пульте: авария, не доставили заготовки, прекратилось электропитание, нет чертежа, поломка инструмента и так далее. Система «Барс» собирает информацию со всех точек и по одному каналу передает ее на заводскую ЭВМ, которая отслеживает весь процесс работы, знает время и причину простоя. Теперь она активно вмешается в производство, посылая сигнал на нужную службу с номером станка, чтобы немедленно подали сырье, чертежи или прислали мастеров ликвидировать поломку. Если остановилась целая линия, ЭВМ пересчитает ритм остальных линий и подскажет, как перестроить работу на заводе. И годится эта система от рабочего и мастера до директора.

Еще меньше по размерам разработанный в институте пульт для инженерных служб. На нем фиксируются: «время прихода, совещание, командировка, думаю, работаю». Начальник производства постоянно знает, кто и чем занят, и зря не потревожит сотрудника, если у того совещание или он думает.

Все больше специалистов самых различных профессий обращаются к кибернетике. Например, возле «Барса» я встретила двукратного олимпийского чемпиона по бегу на спринтерские дистанции Валерия Борзова. Он работает над диссертацией «Моделирование техники бега с низкого старта», и ему понадобилась консультация математиков. Кстати, внедрением кибернетики в спорт занимается в институте целая группа и своих спортсменов-энтузиастов. Здесь и баскетболисты, и горнолыжники, и специалисты по регби и водным лыжам. Кибернетики пытаются создавать более совершенные секундомеры и другие нужные спортсменам приборы, автоматизировать рутинную работу судейских бригад, ускорять получение результатов соревнований. Веточка от кибернетики тянется к Олимпиаде-80.

Кандидат технических наук Павел Михайлович Сиверский, в отделе которого ведутся эти работы, рассказал мне еще об одном неожиданном для меня применении кибернетики — для получения результатов летных и стендовых испытаний, когда на экране телевизора виден весь спектр нагрузок, испытываемый в каждый момент самолетом на вибростенде.

Вместе с кибернетиками работали и самолетостроители. Сейчас авиационной промышленностью принято ряд систем к действию. Конструкторы, например, всемирно известный О. К. Антонов, дали о них отличный отзыв.

Несколько лет назад произошла революция в микроэлектронике — на крошечной пластинке кремния оказалось возможным выполнить схему, эквивалентную нескольким сотням телевизоров. Компьютеры стали гораздо миниатюрнее, а стоимость их дешевле. Это сделало возможным широкое применение ЭВМ в быту.

Виктор Михайлович Глушков убежден, что недалеко время, когда хозяйка, сидя на работе, сможет готовить обед, давая указание электроплите по телефону. Уже конструируется опытная партия телевизоров с встроенным микрокомпьютером. Вы дадите ему задание, и он сам в указанное время включит телевизор и даже переведет на нужную вам программу. А как облегчит жизнь деловых людей телефонный аппарат, автоматически повторяющий набор, пока нужный вам номер не освободится!

КОЛЛЕКТИВНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ МОЗГ

Анатолий Александрович Попов удивительно похож на земского врача, того обаятельного, скромного труженика медицины, часто превосходящего своим талантом университетских профессоров, благородный образ которого сложился у нас из русской литературы. Долгое время доктор медицинских наук А. А. Попов действительно работал врачом, а потом увлекся кибернетикой. «Ты хочешь сделать костыль для медицины,— ворчал его старый учитель.— Не избавит ее твой костыль от хромоты».

— Речь идет не о подпорках, не об автоматизации отдельных процессов, скажем, измерении кровяного давления, что тоже очень важно и уже, по существу, выполнено, а о создании коллективного медицинского мозга,— рассказывает Анатолий Александрович.

Идея такого коллективного разума принадлежит не медику, а математику Виктору Михайловичу Глушкову. А суть ее состоит в том, чтобы записать в машинной памяти мнения светил медицины по целому ряду сложных заболеваний, оперативному лечению травм при несчастных случаях, прохождении уникальных операций и так далее. Ученые считают, что число экспертов по каждому вопросу может быть от трех до десяти, но суждения их должны пользоваться действительно бесспорным авторитетом. А в целом в такой системе объединяются знания многих тысяч лучших специалистов по различным, но взаимосвязанным вопросам.

Такой мозг — консультативный совещательный орган. Крупнейших специалистов не соберешь на консилиум у постели больного, если он находится в тайге, на судне, в открытом океане или просто в сельской больнице. А вот связаться с ЭВМ, в памяти которой записаны их суждения, будет вполне доступно для любого врача. Знания медиков — бесценное сокровище, добытое трудом, опытом, талантом, интуицией. Они не должны исчезнуть, несмотря на то, что люди, увы, смертны. Такая «библиотека» в памяти ЭВМ будет ценнее напечатанных научных трудов. Ведь книгу надо не только иметь, но и срочно найти в ней описание нужного случая. А ЭВМ по запросу немедленно не только найдет в памяти и изложит мнение того или иного специалиста, но и сопоставит их, покажет, в чем профессора придерживаются единого решения, вскроет спорные проблемы.

Я расспрашиваю Анатолия Александровича о том, что уже сделано.

— Идет насыщение моделей информацией,— коротко отвечает он.

Добывать эту информацию — дело трудное, долгое, кропотливое. И, честно говоря, далеко не все медики с энтузиазмом поддерживают эту идею. Однако черенок новой науки, созданной математиком, хорошо привился к древу медицины. В отделе медицинской кибернетики совместно врачами и математиками создаются специальные истории болезни, обрабатывать которые будет ЭВМ, диалоговые системы бесед человека и машины. Ведь бывает, что некоторые интимные подробности больному легче доверить автомату, который бесстрастно их запишет, чем живому врачу.

Такая система поможет и пациенту и медику. Больной сообщит заранее свои жалобы, и ЭВМ запишет их в «историю болезни», что уже не надо будет делать врачу во время приема. Он лишь добавит свои личные наблюдения и выводы.

Коллективный медицинский мозг — дело будущего, но методика его работы уже апробирована. Недавно ученые СССР и ГДР провели исследования, связанные с планированием, где были использованы записанные и обработанные на ЭВМ мнения двух тысяч разных специалистов по вопросам науки и техники.

Коллективный машинно-человеческий мозг создается сегодня. Его память станет постоянно обогащаться опытом, знаниями людей. Он будет очеловечиваться их умом. И постепенно, перерастая в искусственный разум, станет верой и правдой служить людям.

◀ Старший инженер А. И. Болдырев за наладкой комплекса моделирования роботов типа «глаз—рука». * Один из лучших радиомонтажников института, Яков Михайлович Макаров. * В короткие зимние дни издалека видны огни в окнах Института кибернетики. * Так получают результаты автоматизированной обработки летных испытаний самолета.

красота человеческая

СТАНЦИЯ ПЕРМЬ-II, 1941-1942

Рассказ О. В. ЗУЕВОЙ, бывшей сотрудницы привокзальной комнаты матери и ребенка

Черные дни и ночи войны выбрасывали к Уралу поезда с беженцами, эвакуированными, ранеными. Один за другим вползали эшелоны — долгая, лязгающая железом череда теплушек — на пути станции Пермь-II. Тысячи людей бросались к кранам с водой «хол.» и «кипяток», перетаскивали обессилевшими руками жалкий скарб поближе к дверям эвакопункта, мужчины становились в очередь у станционного поезда с дощечкой «Военный комендант», а мы, работники комнаты матери и ребенка (тогда говорили для краткости — КМиР), собирали на платформе детей, иногда с родителями, чаще без родителей, чтобы отмыть их, успокоить, определить кого на квартиру, кого в детский дом. И до сих пор, хотя мне и кажется, что прошла целая вечность с того страшного времени, нельзя забыть детей войны.

Дети военного блокадного Ленинграда! Не по годам взрослые, остановившиеся глаза, чумазые лица, износившаяся одежонка. Старшие крепко держат младших за истончившиеся ручонки — больше всего боятся потерять!

Детей собирали, утешали первыми попавшимися словами и вели, везли на тачке, несли на руках — в санпропускник. Прежде всего в санпропускник. Отмывать, отстирывать. Грязь, сгустки крови, вши, гнойники, лишаи — все было на хилых тельцах.

А железнодорожные пути круглые сутки были забиты составами, идущими с запада дальше на восток. Слышала потом, что только с конца 1941 по апрель 1942 года эвакуировано было более полумиллиона ленинградцев — значительная их часть прошла через станцию Пермь-II.

Три маленькие комнаты нашей КМиР — контраст окружающему: детская мебель, игрушки, книжки с картинками, патефон с пластинками довоенных стихов С. Маршака и К. Чуковского. Не сразу привыкли мы смотреть на детей без слез. Мальчики и девочки оставались как бы безучастными к происходящему вокруг них и с ними. В комнатах почти всегда стояла тишина—ни детской возни, ни смеха, ни капризного плача. Иногда кто-то судорожно всхлипнет, и тут же виноватая улыбка, подобие улыбки.

А как ели? Наверное, теперь уже никто не помнит из них, как они ели т о г д а... К тарелкам, к еде не бросались. Молча смотрели. Редко кто протянет молча руку к хлебу. Они хлеб брали тихо. Хлеб они щипали. Отщиплют кусочек, положат в рот и долго во рту держат, не глотая. Так есть научила блокада.

Они никогда ничего не просили: привыкли терпеть. И ждать.

Помню многих из них. Помню, как несколько дней не умолкал четырехлетний мальчик Гера. Каждый вечер он залезал на стол для пеленания грудных, заворачивался в одеяло, мерно раскачивался и громко стонал: «Нет моей мамы, моей мамы нету...» Не раз бессменная дежурная по вокзалу М. В. Зырянова просила со слезами: «Угомоните, ради христа, душу вымотал, бедный!..» Но в те дни было так много детей, работы с ними, что заняться Герой не было возможности. Только снимут его со стола, он снова карабкается наверх, заворачивается в маленькое одеяльце и тоскливо повторяет: «Нет моей мамы...»

Что зовут его Гера, он сам сказал. А фамилия? Молчал. Подпороли пальтишко, надеялись найти записочку родителей с именем, фамилией, годом рождения — так нередко делали ленинградцы, прощаясь с детьми. У Геры ничего не было, сам он ничего не помнил.

Наконец медицинская сестра комнаты матери и ребенка Серафима Петровна Ромашова увела Геру к себе, увела и оставила. Лет через тридцать я встретилась с Германом. Он так и остался в Перми. Серафима Петровна выходила, поставила на ноги. У Германа семья, он преподаватель, а Серафима Петровна ему мать родная, теперь она уже на пенсии.

...Два мальчика прильнули к обледеневшему снаружи вокзальному окну. Ждут. Они давно ждут отца. Но мы знаем, что отец, который их вез, однажды не проснулся, вытянувшись на верхней полке вагона. Детей сняли и принесли к нам. И вот они уже несколько дней ждут у окна отца: «Тетя, позови папу!»

— Потерпите, мальчики, пока послушайте сказку...

У мальчиков справка есть от завода «Красный выборжец», в ней сказано, что тов. Богданов направляется в г. Свердловск с двумя сыновьями... Остались в Перми дети, справка да сухарь суточного хлеба — его приняли из рук окоченевшего отца. Где теперь братья Богдановы?

Не больше трех дней были у нас дети — от нас в детприемники, больницу, детдома. Но случалось так, что в иные дни и приемник был переполнен и в больнице нет мест. Накопившихся в комнате матери и ребенка детей отдавали желающим взять сироту на воспитание. Помню супругов Леоновых. Они как раз пришли к нам в день, когда поступила большая партия детей без родителей. Слез не сдержать было, когда раскутали трехлетнюю девочку. Личико маленькое и огромные блестящие глаза. Шея не держит головку, все время головка клонилась к плечу.

Тут и увидели Соню потрясенные Леоновы. Не могли уйти без девочки, но с нею рядом был старший брат Толя. Взять двоих? По военному времени тяжело... Толя разрешил забрать сестру, а сам пошел в детдом. Леоновы удочерили Соню, но и Толю из виду не теряли, навещали.

Когда Соня подросла, ей рассказали обо всем и о брате тоже. Нашли друг друга, встретились, то-то было радостно! На этом история не кончается. Соня, конечно, выросла, окончила Пермский педагогический институт, у нее семья, двое своих детей, а брат ее получил техническое образование, стал специалистом. И вот однажды разыскала их родная мать, приехала к нам в Пермь. Можно лишь догадываться, как взволновались Леоновы! Для них Соня — дочь, единственная дочь. Что несет встреча с матерью из Ленинграда — счастье или горе? Для кого — счастье, для кого — горе. Очень все непросто в жизни... Но встреча состоялась, и все ее участники оказались достойными того великого, что мы называем жизнью, счастьем, подвигом, Родиной. Сильно все переживали, но обошлось без драматического конфликта. Соня приветливо встретила свою мать, называла обретшую дочь женщину м а м о й, была с ней нежна и приветлива. А поздним вечером забралась, как привыкла, в кровать к маме-Леоновой, отнявшей ее у смерти, вынянчившей и воспитавшей, тихо плакала и объяснила, что оставить Леоновых просто не в силах. Вот как бывает. Войны не кончаются... И Соня и Леоновы постарались все объяснить старой ленинградке. Та поняла. Ее материнское сердце не могло не понять...

Да, не всем выпало счастье встретить таких прекрасных людей, как медсестра Ромашова, как супруги Леоновы. Или как супруги Гулевские, которые попросили отдать им неразлучных брата и сестру, у которых не было документов,— одно знали, что они Коля и Валя. Когда приемный отец умер, детей выходила мать, Анна Леонтьевна Гулевская. Я сама не раз видела, как она, плохо одетая, бегала по морозу за четыре километра от дома в столовую завода «Красный Октябрь» хоть за какой-то едой. И выходила, поставила обоих детей на ноги. Теперь Анна Леонтьевна, несмотря на близкую старость, бьется за счастье внуков — сыновей приемной дочери. Одного уж в армию проводила, он пишет теплые письма, и второй живет с ней. А как же? Она ему бабушка. И такие бывают продолжения страшных дней сорок второго...

Но, повторяю, не всем детям повезло. Помню мальчика лет десяти. Едва держась на ногах, переступил порог нашей комнаты на вокзале, опустился на детский стульчик и быстро-быстро, как в забытьи, заговорил, ни к кому не обращаясь:

— Я Боря. Я Боря, приехал один. Один. Там умерла бабушка. Мы с мамой на доске спустили ее с этажа, потом тащили по улице. Она была легкая, моя бабушка. Я остался с мамой. Стекла вылетели в бомбежку. Когда я проснулся, мама не двигалась, умерла, значит. Я пошел на вокзал. Меня посадили в поезд. А еще мама велела помнить, что я Боря Пастернак и мне надо в Пермь, в этом городе на большом заводе работает двоюродная сестра. Я доехал. Я Боря.

У Бори была очень высокая температура. Его удалось устроить в инфекционное отделение. Пока Боря лежал в больнице, наш телефон был в работе. Мы звонили во все отделы кадров всех заводов. И — поверите ли — нашли родню мальчика!

Но вот пришла и к нам на Урал весна, и однажды ясным, чистым днем я снова увидела Борю. Он пришел с узелком на вокзал.

— Куда ты, Боря?

— В Ленинград. Буду добираться.

Передо мной стоял маленький взрослый человек.

— Я здесь лишний рот... А Ленинграду нужны люди. Я здоров. Дома у меня нет и нет родных, остался один Ленинград...

Так и не знаю до сих пор, как сложилась жизнь этого человека.

И еще вспоминаю трех мальчуганов, испуганно прижавшихся друг к другу. Старшему шесть лет. Борис Роговой. Из Ленинграда, папа — юрист. Борис с тетей и двоюродными братьями ехали в Сибирь. Тетя отправилась за кипятком, а поезд ушел. Она бросилась вдогонку, не зная, что детей высадили у нас... Две недели мальчики жили у нас, не хватало сил отправить их в детприемник, мы нарушали инструкцию, тянули, ждали: вот-вот вернется за ними тетя. Мальчики были воспитанные, дружные, за малышами трогательно ухаживал шестилетний Борис Роговой. А мест у нас нет, и требовалось их определять как потерявшихся...

Как выяснилось, женщина — мать двух малышей — разными поездами догоняла тот эшелон, в котором оставила троих детей. Догнала эшелон, детей в месте назначения не оказалось. Кинулась в обратный путь. На одной из станций ей показали депешу: трое детей высажены на станции Пермь-II. И вот встреча. Шесть тоненьких ручек обхватили плачущую женщину, упавшую на колени.

Спустя тридцать пять лет я побывала у ленинградцев, вырастивших этих самых трех малышей. Инженеры, семейные мужчины, оберегают старость своих матерей, ставших бабушками.

Да, случайного во время войны было много. Одно не случайно: народ все пережил, одолел неодолимое, победил в самой жестокой войне. Война не разбирала, где солдаты, где женщины, где дети. Но разбирали мы. Мы понимали: дети! Они были всегда рядом со взрослыми: на фронтах и в тылу. А теперь они заняты своими малышами, прошло столько лет! И естественно, что взрослые все реже вспоминают о печальном детстве в годы войны. Но я хорошо помню станцию Пермь-II. Кто пережил войну, тот понимает, какое великое дело делает наша партия во главе с товарищем Л. И. Брежневым, борясь за разоружение, за мир.

адреса великих свершений

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ В ЗАПОЛЯРНОМ

К. ТОЛКАЧЕВ,

фото Г. РОЗОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Давным-давно какой-то заезжий остряк прозвал этот спуск на 120-м километре шоссе, ведущего от Мурманска в Заполярный, «тещиным языком». Здесь дорогу частенько переметает по десять раз за ночь, правда, ночь-то полярная, суровая и длинная. А бывает, отпустит теплое течение Гольфстрим от щедрот своих — дорога размякнет, расползется, но дунет сиверко — и на ней снова засверкает лед. И в такую вот полярную ночь закрутился на «тещином языке» автомобиль Викентия Пестерева, старожила печенгской земли, в пятнадцать мальчишеских лет ставшего на защиту Советского Заполярья, а затем прошедшего трудный путь от плавильщика на металлургическом заводе до заместителя директора по кадрам и быту комбината «Печенганикель». То ли популярность Пестерева сказалась, то ли необычайность ситуации, в которую он попал и благополучно выбрался, но водители тяжелых машин, не сговариваясь, дали этому участку дороги новое название — «поворот Пестерева». Так само собой прописалось имя этого человека в суровом Заполярье, которому он отдал почти сорок лет жизни.

Мы благополучно миновали «поворот Пестерева», не подозревая, что вскоре попадем под опеку самого Викентия Алексеевича. Так случается с каждым, кто приезжает в Заполярный, ведь Пестерев — заместитель директора комбината «Печенганикель» по кадрам и быту. Он очень гордится, что текучесть кадров на комбинате всего четыре с половиной процента.

Был полдень, а водитель уже включил свет — наступила полярная ночь. Мороз выжал из воздуха остатки влаги и как искусный художник расписал инеем лес, мачты, провода. В свете фар все искрилось и сверкало.

Заполярный — самый крупный город на северо-западе Мурманской области. Уютный, компактный, он за каких-то два десятка лет вырос под боком рудного тела богатейшего медно-никелевого месторождения.

— Здесь все подчинено интересам цветной металлургии,— сказал нам при встрече председатель городского Совета народных депутатов Михаил Кузьмич Иванов.— Комбинат «Печенганикель» — основа города, на нем покоится процветание и благополучие Заполярного.

В льющихся с водонапорной башни лучах искусственного солнышка просматриваются ровные улицы города с витринами магазинов, ателье и кафе, с неоновыми огнями гостиницы «Лотос», с Дворцом спорта, плавательным бассейном, ледовыми катками, Дворцом культуры, с детскими садиками, саунами, где температура нагоняется до 120 градусов и люди сидят на полках, и не выгонишь их оттуда в великолепный профилакторий, где утром и вечером перед закуской подают кислородный коктейль.

СУМАСШЕДШИЙ ЦИКЛОН

Стоит Заполярный на небольшой возвышенности, чуть в стороне от комбината, и в ночи кажется, что это огромный корабль, засветив все бортовые огни, плывет над тундрой. Пять лет на «капитанском мостике» крупнейшего предприятия цветной металлургии страны стоит инженер Эдуард Николаевич Климов. Примечательна его судьба, сорокалетнего человека с открытым светлым лицом, широкоплечего — под стать Ивану Поддубному. Начинающий инженер с молодой женой подался на север. Устроился в огромный цех старшим над флотационными установками. Через год стал мастером, еще через год старшим производственным мастером. И так каждую весну, в марте (он и родился в марте!), новая должность: начальник главного корпуса, главный инженер фабрики, директор.

Согласитесь, что такая карьера ненароком могла вскружить голову. Но Климова она не испортила, а сделала душевнее, отзывчивее, требовательнее к себе. Первый раз мы увидели его в кабинете в обычной рабочей обстановке. На следующий день он принимал избирателей. Климов — член облисполкома и Мурманского обкома КПСС.

Как он работает? Попытался однажды корреспондент областной газеты сделать репортаж «Неделя рядом с директором», но через два дня бросил эту затею — без компьютера руководить таким огромным хозяйством, по мнению журналиста, невозможно. А Климов уже пять лет руководит, и комбинат из года в год наращивает темпы производства металла, успешно ведет разведку рудного тела, строит новые корпуса, жилые дома, культурно-бытовые помещения.

Как отдыхает? До того как стал директором, любил рыбную ловлю, помня древнее изречение, что время, проведенное на рыбалке, боги не засчитывают в срок жизни. Но сейчас он удлиняет свою жизнь таким образом только во время отпуска.

— Помните ли вы самый напряженный период вашей жизни?

Климов улыбнулся. Понял, что я уже наслышан о сумасшедшем циклоне и борьбе со стихией, но рассказывать стал о детстве. Жили в Мариуполе. Отец — офицер. Сразу ушел на фронт. Город заняли фашисты. Начались аресты. Семье коммуниста грозил расстрел. Выбраться из города было невозможно. И все же мать нашла выход — она собрала все ценные вещи и подкупила немецкого шофера. Он среди мешков муки вывез Климовых из Мариуполя. Так вот, самый напряженный момент наступил, когда часовые начали осматривать грузовик. До безумия хотелось чихнуть, а это грозило смертью...

Сравнительно недавно на комбинате сложилась очень напряженная ситуация. В конце июня, когда тундра цветет, а солнце светит круглосуточно, на Заполярный обрушилась пурга, да такая, что день в одночасье обернулся полярной ночью. Охапки мокрого снега оседали на мачтах и проводах, которые не выдерживали тяжести и лопались, как струны. Через три часа из одиннадцати высоковольтных ЛЭП, питающих комбинат, в строю осталась только одна. За нее-то и шла битва со стихией, и притом, можно сказать, врукопашную. Вдоль всей ЛЭП, сквозь пургу и снежные заносы, пробивались на вездеходах и в связке, как альпинисты. Бригады мастеров Г. М. Боровского, В. К. Вопиешина, В. В. Асеткина вручную сбивали лед с проводов. В ураганный ветер, который поставил перед людьми плотную снежную стену, электрики Ю. Уткин и Ю. Швейчихин ползком прокладывали аварийный кабель.

Четверо суток многотысячный коллектив «Печенганикеля» отражал натиск стихии и вышел победителем.

В те дни суровых испытаний, когда жизнь комбината повисла на одной высоковольтной линии, Климов не растерялся. Он знал каждого, кто боролся со стихией, и для каждого находил ободряющие слова. Он знал, что сил мало, и все «бойцы» на учете. И тем не менее, когда прекратилась подача энергии на птицефабрику — через шесть часов все живое там погибло бы,—Климов снимает с линии бригаду энергетиков и бросает их на помощь цыплятам. Решиться на такой поступок в самый критический для комбината момент мог только человек широкого кругозора.

ВОЛШЕБНАЯ КАПЛЯ

Страшен был первый натиск циклона, но линии электропередач металлургического завода выдержали его. А потом металлурги берегли их как зеницу ока.

— Нам нельзя иначе,— говорил старейший плавильщик завода Николай Яковлевич Попов.— И не только потому, что металл нужен стране. У нас есть тут свой особый интерес, чисто спортивный. — И улыбнулся при этом.

В округе пропасть озер, и среди металлургов, шахтеров, водителей большегрузных машин трудно найти человека, который бы не увлекался рыбной ловлей. Даже сейчас, в глухую полярную ночь, иные мастера ухитряются ловить окуня, сига, щуку. Правда, для этого нужны особые снасти, и умельцы сами делают мормышки, блесны, жерлицы. Естественно, что вокруг снастей вырастают легенды, в которые рыбаки истово верят. Одна из них гласит: «Чтобы сделать уловистую мормышку, нужно переплавить сотни тысяч тонн сырья. И вот, когда расплав польется по желобу, в нем сверкнет, как осколок солнца, особая, заветная капелька никеля. Если плавильщик су-

В полярную ночь.

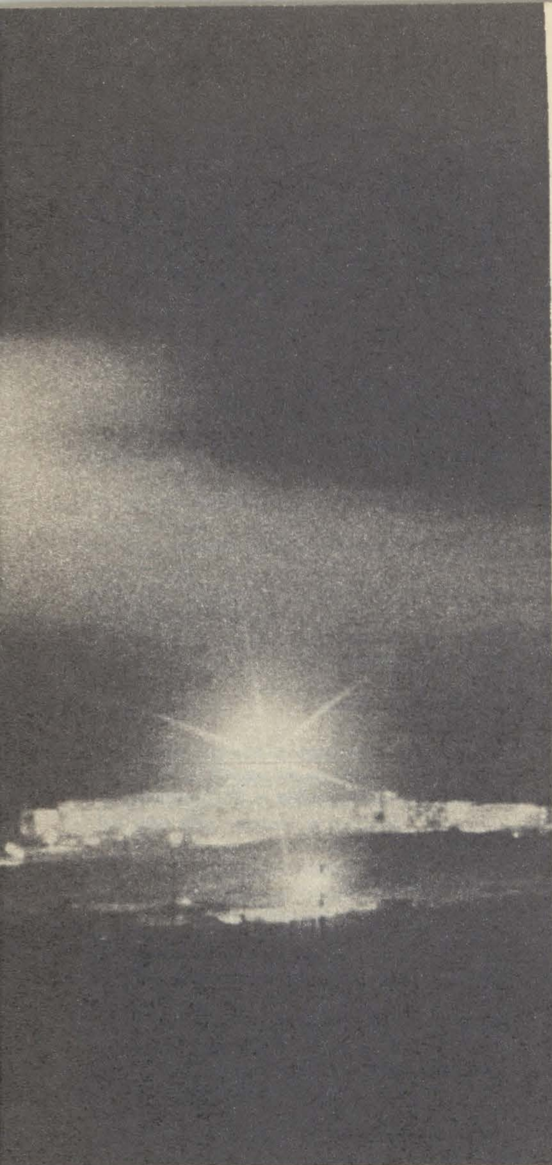
Директор комбината «Печенганикель» Эдуард Николаевич Климов.

Керн с глубины 8838 метров. Лаборантка Наталья Козловская испытывает его на прочность.

Субботний вечер во Дворце культуры «Октябрь».

Цех мелкого помола руды.

В детском саду свое «море».

Бригадир плавильщиков Н. Я. Попов.

меет вовремя поймать эту каплю — без рыбы домой никогда не вернется». Какой же рыбак устоит перед соблазном иметь такую мормышку!

— Мы понимаем — легенда придумана, чтобы подстегнуть нас, плавильщиков,— от души смеется Попов. А потом уже серьезно говорит:— Может, в нашей руде действительно есть такая капля металла...

И внимательно всматривается в каждую плавку. Металл течет ручьем. За тридцать лет работы на металлургическом заводе целая река металла выплавлена Николаем Яковлевичем Поповым. В прошлом году он выдал сверх плана около четырех тысяч тонн, сэкономив при этом шестьдесят тысяч киловатт-часов электроэнергии. Но, увы, под рукой так и не блеснул заветный лучик заветной «капли»...

В ЦАРСТВО ПЛУТОНА

Совсем рядом с Заполярным есть уникальное место, откуда рукой подать до подземного царства. Отсюда можно легко попасть в гости к самому Плутону, и если примерно вести себя, то вам вручат редкий сувенир — кусочек породы из самой преисподней грозного подземного владыки. И даже «диплом» соответствующий. Правда, никто не знает автографа Плутона, но по его «личной» доверенности «диплом» подписывает треугольник геологоразведочной экспедиции: начальник Д. Губерман, предместкома М. Кондратюк, партгрупорг Ю. Васильев. В нем значится: «Я, владыка царства подземного, достопочтенный Плутон, вручаю сей диплом члену (гостю) славной дружины Кольских землепроходцев, впервые прибывших ко мне по путям непроторенным, в породах кристаллических на рубеж девятикилометровый. Сим удостоверяется, что в дерзости своей любознательной в земле Российской достигли Вы главенства и преодолели 838 метров сверх восьмого рубежа. С надеждой и уважением ожидаю Вас на 15 километре глубины».

Такое задание получил коллектив кольских геологоразведчиков, медленно продвигающихся к заветной цели. По глубине проходки скважина уже давно вышла на первое место в стране и заняла почетную третью ступеньку в мире — 8838 метров.

Трепетно беру в руки керн с этой глубины — базальт как базальт, но сколько интересного он может рассказать ученым! Вот такие же столбики да электронная аппаратура, собранная руками главного метролога Владимира Басовича и старшего инженера Сергея Чинарова, позволили по-новому подойти к оценке целого ряда укоренившихся геологических представлений.

— Но самое важное,— говорит главный инженер экспедиции Иван Васильевич Васильченко,— это отработка методов глубинного бурения.

Хозяйство буровой разместилось на небольшом плато у одного из многочисленных в этом краю озер. Необычная, закрытая со всех сторон вышка, созданная на «Уралмаше» специально для проходки сверхглубинных скважин, а рядом целый научно-исследовательский центр, где работают представители четырнадцати институтов Министерства геологии и Академии наук СССР.

Сейчас внимание всех приковано к новинке пермских инженеров из филиала ВНИИ буровой техники — редуктору турбобура. Эта машина уже сделала тринадцать рейсов в царство Плутона, отработала 140 часов в адских условиях и показала отличные результаты — проходка скважины за один рейс увеличилась в три раза.

Какие сюрпризы готовит скважина геологам и буровикам через метр, десять, сто? С американскими специалистами Плутон в свое время сыграл злую шутку — когда долото буровой Берта и Роджерса достигло рекордной глубины 9583 метра, в скважину под огромным давлением хлынула расплавленная сера и прочно ее закупорила. Не любит Плутон, когда к нему заглядывают незваные гости!

Уже много нового дала кольская сверхглубокая для науки и техники, и с каждым метром проходки увеличивается поток информации из таинственных недр.

СВИДЕТЕЛИ СУДЬБЫ

Сооронбай ДЖУСУЕВ

ДЕРЕВЬЯ КУРШАБА

Днем, или ночью, или пред зарей,
Когда б ни проезжал Куршаб родной,—
На улице его деревья все
Мне машут, как ручонками, листвой.

Я узнаю их сразу, в тот же миг,
Стоящих в листьях крепких, золотых.
Открыть готово каждое из них
Страницу дней прошедших,
Дней былых.

Свидетели они судьбы моей,
И памяти, и песенных вестей,
Порывов чувства жарких, как огонь,
И ярости — безудержных страстей.

Те дни ушли, те дни ушли, как сны,
Деревьями, как встарь, окружены.
И все ж напоминает мне Куршаб
О днях непозабытой старины.

Назад дорога мчится что есть сил.
Но все же я Куршаба не забыл.
В глубинах сердца моего — Куршаб,
Здесь жизни я молозиво вкусил.

ДЕВЯТОГО МАЯ В АЛАРЧЕ

В ущелии Аларчинском позеленело давно,
Чуть выше видны вершины сквозь белое полотно.
Кому же не понравится мелодии красота,
Когда река разливает музыку, как вино?

Каждый из нас мелодии этой внимать готов.
В День Победы, пятеро бывших фронтовиков,
Мы ширдак расстелили на молодую траву
И посидели, поглядывая на белизну хребтов.

Потом взобрались на склон мы,
На самый пик высоты,
И вместе с детьми, как дети, пошли собирать цветы.
Потом опустились в долину, радостны, веселы,
Запахами туманов, весенних роз повиты.

Дружно отдавши делу нежных сердец запас,
Костер развели веселый в тихий вечерний час,
И, светлого Дня Победы накрыв большой дастархан,
Возле пламени греясь, женушки ждали нас.

Река Аларча шумела, яростна и вольна,
И радости и веселья беседа была полна,
И были радостны тосты,
И все же никто из нас
Не произнес в тиши крутого слова «война».

Словно бы позабыли, что кровь проливали мы,
Словно шрамы забыли
И как мы среди зимы
В снега под Москвой вмерзали...
И, слыша под сердцем тишь,
Мы видели звезды, звезды, среди загустевшей тьмы.
Когда огромные звезды прожгли голубую круть,
Наш грузовик отправился с урчаньем в обратный путь.
Когда мы въехали в город, Самота огни взошли
Над нами, друзья,— и счастье снова вошло нам в грудь.

Гордые, как вершины седых аларчинских гор,
Мы ощутили в сердце и свет и такой простор,
Что вровень с нами казался праздничный тот салют,
И время само глядело в наши глаза в упор!

ДЕРЕВО, ГОРА, РЕКА

Я сижу на бугорке,
Сокровенных полон слов,
Я заранее бумагу приготовил для стихов.

Дерево передо мной,
Подо мной бежит река,
Надо мной висит гора, задевая облака.

На вершину я смотрю, ту, что впилась в небосклон.
Я безмолвием ее несказанно удивлен.

И приснилось, что гора
Мне сказала, грусть храня:
«Множество людей в веках любовались на меня».

Чтоб напиться, я к воде
Руки протянул едва,
Как услышал от реки вот такие вдруг слова:

«Многим жажду в летний зной я старалась утолить.
Ты уйдешь —
Но из меня так же люди будут пить!»

Дерево густую тень расстилает предо мной.
Дерево сказало мне, шелестя своей листвой:
Знойным летом, в солнцепек сколько было здесь людей.
Прятались они в густой, ласковой тени моей...
День за днем пройдут спеша,
Как волна вслед за волной.
Будут многие сидеть, отдыхая, подо мной...»

Я задумчиво молчу — замерла с пером рука.
Как раздумия мои — дерево, гора, река...

И не смог я для стиха отыскать строки иной.
Словно белые снега —
Чистый лист передо мной.

СТАРИК

Живет в ущелии старик, чья борода — лопатой,
Идет седому старику уже восьмидесятый,
Имеет сад и скакуна,
Живет с женой-старухой.
На счастье он и на детей всю жизнь был тороватый.

Хотя и много лет ему, но он, как встарь, поджарый,
Не слушаясь своей жены,
В дорогу, за кошару,
Выходит каждый день — и в зной и в стужу ледяную —
И убирает камни все там по привычке старой.

Одно желанье у него, чтоб камни — лишь по бровке,
Чтоб не сбивали скакуны на ней свои подковки.
Чтоб проходили стар и млад по ней, не спотыкаясь,
И чтоб всегда грузовики
Неслись без остановки.

Когда я приезжаю в край,
Где рвутся ввысь отроги,
Где волны расшибают грудь о твердые пороги,
Я вижу, как старик с пути каменья убирает
И говорит всегда «Салям!» всем встречным на дороге.

СТИХИ ДЖООМАРТА

Вот я посетил Мазар-Сай, Арым, что сделать давно хотел,
Где Джоомарт [1] молодые года оставил, красив и смел.

Прислушался к рекам, шумят они —
Узун-Акмат и Нарын,
И в каждой волне их, о Джоомарт, твой стих молодой звенел.

Я был в Оше, и я ходил по берегам Ак-Бууры.
Справляли звонкие соловьи свадебные пиры.
Пели они, подражая вовсю твоим стихам, Джоомарт,
Я слушал их, и предо мной вставали иные миры.

Объездив зеленое Атбаши и Ак-сай — край родников,
Я видел их снега и хребты с тюбетейками из цветов.
Течет стремительно, как гроза, неистовая река.
Там я слушал, о Джоомарт, ритм твоих стихов.

И вот поехал я на Алай — взыграла душа, да как!
Я слышал, как пахнет дикий чеснок и меж камней джерганак.
Ручьи-певцы, ручьи-соловьи,
Озорники ручьи,
Спели песни твои, Джоомарт. И каждый из них — мастак.

По берегам Иссык-Куля бродил под плеск голубой волны.
Бродил я, бродил, ожидая тщетно покоя и тишины.
И в ярких красках озера и в беге легком валов
Слышал я песни твои, Джоомарт, что нежной любви полны.

Оттого, что набирается сил Кызыл-Кия каждый год,
Никогда не иссякнуть твоей кладовой, о мой родной народ.
В гудках заводов, в гудках поездов, летящих сквозь степи вдаль,
Я слышал песни твои, Джоомарт, стремительный их полет.

Украшает собой свекловичную даль, что тает там, вдали,
Сырга [2], которой прекрасней нет в ярко-красном платке.
Когда же Большой Чуйский канал порой посещаю я,

---

[1] Джоомарт Боконбаев — выдающийся киргизский поэт (1910—1944).

[2] Сырга — героиня поэмы Джоомарта Боконбаева.

МОЕЙ

Стихи Джоомарта шепчет тальник на
лиственном языке.
Стихи Джоомарта — времени взлет над
далью рек и полей.
Они навеки в сердце людей, в сердце
земли моей.
Они перевалят через хребты грядущих,
иных времен,

Ведь стих —
это пламя,
стих — это бой,
стих — дело жизни всей!

РОДНИК

Я видел море, моря гулкий бег,—
Озера, что вздымаются грядою.
Я много видел шумных, бурных рек.
Каналов с укрощенною водою.

Любуюсь я изгибами озер,
Морским прибоем в тишь и непогоду.
Но почему-то помню до сих пор
Родник,
Откуда пил впервые воду...

СТРОИТЕЛЬ

Вот наступило утро — светел его излом.
Стал, украшая город, на улице новый дом.
Возле этого дома замер прохожий вдруг,
Замер он с просветленным у дома того лицом.

В чудесную пору мая, когда все вокруг цветет,
Смотрят с балконов дети
на проходящий народ.
Он узнал академика, летчика и певца,
Каждого, кто отныне в этом доме живет.

Стоит у дома прохожий, и нет его глаз светлей,
И помнят его ладони
Усталость его кирпичей.
Он нянчил в своих ладонях здесь каждый
кирпич затем,
Чтоб дом этот вырос светлым
Для чистых душой людей.

Кладя кирпичи, встречал он здесь ясные
зори гор,
Кладя кирпичи, он видел закатных лучей костер.
Хоть трудно порою было, но он не сдавался,
нет,
Когда зной сжигал дыханье иль била пурга
в упор.
От стен, что ввысь поднимались, он взгляда
не отрывал.
Были те стены крепче и выше гранитных скал.
Чем выше они подымались, чем круче они
росли,
Тем сердце навстречу зорям он радостно
открывал.

Хотя и давно построил он этот высокий дом,
Но в сердце своем он думал все эти годы
о нем,
Думами поделиться с ним человек спешит,
Словно старого друга встретил в пути своем.

С балконов головы свесив, все на него глядят.
— Кто он, этот прохожий?—
Каждый бросает взгляд.
А он зашагал спокойно, где новая стройка
ждет,
И золотом, золотом, золотом над ним горел
листопад.

ВСТРЕЧА С НИКОЛАЕВОЙ-ТЕРЕШКОВОЙ

Узнав, что к нам приедет Валентина,
Пробрался в зал,
Грудь радости полна.
Бывает, повезет вдруг беспричинно:
Гляжу — напротив нас сидит она.
Она, чья слава мир весь обошла,
Прекрасного поведала так много,
Как в космосе безмолвном пролегла
Прославленная
Звездная дорога,
Как приземлилась
Среди трав и рос,
Как кончилась с родной землей разлука.
О том, как кто-то скромно преподнес
Краюху хлеба
И пучок ей лука.
— Я помню, как в космической дали
Летала я средь тишины и звезд.
«О чем сильней всего скучаешь, Валя?»—
Вдруг долетел Быковского вопрос.
Из космоса взглянула вниз, где небо.
И я ему ответила:
«Хочу
Всего лишь лука да краюху хлеба,
Как только я на Землю прилечу».
Случилось, что радист услышал это.
Он встретил меня — добрая примета —
И преподнес мне
Лук и хлеб ржаной.
Спасибо!— от души ему сказала
И тут же, на земле усевшись, стала
С зеленым луком есть я
Хлеб земной.
Приносит письма мне все чаще почта,
Вот почему я радости полна.
Все спрашивают: как там ваша дочка?
Похожа ль на других детей она?—
И улыбнулась тихо Терешкова
Хорошему чему-то своему.—
Дочь у меня как дочь.
Светла, здорова,
Лишь только удивляется всему.
Порой она смеется беспричинно,
Поет, как все.
Как все, играет в мяч,
Цветет, если пятерку получила,
А что ее обидит — сразу в плач.
Есть у нее две бабушки,
И ласки
У них исполнен каждый жест и взгляд.
Одна по-русски с нею,
По-чувашски
Другая — обе с нею говорят.
Пускай растет моей души отрада,
Ведь дети наши все — земли рассада.
Пусть день прекрасный
Ждет их впереди!..—
День был исполнен ясности и сини.
Речь матери, речь славной героини,
Сверкала, словно орден на груди!

ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО

Измученный своей судьбой немало,
Когда душа покоя жаждать стала,
Хотел ты у Днепра,
У края зорьки,
Построить дом большой на этой горке.
Не суждено мечтаньям было сбыться:
Навеки сердце перестало биться...
Твоя могила здесь.
Цветы живые.
Устремлены потоки к ней людские.
Мы привезли сюда
И наше слово,
И яркие букеты Ала-Тоо!
И, горести своей сдержать не в силе,
Мы поклонились все твоей могиле.
Ты здесь лежишь — свободы провозвестник,
Но шествуют повсюду твои песни.
Мы к изголовью тихо положили
Цветы,
И поклонились мы могиле.
Ты здесь лежишь.
А песни, как свобода,
Не умирают в сердце у народа.
И шествуют, озвучены глаголом,
Они по городам страны и селам,
К нам в горы прилетели —
И мы рады,
И нет для нас достойнее награды,
Чтоб слушать их.
И кружат эти песни
С орлами вместе в синем поднебесье.
Проходишь ты по селам и аулам,
Перекликаясь песней с Токтогулом.
И песни,
И раздумья,
И печали
Родными для киргизов ныне стали.

Глянь — в небе туч тяжелых каравеллы,
И по Днепру плывет корабль белый.
Приветствует тебя корабль каждый,
Как песнь сердец, звучит гудок протяжный.
Ты слушай,
Как волна Днепра струится
И голоса людей душой провидца.
Ты слушай смех детей — всего дороже.
И смех веселой, шумной молодежи,
Ты слушай милых песен переливы.
Эпоху слушай, что народу свята,
Ту, о которой ты мечтал когда-то.

В ГОРАХ

В пещере я находился, когда белый день потух
И ветер пригнул деревья и травы к земле
вокруг.
Стуча по конскому щавелю, по спелому
купырю,
Ливень пролился скорый на тихий и зябкий луг.
Когда же вниз по лощине красный помчал
поток,
Казалось, из ран ущелий кровь заструилась
вдруг.
Когда огласились эхом гребни высоких скал,
Молния описала по небу огненный круг.

И в эту пору, покуда шумела вокруг гроза,
Вспомнил твои смотрящие в сердце мое глаза.
Ливень прошел стремительней быстрого
скакуна,
И засияли травы, и нежно к ним пришла
тишина.
Отряхивались деревья, и солнце опять взошло,
С цветов осыпались запахи.
Тонкая, как струна,
Радуга многокрасочная светилась над землей,
И медленно через вершину перетекла она.

В пору, пока неистово шумела в горах гроза,
Казалось, глазами молний
Ты смотришь в мои глаза.

СУЮНБЮБЮ

Есть среди гор Тогуз-Торо цветы, те,
что с детства люблю.
Отдали всю свою красоту тебе они, Суюнбюбю.
Как только в лицо взглянули твое,
в пыланье горячих щек,
Твою доброту увидели мы — заботливости
исток.

Я по лицу читаю, как ты душой своей светла
И, как твой прекрасный облик,
вот так красивы твои дела.

Хотя и девушка ты, а все ж нрав тебе крепкий
дан.
Нет, не слаба, не робка ты — лучший в горах
чабан!

Зная чабанью науку давно, зная ее вполне,

Пасешь ты в горах отары овец, сидя
на скакуне.

Тебе не страшны пурга и мороз.
Взгляд ясен. Рука крепка.
Пробираешься ты по белым горам,
закутанным в облака.

Это сделал такой тебя труд твой,
Что так красив,
Светом своим озарив тебя, румянцем лицо
покрыв.

Пусть, улыбаясь, встретят тебя ветер гор
и цветы,
Когда за своей отарою вслед
Подымаешься к солнцу ты.

Перевел с киргизского
Владимир ЦЫБИН.

Дом-музей сегодня. Фото И. Тункеля.

ДОМ В КОСТИНЕ

Уважаемая редакция!

Хочу попросить «Огонек» рассказать о подмосковном Доме-музее В. И. Ленина в Костине. Почему было выбрано это место, именно этот, а не другой дом, как Владимир Ильич проводил в Костине время!..

М. Л. ГРИГОРЬЕВ

г. Асбест, Свердловской области.

Зима 1921—1922 годов. Совсем недавно закончилась гражданская война, но голод, разруха еще грозят молодой Советской республике не меньше, чем интервенция или белогвардейские армии.

Владимир Ильич Ленин ведет огромную работу, направляет жизнь страны в русло социалистического строительства, укрепления государства, установления международных связей. Здоровье вождя подорвано, особенно сказались последствия злодейского покушения 1918 года. Политбюро ЦК РКП(б) выносит решение о том, что Владимир Ильич должен уйти в отпуск, и Ленин с большой неохотой подчиняется. Он уезжает в Горки, но ВЧК имеет сведения о новых заговорах террористов. Ф. Э. Дзержинский настаивает, чтобы Ленин поменял место отдыха, и сам выбирает новый адрес: деревня Костино в глухих подмосковных лесах, неподалеку от Ярославской железной дороги. О том, что Владимир Ильич уже не в Горках, мало кто знает даже в Кремле...

...Январь 1979 года. Подмосковный поселок Костино уже влился в пределы Калининграда, и его индустриальные окрестности, пожалуй, ничем не могут напомнить о диких лесах. Пятьдесят семь лет минуло — срок немалый... Среди городских домов заблудиться легче, чем в лесу, но указатели и стрелки на улицах выводят к небольшому бревенчатому дому с островерхой крышей, с высоким чердаком, с затейливой башенкой над крыльцом в стиле старинных подмосковных дач. Белая мемориальная доска на зеленой стене: «Дом-музей В. И. Ленина».

В музее в этот час был перерыв между экскурсиями, и потому тишина, как машина времени, помогла прямо от дверей перенестись на полвека назад. Наверное, и тогда, 17 января 1922 года, под ногами вошедших скрипели половицы, а щеки тотчас разгорались от доброго домашнего тепла. Должно быть, гудел огонь в печках — в то время другого отопления и не знали. Дрожали язычки света в керосиновых лампах, по стенам бежали тени...

— Вы в музей? Пожалуйста, сюда.— Голос девушки, поднявшейся из-за стола в крохотной прихожей, вернул в январь семьдесят девятого.— Экскурсия начинается со служебных комнат...

Лекция у Ольги Коротовой рассчитана на полтора часа. Международная обстановка тех лет, деятельность Ленина, подробное описание его жизни в Костине... Дом этот служил флигелем имения фабриканта Крафта, после революции тут был создан совхоз ВЧК. Конечно, Дзержинский выбрал Костино как самое надежное место: здесь лишь считанные люди знали о том, что в скромном деревенском доме сорок два дня жил Ленин.

К приезду Владимира Ильича во флигель были перенесены из имения ковры, мягкая мебель. Ленин попросил все убрать и оставить минимум обстановки — самое необходимое. Снова, как в любом ленинском мемориале, зримо возникает понятие «ленинская простота». Стол с белой скатертью, диван под белым чехлом, буфет — это столовая. Застланная белым кровать, ночной столик, этажерка с книгами, письменный стол — это кабинет. Письменный стол со старинным телефоном, кресло, диван, часы — это аппаратная, откуда Ленин в любую минуту мог связаться по прямому проводу с Кремлем. Что еще? Простенькие стулья, чернильный прибор, единственная картина с каким-то альпийским пейзажем, любимая настольная лампа Ильича — вот, пожалуй, и все, что окружало Ленина в этих трех комнатушках в течение шести недель. В другой половине дома—тоже три комнаты — размещалась охрана. Постоянно дежурила медицинская сестра.

— Врачи разрешали Ленину работать только один час в сутки, но он, конечно, нарушал этот запрет,— рассказывает лектор.— Каждое утро шофер привозил кипу газет, корреспонденции. А увозил отсюда... Из Костина Владимир Ильич отправил свыше двухсот писем, записок, проектов, здесь он работал над статьей «Заметки публициста», отсюда давал рекомендации по подготовке к Генуэзской конференции, готовил материалы к XI съезду партии. Вы видите на стенде копии записок, сделанных ленинской рукой. О чем они? О продовольственном вопросе, о турбинах для Волховской ГЭС... А в Костине электричества не было, шофер Владимира Ильича поставил здесь, у стены, вот эти аккумуляторы с автосаней, и настольная лампа светилась до двух-трех часов ночи...

За морозными окнами — ветви деревьев. Раньше здесь была липовая роща, поодаль росли столетние дубы, под которыми любил прогуливаться Ильич. Сохранился небольшой прудик недалеко от дома, но его, по мнению работников музея, давно уже надо очистить, восстановить берега. Дремучего леса, конечно, не вернешь, но парк создать вполне можно.

— Мы хотим сделать все вокруг таким, как было при Ленине. Готовится проект мемориальной зоны в Костине. В самом доме почти все, до мелочей восстановлено,— продолжает лектор.— Надо бы убрать чуждые музею постройки вокруг, и забора этого металлического здесь не было, и машинам хорошо бы проезд у дома совсем закрыть — знаете, как от грузовиков все трясется!..

Всегда внимателен к нуждам музея Калининградский горком партии, с огромной охотой выполняют все просьбы музея работники ближайших предприятий. А посетители? Только за прошедший год — шестьдесят две тысячи человек, тысяча сорок две групповые заявки из разных концов страны.

Б. СМИРНОВ

В. Югай. Род. 1922. С ЛЕНИНЫМ. 1978.

Д. Налбандян. Род. 1906.

В. И. ЛЕНИН В ГОРКАХ. 1960.

Е. Романова. Род. 1944. БРАТЬЯ УЛЬЯНОВЫ. 1978.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ПАРТИИ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЁК» — СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

1924 год... Ленинский призыв в партию. Среди молодых коммунистов Анна Васильевна Малых — простая женщина из далекого удмуртского села Дебесы.

Учиться ей не пришлось. Старшая в семье, она с ранних лет познала тяжесть поденщины. Так в темноте и невежестве и прожила бы Анна, если бы на одном из сельских сходов не прозвучали ставшие дорогими слова: Октябрь и Ленин.

— И все пошло по-другому,— рассказывает Анна Васильевна.— Началась новая жизнь, о которой не могли раньше и думать.

В Дебесах был создан сельсовет. Отец Анны, Василий Малых, стал его председателем, а дочь — членом Совета. В девятнадцатом году она вступила в комсомол. Много училась. По вечерам, а то и ночью постигала книжную мудрость.

Дел на селе было непочатый край. Борьба с саботажем кулацких элементов, помощь бедняцким хозяйствам и обездоленным семьям, борьба с неграмотностью, вовлечение в общественную работу женщин-удмурток,— да разве все перечислишь!

В двадцатом году Аню избирают членом райкома комсомола, делегатом уездного съезда комсомола, а затем четвертого съезда РКСМ.

После учебы в Сарапуле Анна Васильевна — преподаватель школы первой ступени, заведующая уездной библиотекой, которую сама же и создавала. Не хватало дров, чтобы отапливать школу. Не было освещения, тетрадей, учебников.

Весной двадцать первого года Удмуртский обком РКП(б) направляет Анну Васильевну, как одну из первых женорганизаторов республики, на учебу в Москву, в Коммунистический университет трудящихся Востока...

И вот страшная весть: умер Ленин.

— Мы были потрясены этим известием. Как же мы будем без Ленина? — спрашивал каждый из нас... В тот же день партком университета распределил слушателей — членов шефской комиссии — по закрепленным за ними окрестным деревням, где они вели пропагандистскую работу. Нужно было немедленно выехать на места и сообщить о кончине Владимира Ильича. В нашей группе оказалось трое: товарищи Максимов, Козлов и я. Мы доехали до Серпухова. А потом шесть километров по заметенным дорогам, промерзшие и заснеженные, добрались до деревни Васькино. Собрали крестьян и сообщили им печальную весть... Побывали мы и в деревне Мелихово, где тоже провели собрание. Вместе с делегатами деревень мы возвратились в столицу. На другой день были в Доме союзов. Проститься с Лениным пришли тысячи москвичей, жители окрестных сел и деревень. Вдоль Тверской улицы выстроилась очередь, которой не видно было и конца.

В эти дни многие стали подавать заявления о приеме в ряды РКП(б). Январский Пленум ЦК поддержал почин рабочих. Это был ленинский призыв в партию. В первых числах марта на заседании партбюро университета Анна Малых была принята в члены РКП(б). Осуществилась ее мечта — стать коммунистом, передовым борцом за великое дело Ленина. 11 марта на торжественном собрании, посвященном Международному женскому дню, молодым коммунистам вручили партийные билеты. Студентки университета выразили желание пригласить на этот вечер Надежду Константиновну Крупскую.

— Нам, четырем девушкам различных национальностей,— рассказывает Анна Васильевна,— поручили через работницу женотдела ЦК партии тов. Нюрину связаться с Надеждой Константиновной. Каково же было наше удивление, когда Н. К. Крупская, несмотря на постигшее горе, согласилась принять нас в кремлевской квартире. Робко заходим в квартиру Надежды Константиновны. Просто одетая, она дружески приветствовала нас. Наша беседа касалась учебы, организации работы среди женщин восточных районов страны. Потом она показала нам кабинет, где работал В. И. Ленин, зал заседаний Совнаркома, пожелала успехов в учебе и работе.

После университета Анна Васильевна преподавала обществоведение в школе второй ступени города Глазова, она принимала участие в коллективизации, была пропагандистом в зерносовхозе № 6 Северо-Кавказского края.

Накануне Великой Отечественной войны А. В. Малых работала инструктором по пропаганде и агитации политотдела Беломорско-Онежского пароходства.

Здесь ее застала война. Анна Васильевна добровольцем встала в ряды Советской Армии. До октября 1942 года была политруком фронтового госпиталя, а потом до конца войны командиром прачечно-дезинфекционного отряда на Карельском и 3-м Украинском фронтах.

— Румыния, Венгрия, Австрия — все вспоминается теперь как далекое прошлое,— рассказывает Анна Васильевна, показывая фронтовые фотографии.

Закончилась война. Анна Васильевна приехала в Ростов-на-Дону. Там велись большие работы трестом «Подводремстрой». Кадров не хватало. Горком партии направил туда А. В. Малых. В этой организации прошли последние двенадцать лет ее трудовой деятельности. В течение ряда лет А. В. Малых была депутатом Ростовского городского Совета.

В пятьдесят седьмом году ушла на пенсию и переехала во Владимир к сыну. Но и в нашем городе она не знает покоя. Общественного инспектора детской комнаты милиции № 4 трудно застать дома.

— Приходится бывать и в школах и на квартирах, воспитывать и самих ребят да и молодых родителей,— улыбается Анна Васильевна.— Дел хватает...

В прошлом году Анна Васильевна отметила свое восьмидесятилетие. Но и сегодня она полна энергии, бодрости, неутомимого желания трудиться над претворением в жизнь ленинских заветов.

Вл. СЕМЕНОВ

Владимир.

И ПАМЯТЬ, И УРОК

Затерянное в предгорьях Северного Кавказа маленькое селение. Под серыми яблонями походные кухни, орудия; усталые солдаты, как во сне, бродят по улицам. Далекий гул канонады. Война... А ему двенадцать лет, и на всю жизнь запомнит он свой день рождения в разбомбленном городке, потому что «в тот день по карточкам впервые выдали вместо хлеба кукурузу». Война... В сознании подростка, пережившего воздушные налеты и тревожную суету эвакуации, это слово становится обычным и будничным — «как летом привыкают к жаре».

Судьба главного героя романа Ю. Авдеенко «Этот маленький город» и похожа и непохожа на судьбы многих мальчишек военной поры. Двенадцатилетний Степка, эвакуированный из прифронтового Туапсе в Георгиевское, и не подозревает, что окажется непосредственным участником боевых действий и даже поможет двум нашим разведчикам взорвать важный объект. Редкий из мальчишек военного поколения мог похвастаться полученной Степаном медалью «За отвагу».

Автор ставит своего героя в условия, которые позволяют увидеть внутренний мир подростка, его быстрое, но закономерное мужание. Одна из примет времени — огненная связь с прошлым, которая оживает в сердце паренька бессознательно и поэтично: «Огонь плясал на траве и на ветках. И черные пятна ночи мелькали, как чужие следы. Где-то ржали лошади, раскатисто, нервно. Стучали копытами... Ржание, огонь, дым заворожили Степана. Что-то напомнили. Может, он не просто читал об этом, а видел наяву? Или во сне? Но он не помнил такого сна. Он всегда забывал сны. И не любил, когда их рассказывают. Чьи кибитки ползут, как змеи? Чьи кони — низкие, коренастые — воротят морды и грызут удила, словно собака кость? Десятники, сотники, тысячники... Безусый татарский хан с бабьей мордой... У Степки было такое чувство, будто он старый-старый. И уже когда-то жил на земле...».

Повесть «Любовь учителя истории», вошедшая в сборник, служит своеобразным продолжением романа «Этот маленький город». Ее события происходят в тех же местах, где когда-то совершил свой подвиг Степан. Главный герой повести, учитель истории Николай Иванович Горобец, занимается святым делом — разыскивает следы пропавших без вести, восстанавливает память о несправедливо забытом.

Серьезные нравственные и моральные проблемы ставит Юрий Авдеенко, в его произведениях воскрешаются героические страницы былого. Они и память и урок современникам.

Юрий Авдеенко. Линия фронта. М., Воениздат, 1978, 384 стр.

Н. НИКОЛЬСКИЙ

ПЕРЕД НРАВСТВЕ

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный
деятель искусств РСФСР

Она мирно сидит за столом, пьет чай — семья директора крупного завода Гайоза Гомелаури: сам хозяин дома, бабушка Фати, жена Магда, дети Леван, Гурам и Нато, невеста Левана — Ламара, Мераб Дариалов — друг семьи... Гурам недавно вернулся из заключения, и разговор идет о том, как устроить его судьбу... Неторопливо, без каких бы то ни было внешних взрывов течет беседа, но только все глубже разверзается моральная пропасть между отдельными членами этой, на вид такой дружной и сплоченной, семьи...

Смотришь пьесу Александра Чхаидзе «Потомство» на сцене Кутаисского драматического театра имени Л. Месхишвили (постановка Г. Кавтарадзе) и невольно вспоминаешь слова А. П. Чехова: «Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни». Автор и театр, рисуя повседневную, будничную жизнь одной семьи, словно бы следуют совету великого писателя: внешне почти ничего на протяжении спектакля не меняется в жизни семьи, только к финалу его Гурам, Фати, Ламара, Нато оказываются по одну сторону нравственных баррикад, а Гайоз, Магда, Леван — по другую.

Можно сказать, что и столкновений-то особых по ходу действия не происходит. Лишь, так сказать, бои местного значения. Гайоз и Леван, пользуясь своим положением и связями, хотят восстановить Гурама в университете. Гурам на это не соглашается. Его же не устраивает жизнь «по блату», он хочет честным трудом завоевать свое место в обществе. У Фати — день рождения, но все, кроме Нато, забыли об этом, и бабушке горько равнодушие близких, их внутренняя разобщенность между собой. Леван не хочет видеть в доме Бонду Лачаву, вместе с которым Гурам отбывал срок,— он боится, как бы Лачава что-нибудь не украл, да и само знакомство это кажется ему компрометирующим семью. Леван, кстати, и брата ни разу за десять лет наказания не навестил. А Гурам выгоняет из отчего дома Мераба Дариалова, вносящего в их семью дух торгашества и делячества...

Конечно, в отношении некоторых мотивов пьесы с автором ее можно спорить. Ну, хорошо, Гурам хоть и пострадал не безвинно, но, совершая кражу, был движим мыслью, что и хозяева вещи, похищенной им и его товарищами, приобрели ее незаконно. Но неужели настолько уж закоснела в своей бездуховности, так глубоко переродилась семья Гомелаури (ведь почти все ее члены — известные, уважаемые люди), что самыми чистыми и духовными оказываются здесь, с одной стороны, те, кто только что отбыл заключение, а с другой, бабушка — бывшая княгиня? И как же быть, в таком случае, с заключительными словами Гурама о том, что все эти семейные неприятности временные и все ее члены любят и уважают друг друга? Спор, однако, спором, а и автору и театру следует отдать должное: пьеса и спектакль убежденно отстаивают нормы и принципы коммунистической морали, осуждают в людях все то наносное, корыстное, что мешает им быть настоящими людьми.

Слажен и ровен актерский ансамбль этого спектакля. Его участники вовсе не стремятся педалировать в своих персонажах те или иные черты. Их устремления направлены на создание характеров живых, полнокровных, объемных. Они не боятся подчеркивать в героях, симпатичных автору, колючесть и резкость, а персонажи, осуждаемые им, наделять мягкостью, внешней значительностью, обаянием. И все же хочется выделить в ансамбле один образ — образ Гурама, созданный Г. Кавтарадзе,— характер масштабный, крупный.

К сожалению, среди спектаклей, просмотренных мною за неделю пребывания в Грузии, лишь только этот один был посвящен современной действительности. Однако, как бы далеко в седую старину ни уводили зрителя те или иные постановки, сколь бы ни были различны авторские и режиссерские индивидуальности, все увиденные мною спектакли едины по своей нравственной и духовной направленности.

В том же театре имени Л. Месхишвили мне довелось посмотреть спектакль «Две поэмы». В основу его положены поэмы Важа Пшавела «Алуда Кетелаури» и «Угощение». Перед нами возникают картины прошлой жизни кавказских племен, разъединенных враждой и обычаями кровной мести. Стилистика этого спектакля, поставленного также Г. Кавтарадзе, совершенно иная, чем стилистика «Потомства». Здесь характерна приподнятая, романтическая интонация, тем не менее ни в чем и нигде не грешащая против правды чувств, чуждая выспренности и декламационности.

Герой первой поэмы — хевсур Алуда Кетелаури, знаменитый на всю округу богатырь, убивая в честном бою противника — кистинца Муцала, не в силах отсечь у него, мертвого, кисть правой руки, как того требует обычай предков. Он привык считать себя воином, а не мясником. Ему легче быть изгнанным из общины, нежели нарушить свой долг перед совестью и человеческим достоинством. Во второй поэме кистинец Джокола не в состоянии переступить законы гостеприимства и отдать своим соплеменникам на расправу хевсура Звиадаури, которого он пригласил в свой дом. Ни угрозы односельчан, ни известие о том, что когда-то Звиадаури убил его родного брата, не в состоянии поколебать волю Джоколы. Он предпочитает смерть в бою измене своим нравственным убеждениям.

Спектакль, повествующий о коллизиях и событиях давно минувших дней, обращен непосредственно к каждому из сидящих в зрительном зале, он как бы изнутри освещен мыслью о том, что каждый день, каждый час жизнь ставит человека перед проблемой нравственного выбора. Когда ты едва ли не один воин в поле, проще всего и легче всего уступить — и мотивов для самооправдания найдется сколько угодно, только невозможно после этого полагать, что ты имеешь право на звание человека.

Чертами мужественной простоты отмечено исполнение ролей Алуды (Э. Сванадзе) и Джоколы (А. Херхадзе) да и работа всех актеров, занятых в спектакле. Чувство меры, изящество, вкус определяют самый дух этого, романтически приподнятого, экспрессивного спектакля.

В еще более отдаленные времена погружает нас трагедия М. Мревлишвили «Мученичество королевы», написанная им по исторической хронике Якова Хуцеси, которую поставил в Тбилисской театральной мастерской киностудии «Грузия-фильм» дипломант тбилисского театрального института Н. Багратион-Мухранский (руководитель постановки М. Туманишвили).

Действие трагедии происходит несколько веков назад. Конфликт, лежащий в ее основе, на первый взгляд может показаться крайне далеким от интересов современного зрителя. Король Грузии Питяхш Карталини ведет переговоры с одним из своих восточных соседей и ради выгод, которые лично ему сулят эти переговоры, готов обратить свой народ в мусульманскую веру. Этому противится его жена Шушаника, готовая к любому мученичеству, к смерти, лишь бы отстоять христианство. Однако и драматурга и театр менее всего интересуют религиозные пристрастия героев трагедии. В напряженном психологическом поединке схватываются между собой полярные нравственные принципы.

Коллизия осложняется тем, что Питяхш и Шушаника любят друг друга, у них ребенок, и каждый их поступок, каждое решение дается им ценой огромных душевных усилий, преодоления сомнений и колебаний. Таким образом, сквозь религиозную оболочку прочитывается поистине современная психологическая трагедия, где два любящих друг друга человека вступают в противоборство между собою, так как исповедуют полярные нравственные принципы.

«Мученичество королевы» — один из самых значительных, совершенных спектаклей среди увиденных мною в Грузии. Все в нем — и актерская пластика, и сценография, и музыка — стилизовано под старину, все переносит нас в эпоху, отдаленную от современности не одним столетием. И все во внутренней жизни героев и их взаимоотношениях, психологической наполненности образов глубоко современно, ибо утверждает в сердцах и сознании зрителей нравственные ценности, насущно им необходимые, важные для них сегодня.

Менее всего стремится разжалобить зрителей страданиями Шушаники М. Арабули. Главное в образе, созданном ею,— непреклонность духа, дающая ей силу к преодолению самых тяжких душевных мучений. Ведь по ходу действия Шушанику никто не гонит прочь из дома, никто не пытает. Героиня Арабули сама, добровольно, накладывает на себя мученический крест, ибо быть по-прежнему ласковой и нежной с человеком, который обманул самые высшие ее надежды, она не может, как бы она его ни любила, какие бы страдания ей это противоборство с ним ни приносило.

Психологически сложен и образ Питяхша, воплощенный З. Кипшидзе. Это отнюдь не примитивный злодей. В нем есть и привлекательность и внешнее благородство. Только эгоистическая страсть выжигает в нем все человеческое.

Как аккомпанемент к основному действию, существуют в спектакле фигуры скоморохов: Белый (А. Амиранашвили), Черный (З. Микашавидзе) и Женщина (Д. Хачидзе). Женщина кротка и беззащитна, ее сердце тянется к добру и свету. На протяжении всего спектакля идет за нее борьба между Белым и Черным скоморохами, как бы аккомпанирующая борьбе Добра и Зла, что определяет взаимоотношения основных героев спектакля. Главная роль в этом аккомпанементе принадлежит Белому скомороху. А. Амиранашвили создает образ удивительной чистоты, ранимости и неуступчивости одновременно, глубочайшей убежденности в торжестве Добра. Лицо его героя как бы вбирает в себя и отражает все психологические перипетии спектакля, все страдания, которые выпадают на долю и его самого, и Женщины, и Шушаники, и народа, находящегося под властью Питяхша Карталини...

Проблема нравственного выбора определяет звучание и спектаклей Театра имени Ш. Ру-

ННЫМ ВЫБОРОМ

ставели: «Пепо» Г. Сундукяна, «Вчерашние» Ш. Дадиани, «Кавказский меловой круг» Б. Брехта.

Проще для бедняка Пепо дать событиям развиваться самим по себе, ни во что не вмешиваться: утеряна, и, кажется, безвозвратно, расписка на деньги, которые его отец когда-то дал взаймы купцу Зимзимову, следовательно, долг не получить и сестре Пепо замуж не выйти — приданого нет... Так вот нет, Пепо свято верит в правду и справедливость. То, что Зимзимов отказывается от долга,— это для него поначалу как гром среди ясного неба. Пепо готов идти в тюрьму, но не может простить купцу его обмана, корыстолюбия, издевки...

Спектакль, поставленный выдающимся мастером современной режиссерской школы Д. Алексидзе, вбирает в себя и органически сочетает самые разные стили: здесь и драматизм самой что ни на есть повседневности, и героика, и сатира.

Сцены в доме Пепо исполнены тихих мук и страданий. В этом плане особенно примечательны образы стариков — Шушаны (Л. Дзиграшвили) и Опекуна (Н. Чхеидзе) с их неторопливой речью, полной бытовой достоверностью, потрясающей глубиной горя и взаимного сочувствия, готовностью подставить друг другу плечо...

Резким контрастом служат этим картинам сцены в доме Зимзимова. М. Чахава, играющая молодую жену стареющего Зимзимова Ефимию, и Е. Манджгаладзе в роли Зимзимова необычайно щедры в обличении своих героев. Актеры и не прибегают здесь к светотени, нет, на всеобщее посмеяние открыто выставляют они корыстолюбие, глупость, фанфаронство, жестокость — пороки, порождаемые собственническим миром. Великолепный, до мельчайших деталей продуманный и отшлифованный концертный дуэт Чахавы и Манджгаладзе естественно вписывается в общее многоцветие и многообразие красок спектакля.

Е. Сахлтхуцишвили подчеркивает в образе Пепо черты натуры гордой, свободолюбивой, непокорной, привыкшей идти наперекор течению. Все — и во внешнем облике этого человека, и в манере его поведения, и в речи — привлекает к себе, говорит о благородстве души, способности к самопожертвованию.

Можно, вероятно, упрекнуть спектакль, поставленный Д. Алексидзе, образы основных его персонажей в известной наивности. Театр беспощадно осмеивает зло, укрупняет и возвеличивает добро, не заставляя нас угадывать, кто есть кто... Но ведь так же наивен тогда и А. Островский и лучшие спектакли, осуществленные в разные годы по его пьесам,— недаром же Г. Сундукяна так и называли армянским Островским... И не подобна ли эта наивность той, которой восхищались у древних греков К. Маркс и Ф. Энгельс... Разные спектакли нужны нашему театру и зрителю, и в том числе непременно и такие, как «Пепо»!..

Полная противоположность «Пепо» по средствам художественного изображения жизни и человека—спектакль «Вчерашние», поставленный Т. Чхеидзе. Противоположность эта идет прежде всего от пьесы Ш. Дадиани, заставляющей многими своими особенностями вспомнить «Последних» М. Горького.

Перед нами стол, пересекающий по диагонали всю сцену (художник М. Чавчавадзе). Разные люди собрались за этим столом: одни—уже полностью погрязшие в обыденщине, живущие сплетнями и интригами, другие—вроде бы еще тянущиеся к свету, сопротивляющиеся пошлости и рутине, но все они — вчерашние. Ни одному не дано идти, как Пепо, против течения. И все «революционные» порывы Адико не более чем поза и истерический всплеск. И гордость и неподкупность Княжны на деле оборачиваются выгодной продажей своей свободы и независимости.

Трудно в этом спектакле выделить кого-либо из исполнителей. Каждый вносит свою долю в тот трагифарс, в тот, употребляю здесь слова М. Горького, трагический балаган, который развертывается перед нами. Театр создает широкую панораму душевной дряблости, трусости, подлости, продажности... Он почти не укрупняет и не заостряет эти явления. Но, показывая их, так сказать, в натуральную величину, бесповоротно осуждает их.

«Кавказский меловой круг» идет в постановке Г. Стуруа, в оформлении Г. Месхишвили. Как и «Пепо», спектакль этот многокрасочен по своим стилевым особенностям. Да, перед нами Брехт, рисующий свою человеческую комедию. Здесь также воедино сплавлены и сатира, и быт, и драма. Вместе с автором театр говорит свое «нет!» как войне, так и действительности, в которой царят несправедливость и жестокость, угнетение одного человека другим. Но при всей своей верности Брехту, его стилистике и его пафосу театр по-своему прочитывает пьесу, выделяя крупным планом, делая, так сказать, эпицентром всего происходящего образы крестьянки Груше и деревенского писаря Аздака — образы глубокого гуманистического содержания.

Собственно говоря, главным событием спектакля и является подвиг Груше, спасшей от смерти находившегося еще в пеленках сына губернаторской четы, бежавшей от нашествия захватчиков. Груше посвящает мальчику жизнь, становится—по самому высшему нравственному праву — его матерью.

Меньше всего, характеризуя исполнение роли Груше И. Гогишвили, можно говорить о знаменитом брехтовском «отстранении от образа». Нет, только о полном слиянии актрисы и образа. Образ забитой, жалкой крестьянки обретает в воплощении И. Гогишвили черты подвижничества и глубочайшей одухотворенности. Перед нами Жанна д'Арк, защищающая свою родину. Для нее эта родина — ребенок, нет, не скажу, подаренный, скорее, подброшенный ей судьбой, но самой ею выстраданный и выхоженный...

Как и сценический образ Груше, развивает в спектакле главную гуманистическую мысль образ Аздака, созданный Р. Чхиквадзе. Бражник, гуляка, хитрец, ставший волею случая судьей, герой Р. Чхиквадзе олицетворяет собою народную мудрость, исконное чувство справедливости.

Итак, просмотрено шесть спектаклей. Очень разных и в то же время единых. Единых прежде всего потому, что при всей яркости и своеобразии, богатстве режиссерских решений главное место в каждом из них принадлежит актеру. Но ни в одном из спектаклей постановочные приемы не являются самоцелью. Ни в одном режиссер не стремится заявлять о себе зрителям во что бы то ни стало: смотрите, какой, мол, я талантливый, изобретательный. Ни в одном не боится «умирать» в актере, ибо все, что ни делается в каждом из спектаклей, все подчинено передаче главной мысли автора и театра. А мысль — уже по самой природе сценического искусства — может быть наиболее полно, сильно и глубоко реализована через актера, через образ, создаваемый им. Главное же — единых еще и в силу своего нравственного содержания. О чем бы ни повествовал каждый из театров, основные свои усилия он направляет на утверждение активной жизненной позиции как повседневной нормы человеческого поведения.

«Потомство». Г. Кавтарадзе в роли Гурама и Д. Двалишвили — Лачава.

Сцена из спектакля «Вчерашние».

М. Чахава и Е. Манджгаладзе в «Пепо».
Фото М. Бабова

ТУЧИ С ГОР

Ханс **ФОРС**

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Женщина поднялась с камня, отвела глаза от гор, она поправила поношенное, прилипшее к телу платье. Передышка не принесла облегчения, наоборот, расслабила, и усталость не проходила.

Старик на дворе стоял в полной растерянности. Ветер стал порывистым, резким. Женщина прищурилась, она почувствовала приближение дождя.

— Втащи телегу под навес, дед. Дождь будет.

Тот не шелохнулся.

— Дождь, еще тебе и дождь,— бормотал старик...— А он там наверху.

— Ничего не поделаешь. Сегодня мы больше ничего не успеем.

— Он там, наверху.— Голос старика был охриплым.

— Втащи телегу!

— Наверху и сражается с ветром. А тут еще дождь собрался.

— Дед, я тебе о телеге твержу!

— Если они схватят его, к чему жить, я за такую жизнь и пригоршни навозу не дам.

— Легко говорить! А жизнь идет себе своим чередом. И телегу надо убрать под навес.

Женщина закрыла глаза. Картины сегодняшнего утра все еще живут в ее памяти, волнуют. Было в них что-то притягательное и одновременно стыдное: его руки, горячие влажные губы и солнце, бьющее в глаза...

И опять голос старика, приглушенный, точно идущий из-под земли, возвращает ее к действительности.

— А если они схватят его? В таких тучах там, наверху, сплошная мгла. Моросит, словно острыми иглами пронизывает. Ты-то никогда не была в горах.

— Я ненавижу эти горы!

— Что ты сказала? — Голос старика звучал по-детски жалобно, и он, запинаясь, чуть не хныча, убеждал: — Горы нельзя ненавидеть. Ты ведь никогда там не была. Стоят они себе — и все. А если с кем стрясется беда, вини только себя.

— Прекратил бы ты болтовню, дед.

— Разве мне он менее дорог, чем тебе?

— Мне самой не втащить телегу.— Женщина ухватилась за оглобли крепко, решительно. Чуть поодаль стояли волы, повернув головы к горам.

Женщина могла бы справиться с телегой сама, но ей хотелось заставить старика замолчать.

— Нет, горы нельзя ненавидеть. Это все равно, что ненавидеть себя. Что горы? Они стоят себе на месте. А что там, за горами, все зависит от нас, от нашего воображения.

— Ну и разошелся ты сегодня...

— Что ж, завтра буду молчать, а может, и плакать.

Она выпрямилась, давая понять, что терпение ее не бесконечно, и приказала резко:

— А ну-ка, тащи телегу! А то вдруг ветер налетит и опрокинет ее.

Без особого труда они втащили телегу.

— Хорошо смазана. Это он потрудился.

— Да, сегодня утром.

И вот телега водворена под навес. Под колесами хрустнула слетевшая с крыши черепичная плитка... Прошуршала ящерица у стены, там, где лежал скошенный, но необмолоченный овес. Сытно пахло зерном. Женщина набрала в охапку колосьев. Сильно запершило в горле, глубоко, почти в легких. Однажды она лежала здесь рядом с ним, вдыхая одновременно запах его тела и запах зерна. Потом долго щекотало спину, острые соломинки плотно вонзились в платье.

Сегодня утром он стоял здесь, возился со старыми колесами. Руки в масле, струйки его стекали до самого локтя. Он работал увлеченно, с любовью, вкладывая в это всю душу.

Такие проворные руки. Она глядела, боясь пошевелиться. Солнце ярко освещало надворные постройки.

Женщина заметила, что старик наблюдает за ней.

— Вчера колеса так скрипели, точно в ушах у меня гальку в песок перетирали.

Она неохотно расставалась с воспоминаниями.

— Э-хе-хе — пробормотал старик,— телега наша тяжелая. Он знал, как держать ее в порядке.

Старик был доволен. Он любил работать бок о бок с ним, потому что нуждался в поддержке.

— Тебе бы стоило пойти туда, поглядеть дорогу.

Чего он хочет? Послать ее туда? Самому ему уже не под силу туда отправиться.

Вот они, три горные вершины. Самая высокая Петрус, средняя Паулус и самая низкая, покрытая кустарником и деревцами,— Йоханнес.

Старик вытащил трубку, отошел подальше от стога, опасаясь пожара.

Пройти через горы в непогоду — дело непростое. А когда тучи тяжелые, там чертовски холодно. Смерть так и шагает следом. Лучше всего укрыться в ущелье. А то нетрудно угодить в какую-нибудь расщелину... Все покрыто ледяной коркой. Не доведи бог сорваться, тогда уж не удержаться, ухватиться не за что.

— Расщелины, пропасти,— задумчиво произнесла женщина.

— Само собой. Сегодня я бы не хотел оказаться там. Опасно.

— Дед, захвати серпы.

Какую цель он преследует, вселяя в нее свою тревогу, будто она сама не охвачена ею? Она передумала обо всем задолго еще до того, как он заговорил об этом.

Сейчас горы были скрыты грудой туч. Долина же хорошо просматривалась. В солнечных отблесках виднелись дома, маленькие, словно игрушечные, с зелеными и красными крышами. Желтыми пятнами выделялись цветы. В воздухе угадывалась близость моря.

— Оказаться там наверху одному...— простонал старик.

— Что ты хочешь от меня? Что я должна сделать? Он не признает меня! Он не видит меня! Он не слышит меня!

Старик испугался, посмотрел на иссушенные поля с чахлыми колосьями и перевел разговор.

— Я-то спал,— сказал он, стараясь помириться.

— Когда?

— Когда он ушел.

— Никто не смог бы его остановить. Он должен был уйти. Он не мог больше выносить нас.

— Да, это так,— промолвил старик понимающе.— Петрус — самая опасная гора. Ты не видела, куда он направился?

— Разве отсюда увидишь!

Боясь, что ответ прозвучал безразлично, она добавила:

— Пошел напрямик. Я не рискнула пойти за ним. Видела его еще некоторое время, но у поворота... ты же знаешь, как там.

— Да.

Она старалась не произносить высоких слов и все же должна была сказать:

— Он вдруг поднялся за облака и исчез там.

— Совершенно верно,— подтвердил старик, несколько удивленный ее тоном.— Там очень резкий поворот, и если облака опускаются низко, то было именно так, как ты сказала.

Опять нахлынул страх. Старик, пытаясь перевести разговор на обычное, заметил:

— Грабли в исправности.

— Да, я нашла их в хижине, когда пришла.

— Я занозил себе руки.

— С граблями всегда так.

Натруженные коричневые руки старика, казалось, были из шершавого узловатого дерева, с которым он возился. Дом стоял на южном склоне, внизу пролегала долина. Позади дома среди скудных пастбищ, высохших кустарников, груды камней тянулась заброшенная дорога и скрывалась под ветвями чахлых зеленовато-коричневых пиний, редкая полоска которых покрывала подножие гор, а выше виднелись одни сухие кустарники и бурая трава, только там да сям торчали одинокие деревца на голых склонах.

— А я спал себе преспокойно.

— Ну и хорошо, чему быть, того не миновать, кто мог знать, что у него на уме.

— Он иногда узнавал меня, заговаривал со мной.

— Никогда никто не знал, как он поведет себя.

— Ну и мрачная сегодня вершина Петруса.

— Внеси грабли, дед.

— Ты права, завтра они тоже не пригодятся!

— Они долго не пригодятся.

— Когда-нибудь да сгодятся. Все же хорошо, что пойдет дождь.

Они не решались зайти в дом. Женщина чувствовала, как усиливается ветер.

— На Паулусе не так страшно. Хотя в такую погоду все горы опасны. На Йоханнесе за последние годы появилось больше зелени. Хорошо, что ветер дует с гор. Он как бы прижимает вниз, не взлетишь в воздух. А как хорошо, когда наконец спустишься с гор!

Эти слова заронили слабую надежду. Правда, разве подымаются в горы и спускаются вниз в тот же день, подумала женщина.

— Подняться на вершину Петруса нелегко. Тот не может считать себя мужчиной, кто не одолел ее. Он взобрался на гору, когда ему было четырнадцать.

— Он всегда был настоящим мужчиной.

Ей доставляло радость говорить о нем. Она представляла его сильную фигуру, крепкую шею, густые волосы.

— Физически да. Он мог потянуть целый воз. Однажды поднял огромную бочку с вином, которую не могли одолеть три дюжих

парня. А вот отчего помутнел у него разум — непонятно.

— Этого не понять.

— Это выше всякого понимания.

— На свадьбе Педроса он голыми руками опрокинул навзничь молодого быка,— бормотал старик, погружаясь в воспоминания.— Ему шел в ту пору двадцать второй год — это было до тебя.

— А если придет доктор сегодня, что мы ему скажем?

— Все как есть.

— Не поймет он.

— Его дело.

— Сказал, что придет в начале недели.

— Верь этим докторам. Да еще теперь, когда они вовсю зарабатывают на туристах.

Голос старика стал резким, он не любил докторов.

— Странное дело, стоя здесь, кажется, что там, наверху, что-то движется, какая-то черная точка.

— Отсюда ничего не видно,— проворчал старик.

— Просто так кажется.

— Сегодня гор не видно, а чудится всякое потому, что знаешь, там наверху находится...— Старик замолчал, засосал трубку.

— Вот уже два месяца, как он прекратил всякие разговоры со мной, и четыре дня, как стал вовсе избегать.

— Знать бы причину...

— Разве узнаешь!

— Докторам тоже не понять.

— Это выше всякого понимания.

Они прибегали к этой фразе каждый раз, когда не хотели или не могли продолжать разговор. Слова эти служили и объяснением и предупреждением. Похолодало. Внизу, в долине, тучи наползали на солнце. Все вокруг стало серым.

— Последнее, что он сделал сегодня утром, это смазал колеса.

— Не только.

— Что ты сказала?

Женщина подыскивала нужные слова, торжественные, и, не найдя их, ограничилась этими:

— Он опустился на колени. Склонил голову к земле, словно целовал ее. А может, просто искал что-то.

— Он никогда не был близоруким.

Женщина умолкла, вопросительно посмотрела на старика. Тот отвел взор.

Как же так? Она сидела у окна и все видела. Или ей показалось, или она все придумала? Да нет же, он стоял на коленях посреди двора и касался губами земли.

Целовал он ее? Почему именно это показалось? Она была так близко, даже видела крест в расстегнутом вороте рубашки, свисавший до самой земли, твердой, точно потрескавшийся асфальт.

— Как-то в детстве я встречал человека, который мог по желанию вызвать дождь. В ту пору верили в такое...— Старик умолк, вглядываясь в долину, прислушиваясь.

— Не иначе как затарахтела машина. Может, доктор?

— Ты прав. Там вдалеке серая машина.

— Тогда это он.— Старик был доволен тем, что так хорошо еще слышит.— Ну, я пошел в дом.

— Нехорошо, могут подумать, что ты прячешься, дедушка.

— Не терплю докторов.

— Может, он хочет расспросить нас.

— Тебе же все известно.

— Откуда я знаю, что взбредет ему в голову спросить?

Они еще долго препирались, но все же старик настоял на своем.

— Я пойду. Он, наверное, торопится. Докторам всегда некогда.

— Странно, что он приехал. Он не любит выезжать.

— Наверное, священник замолвил слово.

— Похоже на то.

Вдруг она заколебалась:

— А если он предложит, чтобы мы пошли за ним в горы?

— Твое дело решать.

Старик ушел. Он не прятался. Он просто не выносил докторов.

Оставшись одна, женщина успокоилась. Как всегда, предоставленная самой себе, она чувствовала, что обретает силу. Словно упорное насекомое, медленно, с трудом автомобиль взбирался в гору. Женщина накачала воды из колодца и полила привядшую розу у стены дома. Земля шипела в том месте, куда попадала влага. «Подумать только, как все пересохло»,— заметила она про себя. В сухой траве шуршала ящерица, мухи удивленно ударялись о побеленную стену. Автомобиль остановился почти рядом с женщиной. Только тогда она обернулась.

— Ля Бранда здесь?

— Да, мы ждем доктора.

Доктор оказался моложе, чем она предполагала. И почему-то подумалось о священнике, вспомнились его добрые, усталые глаза, седые волосы, очки, которые он постоянно теребил, то насаживал их на нос, то брал в руки, и так без конца. Подчас на исповеди она нередко задумывалась, слушает ли он вообще.

Доктор вышел из машины. У него был новый портфель ярко-желтого цвета.

— Где ваш муж?

— Ушел в горы. Рано утром.

— Один? Он отсутствует уже целый день?

«Целый день»,— подумала женщина, глядя на молодое, энергичное лицо доктора. В сущности, ведь сейчас уже вечер. Когда нет солнца, день кажется либо чрезвычайно коротким, либо слишком длинным.

— Он часто ходил туда?

— Несколько раз в году. Когда был здоров.

— В последнее время?

— Дважды собирался, но нам удавалось вернуть его.

— Это небезопасно для него.

— Он поступает так, как считает нужным.

— Но он больной человек и не может отвечать за свои поступки.

— Что мы можем сделать?

Где взять силы, чтобы все объяснить заново? Он, этот доктор, так молод. Его блестящий портфель, мятые брюки, поношенная куртка с кожаными заплатами на локтях для прочности, лицо, сосредоточенное и решительное. Нет, он не старается произвести впечатление. Он естествен.

— Мне кажется, вы не вполне отдаете себе отчет.

— Он был моим мужем пятнадцать лет.

— Вы прекрасно понимаете, что нужно организовать поиски, созвать всех мужчин в деревне и заставить его спуститься вниз.

— Никто здесь не знает гор так, как он. Если он не захочет, вам его не найти. Его нельзя преследовать.

— Мы должны спасти его. Может быть, придется призвать на помощь полицию и военных.

— Его нельзя преследовать,— упорно твердила женщина.

Она подняла широкое, резкое лицо. Внутренняя сила придавала ему необыкновенную красоту. Кожа натянулась на скулах. Доктор невольно подумал: ни дать ни взять хищное животное. Жилы на шее вздуты, черные глаза устремлены на него в упор, дуги бровей взметнулись высоко, и иссиня-черные волосы свисают, словно грива. Не исключено, что в жилах ее течет мавританская кровь. Спокойствие женщины обезоруживало доктора.

— Мне нужно выяснить кое-что.

— Что вы хотите знать?

— С тех пор, как это началось, прошло два года, не так ли? У вас был выкидыш?

— Да.

— Он принял это слишком близко к сердцу?

— Мы ждали ребенка двенадцать лет. Он родился мертвым и уродом.

Она выдержала взгляд. Это доктору пришлось отвести глаза.

— Вы знаете, что говорят здесь, в деревне, о тех, у кого нет детей? Над ними висит проклятие!

— Он стал читать книги о Хиросиме, об атомной бомбе?

— Да. Ему удалось раздобыть их. Здесь не так легко достать книги. Но он теперь берет их из города. Это страшные книги, все об уродах, которые рождаются из года в год. В городе он даже видел фильм об этом. Я никогда не отваживалась даже перелистать эти книги. Но люди передают их друг другу.

— Он решил, что вы стали жертвой атомных осадков. Грозовых туч.

— Это было позже. Кто знает, что приходит человеку в голову, в каком направлении идут его мысли. Он читал и все думал, а потом дошел и до этого.

— И каждый раз, как собирались тучи в горах, его охватывало беспокойство?

— Да.

Женщина поняла, что доктор успел поговорить со священником. Она была рада, так ей легче было вести разговор.

— Началось с того, что он стал бояться людей. Или старался избегать их. Боялся новой войны. Не знаю, как вам объяснить. Он много читал о Вьетнаме. Становился все более замкнутым и замкнутым.

Женщина задержала взгляд на молодом бесстрастном лице.

— Вы знаете, ходили слухи, что американский самолет здесь, у побережья, уронил бомбу. Потом они нашли ее и увезли этот страшный груз вместе со слоем плодородной земли. Говорят, что теперь здесь не смогут больше разводить овощи. Они будут ядовиты. Ходит так много слухов, и только никто не знает, что же правда.

Было ли с вами такое, когда ваш близкий изо дня в день отдаляется от вас, уходит в себя, становится чужим, и ты ничего не можешь поделать, и ты любишь этого человека?..

Опять она почувствовала, что не может объяснить по-настоящему. То же ощущение, что при разговоре со священником, то ли в саду у него под палящим солнцем, а вокруг порхают бабочки, тяжкий запах роз, тупая боль в голове... то ли в прохладе церкви на исповеди — тень от его склоненной головы, блеск глаз, хотя она и сомневалась, слушает ли священник ее вообще. О, если бы кто мог вникнуть в ее душу и понять!

— Вы думали о том, чтобы вновь завести ребенка?

— После этого он ко мне не прикасался.

Теперь она опустила глаза. Как она хотела привлечь его! Ходила по двору в облегающем тело платье, спала голая рядом с ним и ждала. Первое время он лежал неподвижно, только глаза были наполнены ужасом. Затем ушел и спал отдельно.

— Что же мы стоим здесь? — спохватилась женщина.— Не хотите ли вина?

— Нет, спасибо.

Доктор опустился на скамейку у стены. Женщина выпила стакан вина. Она почувствовала себя усталой, словно выдержала длинный, изнурительный допрос, окунула руку в воду из колодца и провела ею по лбу.

— Вы обращались прежде к врачу?

— Он не хотел. Нам не удалось убедить его. Старый доктор умер. Целый год мы были без врача, пока не приехали вы. Кому охота ехать сюда, в эти горные места!

— Ему стало хуже с пасхи?

— До этого он работал как всегда. Иногда обращался к нам. Но неожиданно на пасху совсем от нас отвернулся. Продолжал заниматься своим делом, ухаживал за скотиной, работал, но нас, казалось, не выносил.

— Вы понимаете, мы должны вылечить его, а для этого нужно заставить его спуститься с гор.

— Я думаю об этом целый день. Если вы начнете преследовать его, то загоните еще выше в горы. Каждый звук будет пугать его, как бы благородны ни были ваши намерения, ему все едино — зло. Он никогда не позволит вам подойти к нему. Вы затравите его, как зверя. Он никогда не поймет, что вы хотите помочь ему.

— Вы считаете, что он скорее...

— Он никогда не дастся вам в руки.

— Вы уверены, что он спустится сам?

— Не знаю.

— И вы так спокойны, хотя это может грозить ему гибелью?

В глазах женщины мелькнула усталость. Кто может ее понять? И поняла ли она сама все, хотя думала, что понимает?

— Он хорошо знает горы. Наверно, он должен был подняться туда. К этим грозным тучам.

«Женщина страшно утомлена»,— подумал доктор.

— Вы могли бы пойти за ним?

— Он не узнает меня. Я так же опасна для него, как и все остальные. Такое же зло. Такая же угроза,— произнесла она со спокойной горечью.

Тучи опустились ниже. Ветер стал холоднее. Где-то далеко внизу двигались люди, напоминая неуверенно ползающих насекомых.

— Вам не следовало бы отпускать его.— Голос доктора прозвучал неуверенно, та непоколебимая решительность, с которой он пришел сюда, исчезла.

Разве объяснить ему, как она следила за всеми переменами, происходившими в нем, как рос его страх и муки, каким страшным и беспомощным он становился. И самое худшее: недоступным, замкнутым.

«Нет, не могу больше видеть его страх и его муки»,— подумала женщина.

— А если с ним случится беда, если он сорвется в пропасть?

Голос доктора звучал все менее уверенно всякий раз, когда он говорил о горах. Он не знал их. Он не из здешних мест и вряд ли долго продержится тут. Да и к чему ему оставаться? Он чужой среди них.

— Он знает горы,— повторила вновь женщина.— Вы должны поверить в него. В то, что еще осталось в нем от прежнего.

— Что вы подумали, когда он ушел?

— Он вбил себе в голову, что должен уйти туда, высоко за облака, чтобы спасти землю, зверей, не знаю только, думал ли он о нас, о людях при этом. Я понимаю, как это звучит,— торопливо добавила женщина и отвела глаза.— Но именно так я чувствовала. И еще я подумала, что когда он подымется наверх, чтобы встретить опасность... когда он увидит, что это всего только... то у него пройдет, по крайней мере на этот раз... Кажется, так я думала...

— Мой долг — попытаться спасти его,— сказал доктор.

— Вы убьете его, если пойдете в горы.

Доктор поднялся. Его уверенности как не бывало. Он собирался уезжать. Да, он надолго запомнит пронзительные глаза той женщины, запомнит это резкое лицо, волосы, спадающие черной гривой, пульсирующие жилы на шее. «Скоро пойдет дождь,— подумал доктор.— Нужно спешить, а то развезет дорогу».

— А если мы подождем до завтра? Может, он спустится сам?

— Может быть.

— Вы верите в это?

Страстное желание доктора получить подтверждение звучало почти по-детски. «Какой он еще юный»,— подумала женщина.

— Итак, я жду до завтра.

— Хорошо, это самое разумное.

— А то действительно можем напугать его, и тогда... как вы сказали...

Глаза женщины стали почти черными, но она ничего не произнесла.

— Вы должны понять. Это мой долг.

Она посмотрела на долину, поежилась, потирая руки.

— Прощайте, до завтра. Я загляну к вам, проезжая мимо.

— Прощайте, доктор, обещайте только: никаких солдат...

Женщина долго стояла, глядела вслед удаляющейся машине до тех пор, пока та не стала крошечным жучком, затерявшимся среди красных крыш. Издали донесся звон колокола. Она вспомнила, как сверкал новый желтый портфель доктора.

Тучи громоздились наподобие всклокоченной овечьей шерсти. Косой дождь пролился на выступы скал. Скоро он достигнет пиний и придет сюда. Она услышала, как вышел старик.

— Это был доктор?

— Да.

— Что он сказал?

— Расспрашивал о всякой всячине.

Старик пошел в самый конец двора, чтобы закурить трубку. Дождь уже бил по деревьям, и первые капли упали на щеку. Подойдя к женщине вплотную, старик спросил обеспокоенно:

— Они пойдут за ним?

— Наверное, завтра.

— Он не уходил, пока мы не управились с уборкой,— сказал он.— Словно знал, что пойдет дождь и ничего больше уже не придется делать.

— Я завтра должна уйти в горы,— сказала женщина.

— Горы нельзя ненавидеть. Им все равно. Стоят себе — и все тут.

Ветер свирепствовал. Тучи обрушивались на горы, точно разъяренные быки ударяли хвостами, бодались, оставляя клочья облаков среди пиний. Величественное, страшное зрелище! «Страшнее не придумаешь»,— подумала женщина.

— Ты закроешь потом дверь? — спросил старик.

— Я запру ее на засов.

Старик вошел в дом. Дождь обрушился на женщину, хлестал по лицу, волосам, одежде, словно холодные пальцы скользили по ее телу и потом сжимали до боли. Она поняла, что ждала этого ливня целый день.

Она расстегнула ворот платья, чтобы охладить разгоряченное тело.

Перевела со шведского В. МОРОЗОВА.

Перед огоньковцами выступает директор «Москниги» С. Е. Поливановский

Фото Г. Копосова

ДОМАШНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ

История культуры знает немало примеров, когда, казалось бы, обычное поначалу книжное собирательство превращается в дело интересное и важное не только лишь для книголюба, но и получает широкий общественный резонанс. Коллекция, созданная усилиями одного человека, становится настоящим музеем, привлекающим писателей и ученых, студентов и просто любителей литературы.

Таким домашним литературным музеям было посвящено последнее в истекшем году заседание клуба «На «Огонек», в котором приняли участие работники книжной торговли, букинисты и собиратели.

Москвич П. Матко собирает «Все о Гашеке», и его собрание получило признание на родине писателя, в Чехословакии; Н. Суровежин на основе своей личной библиотеки и ее ядра — единственного в стране собрания изданий сказки П. Ершова о Коньке-Горбунке вот уже почти двадцать лет устраивает так называемые «Суровежинские четверги», которые посетили тысячи москвичей; ленинградцы гордятся наиболее полным книжным морским музеем в мире капитана дальнего плавания, известного библиофила Я. Рабиновича.

В 1955 году в Лейпциге умер хирург Герхард Штумме. Его смерть прошла бы незамеченной, не оставь он после себя богатейший музей книги, равного которому нет нигде. Коллекционер-любитель отдал 68 лет своей жизни собиранию 10 500 книг в честь одного-единственного героя — легендарного доктора Фауста. Высоким жизненным подвигом назвали ученые собирательство лейпцигского врача. Музей «Все о докторе Фаусте», созданный в Веймаре,— достойный памятник немецкому книголюбу и, пожалуй, всем истинным любителям книги.

Московский инженер Н. Ильин составил уникальную коллекцию, посвященную Блоку. Сейчас собрание Ильина становится основой создаваемого в Ленинграде музея А. А. Блока.

Да и как, наконец, не вспомнить, что многие крупнейшие наши библиотеки были заложены частными собраниями коллекционеров!

...В гости к огоньковцам пришли в этот день директор «Москниги» С. Е. Поливановский, заведующий отделом антикварной торговли московского Дома книги Л. В. Яшкова, библиофилы В. Н. Алексеев, Л. А. Мнухин, заместитель директора книжного магазина «Журналист» Г. З. Бартосевич.

Открывая встречу, Сергей Ерофеевич Поливановский сказал:

— Назначение книги — действовать, учить, помогать жить. Давать знания. Книги — это бойцы, и они должны работать. Настоящий книголюб — это тот, кто использует имеющиеся в его библиотеке богатства не только для себя, но и для других. Я не могу назвать книголюбом человека, держащего книги под замком. Вот почему нам надо учить искусству владения книгой. Учить на хороших примерах тех, кто искренне посвятил часть своего свободного времени книгособирательству. Именно об этих людях расскажет подготавливаемый к изданию Центральным правлением Всесоюзного добровольного общества любителей книги словарь-справочник советских библиофилов.

Скоро мы будем отмечать 600-летие Куликовской битвы. Представьте, какой общественный интерес имела бы сейчас библиотека об этом великом событии нашей истории. А может быть, кто-то действительно подобную библиотеку уже собирает.

Всем известно, какой интерес читатели самых разных поколений испытывают к литературе о войне. Такие собрания формируют многие из тех, кто воевал, пережил войну, а также, что особенно отрадно, молодые читатели, которые могут изучать героическое прошлое нашей Родины в своих домашних библиотеках.

...Разными путями приходит читатель к книге. Действительно, не только мы выбираем книги, но и книги выбирают нас. К Владимиру Никифоровичу Алексееву книжная страсть пришла вместе с профессией — он букинист.

— Я собрал около пяти тысяч экспонатов, связанных с жизнью и работой В. И. Ленина, с историей возникновения нашего государства, историей революционного движения в России,— рассказал на встрече Алексеев.— Вот, например, книги Радищева. Они уничтожались, предавались забвению. Особенно редчайшим, практически ненаходимым сегодня считается первое издание «Путешествия из Петербурга в Москву». Этого раритета у меня нет. Но зато другие издания сочинений великого демократа и революционера я имею. Именно Радищев натолкнул меня на мысль собирать книги, уничтоженные цензурой, книги, сохранившиеся в единичных экземплярах. Это очень трудное дело. Но, я считаю, важное, ибо найти их, сохранить и передать обществу— благородная задача.

Журналисты восхищались экспонатами домашнего музея старейшего московского букиниста, но особенное волнение испытывали, когда Владимир Никифорович показал тоненькую невзрачного вида брошюрку — одну из первых биографий В. И. Ленина, изданную в 1918 году.

Да, таким собраниям, что называется, место в музее. И этот музей на дому не только существует, но работает. В. Н. Алексеев не только устраивает выставки своей коллекции на различных предприятиях и в учреждениях Москвы, но и рассказывает о своих находках в газетах и журналах. Часть этих сокровищ собиратель передал государству.

Трудное дело — собрать уникальную коллекцию книг. Порой вся жизнь человека уходит на это. Помочь настоящему энтузиасту в его благородном общественно значимом устремлении — долг букинистических магазинов. О контактах книголюбов и книгопродавцев, об интересных находках в книжном море говорила заведующая отделом антикварной торговли московского Дома книги Лидия Васильевна Яшкова:

— Отличительной чертой букинистической торговли является наличие постоянных покупателей. После работы, увлеченные своей мечтой, желанием встретиться с интересующей их книгой, идут они в букинистический магазин. Смотрят на витрины, разговаривают с продавцами, товароведами и, если находят что-то, уходят счастливые. В этом случае счастливы и мы, работники книжных прилавков. Таких постоянных покупателей мы отмечаем, и иметь дело с ними всегда приятно. Особенно, когда в меру наших возможностей помогаем в их поисках.

Вот так когда-то пришел в наш отдел библиофил Лев Мнухин. Он сказал, что давно собирает книги, посвященные Марине Цветаевой. А через несколько месяцев в отдел поступила книга со штампом «Из книг профессора И. В. Цветаева». Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета, основатель Музея изобразительных искусств имени Пушкина,— отец Марины Ивановны. Принадлежавшая ему книга перешла в музей библиофила.

О своем собрании материалов, посвященных Марине Цветаевой, рассказал кандидат технических наук Лев Мнухин.

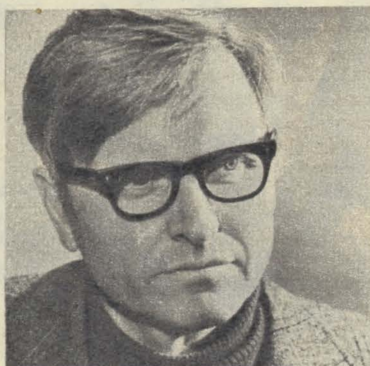
Судьба архива М. Цветаевой, ее литературного, эпистолярного наследия необычна. Многое осталось за границей, где она провела долгие годы, многое недоступно исследователям, многое просто утратилось. Недавно видные советские писатели в газете «Литературная Россия» подняли вопрос о будущем дома на улице Писемского, где жила Цветаева с 1914 по 1922 год. Было предложено законсервировать бывшую ее квартиру с тем, чтобы со временем она стала мемориальной. Коллекция Л. Мнухина может послужить основой для будущей экспозиции в этой квартире. В его собрании имеется многое, что может заинтересовать почитателей прекрасного таланта Цветаевой: прижизненные сборники, автографы, неопубликованные произведения, ее личные вещи. Вот, например, один автограф на книге «Стихи к Блоку», выпущенной в 1922 году: «Ариадне Черновой—соименнице моей дочери — голос из хора. Марина Цветаева. Прага, осень 1924 г.», а на форзаце сделанная рукой поэтессы большая запись впечатлений ее дочери Ариадны о вечере Блока, состоявшемся в Москве в 1920 году. В собрании Мнухина беловой автограф поэмы Важа Пшавела «Гоготур и Апшина», переведенной Цветаевой в 1940 году, автограф стихотворения М. Волошина, посвященного ей, и т. д. Пользуясь материалами своего собрания, Л. Мнухин составляет библиографию произведений М. Цветаевой. Недавно на основе этого домашнего музея состоялось организованное Московским обществом любителей книги заседание, посвященное памяти замечательной русской поэтессы. Встречи становятся традиционными.

В нашей стране немало домашних музеев, и не только книжных. Привлечь к ним широкое внимание — задача обществ любителей книги, охраны памятников истории и культуры, охраны природы... Об этом говорили все выступавшие на встрече в «Огоньке».

Феликс МЕДВЕДЕВ

С книжными новинками знакомили участников встречи работники магазина «Журналист».

ВРЕМЯ СВЕРШЕНИЙ

Пора молодости всегда прекрасна. Но молодость, цветение которой совпало с первыми послевоенными годами, и совсем особенна. Еще каждый, абсолютно каждый знал истинную, выверенную собственной жизнью и потому по-земному простую и неизмеримо высокую цену обычнейшего слова — мир. Еще каждый, абсолютно каждый знал по себе, своим ранам, телесным и душевным, своим трудам, ратным или тыловым, что это такое — война. Она только что закончилась.

Мир пьянил. Им дышали, им жили. Им наслаждались. И в студенческом общежитии Литературного института это чувствовалось так же, как и везде.

Послевоенный Литинститут собрал разновозрастных и разного жизненного опыта питомцев. В Михаиле Шевченко покоряли душевность, такт, бескрайняя преданность поэзии. За плечами педучилище: жизненный опыт, по тем временам невеликий,— но над ним, еще мальчиком, над его родной стороной дважды прокатился вал войны:

Я в детстве был обманут ясным небом...
Не позабуду солнечного дня,
Когда нежданно, с завыванием свирепым,
Оно обрушило фугаски на меня.

Книга стихов «Спасибо тебе за цветы», подытожившая впечатления молодых лет, вся на таких контрастах. Упоение миром — и отблески затихшего, но в памяти оставшегося навсегда пожара войны...

Стихи. Проза... В прозе Михаил Шевченко так же лиричен, как и в стихах. И так же верен памяти военных лет. В повести «Только бы одну весну», отмеченной почетным дипломом и медалью литературного конкурса имени Николая Островского,— в сплаве, в органическом единстве тяжелые будни и романтическая приподнятость, с которой шла в бои юность, воспитанная на примере Павки Корчагина.

Война научила вглядываться в жизнь, в события, в людские характеры напряженно и пристально. И это стремление открыть, понять типично для писательской судьбы М. Шевченко. Так пытается постичь он и душу ребенка, о котором создал повесть «Кто ты на земле», вышедшую недавно отдельным изданием. Простота ситуаций, сюжетная незамысловатость, кажущаяся бесстрастность повествователя. А за всем этим — напряженно вопрошающий взгляд: не вырастет ли маленький человек эгоистом, индивидуалистом? Не будет ли он, кому все пока достается легко и просто, как само собой разумеющееся, считать, что и мир предельно прост?

У настоящего литератора в планах, замыслах всегда больше, чем сделано, написано. Так и у Михаила Шевченко, которому исполнилось пятьдесят. На его рабочем столе — роман. Заглавная книга?.. Да, пока работается над ней, она заглавная. А будет закончена, может, новый замысел поднимется выше ее.

В. ЧУКРЕЕВ

ЛУБОК КУЛИКОВА

«Вот что сохранилось в моей памяти о раннем детстве. Лежа в люльке, я смотрел из-за занавески и видел на стене избы картины около божницы. Сейчас это кажется просто: вся в складках просвечивающаяся кубовая[1] занавеска — шубка матери; из этого шатра виден красный угол избы с божницей и лубочными картинками. Но детское впечатление от этого уголка неописуемо и невыразимо. А может, это был сон...

Эти лубки у нас долго сохранялись. От рождества до пасхи и от пасхи до рождества они лежали на полке, а к этим праздникам их прибивали на стены. К празднику вся изба преображалась, в особенности к святой.

В избе — с двумя небольшими окнами, большой русской печью в углу, одной толстой матицей под потолком, примостом для спанья, настланным от печки до стены,— жили отец, мать, три сестры, невестка. Под примостом ютились то телята (у нас было три коровы: Пестравка, Рыженка и Ленивка), то ягнята с овцой. Коров зимой доить водили в избу. Всю зиму в избе стояли два стана. На одном отец работал платки, в город на Потемкина, а на другом бабы холсты ткали. Бабы, девки пряли — четыре самопрядки стояли. От мыканья льна слой костры[2] толщиной с полвершка лежал на грязном полу, под станами накапливался пух от основ. Вечером при свете «мышиного глаза» — трубочки со вставленным фитилем в пузырьке с керосином — гудели четыре самопрядки. В наполненном пылью и костриной воздухе чуть видны были фигуры прях; едва заметные тени перебегали с предмета на предмет, всему убогому жилью придавая мрачно-фантастический вид...»

Таким нищенски тусклым и одновременно светоносным запомнился быт подмосковной деревни конца прошлого века художнику Афанасию Ефремовичу Куликову. И не в том ли одна из разгадок брызжущей красочности, нарядной, задорной веселости «настенных картинок» Куликова, запечатлевших новую явь его родного села?

Родившийся неподалеку от Малоярославца, двенадцати лет Куликов попал в Москву. В «колониальном» магазине купца Мясникова в 1-м Зачатьевском переулке стоял около дверей вместо швейцара, потом «пять лет прожил в мальчиках у живописца. Каждую неделю два раза пороли ремнем по всем правилам этого симпатичного дела»; перешел в «стенолазную» мастерскую — там учили расписывать церкви; наконец, в 1905 году поступил в московское Училище живописи, ваяния и зодчества, занимался у Корина и Горского в головном классе, у Касаткина и Милорадовича — в фигурном, в натурном — у Архипова и Пастернака, в портретном — у Серова и К. Коровина.

Женившись и став кормильцем семьи, живописец-крестьянин Куликов вынужден покупать усадьбу, строить дом, предаваться хозяйским заботам. В 1917 году с военной службы его отзывают в художественную секцию культотдела Московского Совета солдатских депутатов, где он рисует лубки на революционные темы.

В дальнейшем, в 30—40-е годы, А. Е. Куликов работает в больших коллективах над картинами исторического жанра, и его имя получает известность. Но, пожалуй, несомненный его талант органичнее всего проявился в лубке, в работах, как он говорил, «манерой, свойственной мне с детства и отвечавшей моему настроению». Недаром на Всемирной выставке в Париже эскизы кустарных работ Куликова заслужили золотую и бронзовую медали.

«Лубок» — само слово это для многих еще сегодня подразумевает нечто безвкусное, аляпистое. Но вот мы смотрим на лубки Куликова и испытываем двойную радость: радость встречи с настоящим искусством и радость узнавания подлинной народной жизни.

Лубок — нечастый гость на выставках в наши дни. А когда-то эти красочные картинки имели чрезвычайное хождение в народе. Картинки — одно или несколько изображений с расшифровывающим, нравоучительным или сатирическим текстом,— предназначавшиеся для простолюдинов, едва умеющих складывать буквы, явились в свет почти одновременно с изобретением печатного станка. Русское слово «лубок» происходит, по-видимому, от липовых («лубовых») досок, на которых уже в самом начале XVII века резали тот или иной рисунок, покрывавшийся затем краской, чтобы получать потом оттиски на бумаге. Закреплению этого названия помогло и то, что бродячие торговцы — офени разносили сию продукцию в легких лубяных коробах. (Кстати, существует мнение, что Лубянка — ныне улица Дзержинского — получила свое наименование от лубков, печатавшихся рядом, в Печатной слободе— первой московской типографии.)

XVIII век, начало XIX — время расцвета искусства русского лубка, когда окончательно оформляется его декоративный и орнаментальный характер, закрепляется его назначение — украшать стены горниц или предметы обихода, например, внутреннюю сторону сундуков. Что только не изображалось на «народных картинках»: священная история и легенды, былины и сказки, пословицы и поговорки, действительные исторические события и виды местностей, бытовые и жанровые сцены, портреты знаменитых людей и, конечно, сатира на все и вся... Как не вспомнить здесь известнейший лубочный сюжет «Как мыши кота хоронили», на котором, как считают, «отец русского лубка» Василий Корень, старовер и ярый противник Петровых реформ, изобразил злую сатиру на «царя-антихриста», выведя его в образе «кота казанского, ума астраханского, разума сибирского» — кошачьи титулы эти поразительно напоминают царские...

Однако развитие типографской техники, появление дешевой литографии все более низводят лубок до уровня, как бы мы сказали ныне, ширпотреба. Стало доступным выпускать лубки огромными тиражами, и это приманило ловких торгашей и разбитных рисовальщиков нажиться на популярности народных картинок. Слишком мало оказывается теперь в лубке самобытности, художественной оригинальности — вместо прежних красочных и прорисованных посыпались густо размалеванные листы; слишком редко становится лубок выразителем чувств и настроений простого люда. И недаром во второй половине XIX века в лубочных картинках часто видели потакание невежеству и предрассудкам. К тому же власти усиливают цензурный надзор за лубком, и в начале нашего века тот вконец лишается былых живости, насмешливости и правдивости.

Но вот задули ветры великого времени и вдохнули новую жизнь в старинное искусство лубка. Многомиллионным массам, в абсолютном большинстве неграмотным, требовались яркие, выразительные и доходчивые художественные образы — ими-то и стали вновь «настенные картинки».

Афанасий Куликов был одним из создателей этого агитационного искусства. Ему и легко и отрадно было рассказывать крестьянам на языке лубка о свободе и других социальных завоеваниях, принесенных революцией. Эта бьющая через край, озорная и задорная радость, уверенность в счастливом завтрашнем дне передаются нам, когда мы сегодня смотрим лубки Куликова.

Д. ИВАНОВ

---

[1] синяя.
[2] отбросы льна и конопли после чесания и трепания.

А. Куликов. 1884—1949. АВТОПОРТРЕТ. 1915.

КАК НАШИ В ГОРОДЕ ПОЖИВАЮТ. 1917.

ОХ, НЕ СТРАДАНЬЕ, А ТОЛЬКО МУЧЕНЬЕ...
Частушка. 1926—1928.

СЕМЬЯ ХУДОЖНИКА. 1929.

НЕ ЗАТЕМ ВЫ РОДИЛИСЬ НА СВЕТ. 1918.

8-е МАРТА. Эскиз плаката. 1923.

А. Куликов. ПОРТРЕТ ЖЕНЫ. 1915.

НЕ ОТКРОЮ МИТЬКЕ ДВЕРЬ... Частушка. 1926—1928.

■

Рассказчик не хочет сразу же, с первого слова, называть все вещи своими именами!

И называть имена людей, гор, морей, заливов и побережий он тоже не намерен. Во всем этом нет ни малейшей тайны, однако же пусть имена придут сами, пусть придут все те, которые известны.

А неизвестные пусть останутся неизвестными.

Художественная литература всегда условна, а рассказчик и не скрывает своего желания быть причастным к художественности.

* * *

И вот они — Горы, вот оно—Море, вот он— Полуостров. Вот он — Юг.

Южнее вот этого Юга на Земле еще много земель, морей и гор, и полуостровов тоже немало, но все равно это Юг, хотя бы потому, что здесь растут пальмы.

Еще невысокие и неплодоносные, но уже растут. А там, где начинают расти пальмы,— начинается Юг, и люди Севера едут туда, чтобы дышать теплом и жить под южным небом. Чтобы вылечивать легкие и продолжить свою жизнь после того, как недуги начали упорно сопротивляться этому продолжению.

Чтобы продолжать не только свою жизнь, но и свою судьбу.

Ведь Судьба — это не совсем то же самое, что Жизнь?

Поэтому и случается, что у человека уже нет жизни, но все еще есть судьба. Случается и так, что мы живем, не замечая своей судьбы, как будто бы и нет ее и не бывает никогда на этом свете.

До сих пор неизвестно, что лучше, а что хуже, и даже какой вариант встречается чаще — первый или второй, тоже никто не подсчитал, но в этом рассказе речь идет о женщинах, для которых жизнь была не чем иным, как только их судьбами.

Вообще жизнь-судьба более свойственна женщинам, чем мужчинам. Кажется, так показывает статистика, если она что-то показывает.

* * *

И вот было время, когда на берегу Моря, на Полуострове странных очертаний, поселились две женщины — Мария и Мария.

Ни та, ни другая не была матерью, и та и другая на много-много пережили своих любимых, круглым счетом — на полвека, и обе умерли в глубокой старости в полной памяти, в полном сознании совершенных ими женских судеб.

И та и другая в течение этих долгих-долгих и одиноких десятилетий хранили память о своих любимых.

На берегу причудливого Полуострова и теперь стоят два дома, сложенных из вулканического туфа, два дома, построенных почти в одно и то же время и строго в соответствии со складом характера, вкусами и представлениями о жизни тех поэтов, которых любили Марии,— один дом у самого моря, с башней для далекого-далекого обозрения, другой — без башни, но высоко в горах, один — в пустынном уединении неподалеку от деревни, другой — посреди древнего поселения.

Летом эти жилища были живописны, уютны и милы. Казалось, что весь Полуостров и все прилегающее к нему Море ласкают их.

Потом, освобожденный от перезревшей зелени, от ослепительно яркого солнечного сияния, от летней публики, Полуостров обнажал другие краски своей земли и своего моря, и тогда, продолжая жизнь изначальную, не раскрашенную и не слишком переполненную живыми существами, но приближенную к Земле, Полуостров приобщал жилища своих поэтов к одиночеству.

Одинокими тогда становились два белых дома, один — с башней, на берегу моря, другой — высоко в горах, но это было им вполне свойственно. Туманы, и дожди, и мокрый снег никогда ведь не становились врагами сколько-нибудь одетой-обутой поэзии.

Если на то пошло, яркость и чрезмерное многолюдье для нее гораздо опаснее.

После смерти своих любимых всею своей жизнью и своими судьбами Марии хранили эти жилища и все предметы их комнат, и воздух, заключенный там, и календари, когда-то отсчитавшие роковые сроки.

А множество людей из года в год посещали эти жилища.

Были годы, когда весь Полуостров причудливых очертаний и еще многие земли подверглись страшному нашествию чужеземцев.

И Земля горела тогда, города, и деревни, и поселки горели и разрушались тоже, люди бежали прочь, но Марии и тут не оставили своих жилищ, продолжая сохранять каждый предмет и каждую частицу воздуха, заключенного в стенах, сложенных из вулканического туфа.

Когда же земля была наконец снова освобождена — много легенд возникло о том, как сохранились два белых дома. Каким чудом? Каким невероятием?

Рассказывали, будто бы одна Мария не боялась требовать от вражеского офицера удалить артиллерийские орудия от белого дома с башней, так как орудийный грохот обязательно повредит оконные стекла.

Ходили слухи, что другой Марии, в ее белом доме без башни, тайно сочувствовал офицер, проникнутый уважением к памяти некогда жившего здесь художника.

И храмом бесконечной преданности всему тому, что есть истинная любовь.

Ну, конечно, это слишком, это непомерно много для одной женщины, хотя бы и Богородицы — быть святой во все эпохи,— и вот она поделилась своей природой с другими женщинами.

Конечно, она не обошла своим вниманием и наших Марий,— в чем-нибудь, но и они, цивилизованные, путешествующие в скорых поездах, пишущие какие-нибудь прошения на имя то одного, то другого государственного служащего, посещающие модисток, театры и парикмахерские,— в чем-то они обязательно напоминали ту изначальную деву Марию, даже если и не преследовали этой цели.

Так или иначе, с молитвами или без них, они до конца оставались преданными своей любви и своей судьбе любящих женщин и вот сохранили жилища из хрупкого туфа вулканического происхождения в то время, когда одно за другим рушились пограничные железобетонные укрепления и целые государства.

А невыдуманные судьбы оказались в сказочном совпадении, потому что обе они любили: одна — мужа, другая — брата.

Но обе — любили.

Однако тут же начинаются и необыкновенные между ними различия, потому что те, ко-

От автора.

В ближайшем номере журнала «Наш современник» публикуется цикл моих рассказов, который я так и назвал: «Пять рассказов».

По существу, это совершенно разные вещи и по сюжету, и по времени и месту действия, и по стилю, но именно это последнее обстоятельство — различный стиль — и позволило мне выстроить рассказы в один какой-то ряд, начиная от самой простой, невзыскательной к несколько условной и сложной манере письма.

По крайней мере так представляется это дело мне самому.

Как встретит рассказы читатель, покажет время. Пока же мне хотелось представить один из пяти рассказов читателям «Огонька».

МАРИЯ И МАРИЯ

Сергей ЗАЛЫГИН **РАССКАЗ** **Рисунок А. ЛУРЬЕ.**

Почему? Как так? И не сама ли уж дева Мария замешана во всем этом?

А почему бы нет?!

Всякая легенда о сохранении сущего не столь уж легендарна, если присмотреться к материнству всего на свете, всей не только одушевленной, но и неодушевленной природы, к тому, как из одного облака возникают два, из одного камня — три, а из холмов — горы, а из рек — моря, а из грунта — почва... Посмотреть, как сущий младенец древесный лист, все еще ожесточенно пахнущий материнскими соками и в то время, когда еще не закончился акт его рождения, уже обретает те единственные очертания и формы, которые строго соответствуют смыслу и назначению его будущей жизни в этом мире...

Любое из этих превращений есть материнство, и не будь его, мир оказался бы пуст, сколько бы в нем ни присутствовало неизменных предметов, и вот человек почувствовал это, эту возможную пустоту, и задолго до христианства выразил чувство в легенде, создавая образы Кибелы, Изиды, Деметры, Астарты, а затем уже и Марии, некогда вошедшей в храм, чтобы самой стать храмом рождения и любви не только к ребенку, не только к человеку, но и к человечеству. И ко всему миру.

го они любили — муж, в доме с башней у самого моря, и брат — в другом жилище, высоко в горах — были художниками.

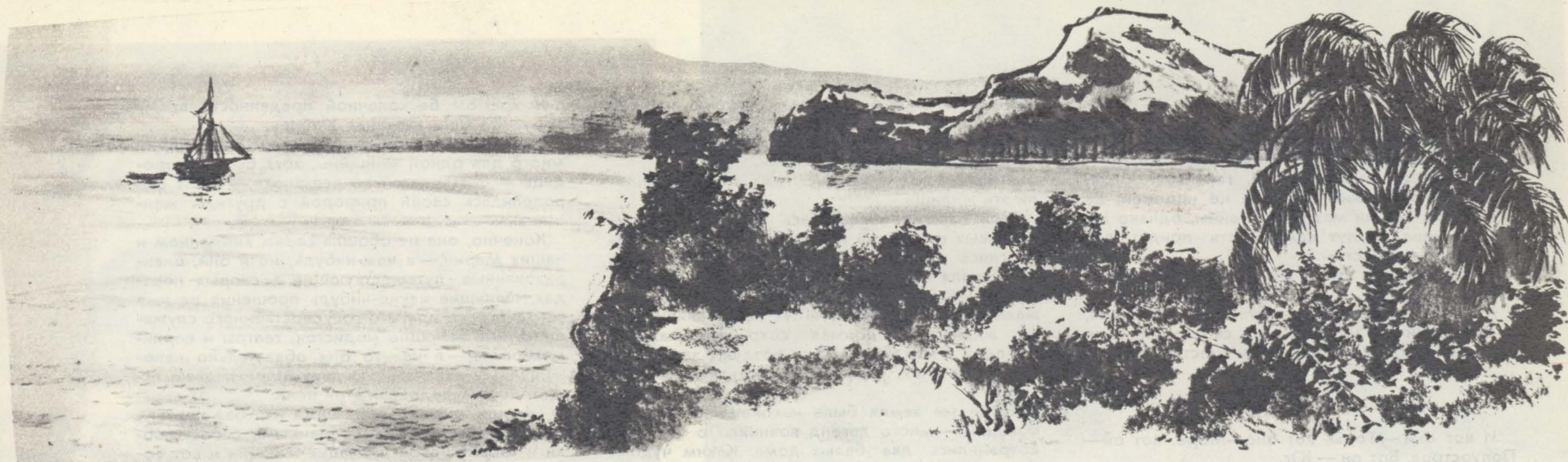
А истинные художники никогда не бывают одинаковыми, и к ним, и ко всему тому, что они творят, не относятся многие законы сходства между людьми.

Не так уж редко случается, что у художников нет ни копейки, но это не мешает им иметь планеты, на которых они вот так и живут — не обладая никакой другой собственностью, кроме собственных миров.

Для поэта, который жил у самого моря в белом доме, с белой башней, весь окружающий мир был не чем иным, как им самим.

Его талант оказался способным вбирать мир в себя — горы, море, может быть, и Солнце — это все было им, а все то, что не было им, не существовало для него в этом реальном мире. Вполне возможно, что не существовало и ни в каком другом.

Когда-то этот поэт, будучи к тому же живописцем, открыл, что один из горных отрогов, ниспадающих с Полуострова в Море, по своим очертаниям не что иное, как профиль его собственного лица... Огромнейший человек, в миллион, в миллиард раз больше человека обык-

новенного, погрузился в море, а голову с вьющейся бородой возложил на сушу.

И это была его собственная голова, и борода его, и весь профиль — его же, и здесь именно, поблизости от замечательного горного отрога и вскоре после своего открытия, он и стал поэтом.

Стал им, чтобы изо дня в день взирать на колоссального себя, чтобы разгадывать собственные могущественные черты.

А другой отрог, чуть восточнее, неповторимо преображал солнечный свет в легкое, с фиолетовым оттенком сияние, и это означало, что здесь должна быть могила поэта. Фиолетовое сияние, не здешнее, а потустороннее, было тому неопровержимым доказательством, кроме того, и очертания горного отрога опять-таки напоминали огромный саркофаг. И звезды над этим домом, предназначенным для мертвого художника, тоже мерцали, подобно тлению чьих-то голубоватых и вечных свечей.

Все-все имело здесь тайное, но вполне доступное уму и чувству нашего поэта предназначение. Все вокруг имело великий смысл истории: он отчетливо, в красках, представлял себе движения народов и цивилизаций по серой поверхности пустынного плато, которое начиналось почти сразу же за оградой его жилища, а тогда в поле его зрения являлись исторические драмы и трагедии, и непостижимость былого, настоящего и будущего становилась постижимостью.

Он был пантеистом, наш поэт, но опять-таки поклонялся не столько природе, сколько самому себе в природе, он обходил побережье после морских бурь, подбирая выброшенные на берег причудливые корни деревьев и раковины, случалось ему найти и щепы древних кораблей, и в этих предметах он снова обнаруживал себя, свое «я», погруженное в морские пучины на тысячу лет. Теперь оно подавало ему весть, возвращалось к нему, современному, желало воссоединиться с ним.

Он встречал восходы и провожал закаты Солнца, стоя на белой башне своего белого дома, одетый в белый хитон, с сыромятным ремешком вокруг головы, в сандалиях на босу ногу, и чувствовал при этом тепло своего тела как солнечное тепло и, по всей вероятности, ничуть не удивился, если бы ему сказали, будто своим теплом он хоть и немножко, но все-таки нагревает Солнце.

Путешествуя по миру, он привез в свой дом маску древней царицы Египта и повесил ее над деревянным супружеским ложем, чтобы по ночам полоска лунного света, пробиваясь сквозь ставни, падала на таинственное изваяние... Он следил за движением лунной черты от виска к виску царицы, угадывая течение ночных часов, а по выражению царственного лица он распознавал судьбы будущего человечества.

И с огнем он тоже имел нечто общее, какие-то тайные связи, взаимоотношения и даже взаимопонимание—очевидцы утверждали, что однажды он взглядом потушил пожар.

И с людьми отношения у него тоже были самые фантастические. Говорят, будто в годы, когда на Полуострове шла гражданская война, весьма боевой крейсер военно-морского флота великой Британии открыл огонь вблизи жилища нашего поэта.

Снаряды ложились в пустынную поверхность горы-саркофага, предназначенной им для своей могилы, и поэт был возмущен, он поднялся на башню и просигналил на крейсер: «Прекратить огонь!»

Командир крейсера удивился и послал на берег шлюпку. А когда человек в белом хитоне взошел на палубу крейсера, командир спросил его:

— Кто вы?

— Я — Поэт!— ответил наш поэт.

— Шекспир?— Командир оказался любителем классической поэзии.

— Шекспир тоже был поэтом, но совсем не таким, как я!

Они поговорили о Шекспире, и командир спросил, не хочет ли поэт покушать.

— С удовольствием!— ответил поэт и покушал.

— А не обидится ли поэт, если командир предложит ему прихватить на берег некоторый запас продовольствия?

— Ничуть! Человечество должно поить и кормить своих поэтов, иначе оно обожрется и погибнет!

И, должно быть, чтобы этого не случилось, наш поэт отбыл на берег с тем запасом продтоваров, который вместила шлюпка, а крейсер ушел, не сделав больше ни одного выстрела — ему было приказано обстрелять берег, и он сделал свое дело и ушел.

Однако Мария нашего поэта была, по всей вероятности, уверена, что ее возлюбленный предотвратил войну на восточном побережье Полуострова.

Мария была женщиной, перед которой чудеса и весь этот мир, исполненный чудес и тайных смыслов, никогда не предстали бы воочию сами по себе, но теперь это была ее реальная жизнь, потому что реальной, потому что действительной, потому что вечной и непоколебимой была ее любовь к поэту.

И вслед за ним она тоже ступала на его планету, и теперь ориентировалась там иной раз лучше, чем он, лучше зная, что и где здесь хорошо, а что плохо, и даже где на этой планете расположены цветущие оазисы поэзии и вдохновения, а где — одни лишь пустыни да мелкие и тоже пустые домашние заботы.

* * *

А поэт, который построил свой белый дом без башни, высоко в горах, на одной из кривых улочек древнего поселка, был прозаиком... Прозаики тоже бывают поэтами, хотя и на свой лад.

Юг не смог исцелить его легкие, и он недолго жил там со своею сестрой Марией, он умер.

Последние годы жизни были очень трудными для него: пятнадцать минут нужно было ему, обессилевшему, кровохаркающему, чтобы надеть на себя сорочку, но никто не знал об этих тяготах, может быть, даже сестра Мария и та не знала все о том, как это было трудно.

Потому что он сам не хотел до конца знать свои собственные тяготы и недуги.

Он был врачом, он мог бы знать о них все и даже больше, чем все, но не хотел этого.

Это незнание очень просто и естественно вписывалось в его знание всего того, что называется повседневными отношениями между людьми, причем тактичными и умными.

Без отношений людей друг к другу нет людей, а все-таки никто не умеет создать эти отношения такими, какие требует природа вещей.

Он же, наш поэт-прозаик, не только знал эту природу, но безукоризненно умел ей соответствовать.

И не попусту говорил о том, что в человеке должно быть все красиво. Он никогда не говорил попусту, тем более незадолго до своей смерти.

Потомок недавних крепостных, он одинаково презирал и плебейство и барство, и не только презирал, но всегда умел быть чуждым тому и другому, умел в любом самом незначительном поступке... На аптекарских весах он взвешивал каждое свое письмо, чтобы вес не оказался выше установленного почтовым департаментом, но этот почти что педантизм все-таки не был педантизмом, потому что и деловитость и порядок он умел возвести еще и в порядочность. К любому, самому малому факту он умел отнестись как к факту жизни, поэтому и взвешивал письма и не позволял себе хотя бы однажды одеться безвкусно — слишком модно или слишком небрежно.

Он был тонким аристократом, ничем не подавая повода заметить в нем аристократизм.

Он был интеллигентом.

И, наверное, было ему странно оттого, что художники, проповедуя гармонию, то и дело сами были личностями не только негармоничными, но вдоль и поперек исковерканными. Вот он и был несколько чужим среди них и не принимал всерьез мессианство, которое учило жизни, не умея жить само.

Впрочем, не он один постиг судьбу человека, который, будучи истинным художником, остается чужим в храме искусства.

Прихожане этого храма тоже ведут себя поразному: одни наводят там блеск и порядок, другие во всю ивановскую конфликтуют с храмовым порядком, а третьи — как наш поэт-прозаик: и тут был он сдержан и, от природы обладая наблюдательностью, даже в храме не изменял этой привычке. Ему что храм, что другое какое-то место — он всюду верен самому себе, своей естественности и природности.

А когда так, он был далек от учительствования и от того, чтобы навязывать себя другим по какому-либо поводу — по поводу своих недугов или своих взглядов на искусство — все равно.

И в творчестве своем он был столь же тактичен и скромен, не пугал читателя ни ужасами, ни патологией, не потрясал фантазией, не завлекал сюжетом, не позволял себе пространной философии вокруг малых событий, не делал из своих героев героев, не предсказывал судеб и не стремился к переосмысливанию истории человечества.

Он пуритански ограничивал себя: ведь каждое самоограничение — это уважение к другим, свобода для других, и вот он понимал, что даже та на первый взгляд ограниченная зона, которая оставалась его творчеством, по существу, все равно безгранична, что и здесь

художник может сделать неповторимые и великие открытия.

И вот уже простые его герои в простоте и печали своей больше других страдали из-за отсутствия в жизни гармонии, красоты и смысла...

А нам они не навязывались — нет-нет! — нам только предоставлялась возможность сопоставить свою печаль и свою совесть с их печалью и совестью... И тут мы понимали, что его герои совестливее нас, что они нуждаются в духовности больше, чем мы, а все дальнейшее, все проистекающее из этого сопоставления опять-таки было дело уже не его и не его героев, а наше собственное.

Его делом было, несмотря ни на что, все-таки поверить в нас, в наши чувства и в наш разум.

Нельзя даже было сказать, кто же этот поэт-прозаик: или он самый божественный среди художников, или самый безбожный?

Конечно, эта беспримерная в искусстве скромность и тактичность была несовместима с эгоцентризмом, и вот он не только не подчинял себе мир в его прошлом, настоящем или будущем, не только не приравнивал себя к миру, он как будто бы сам в мире растворялся, переставал в нем личностно существовать, и тогда и только оттуда — из глубины мира и как его частица — он и говорил с нами.

Он был малоинтересен сам себе. И, написав томы рассказов, повестей и драм, лишь несколько раз, и то косвенно, упомянул в них о себе, напомнил о своем присутствии среди нас и среди своих героев.

Будучи личностью исключительной, он никогда не хотел об этом знать. Он был подозрителен, а иногда и сердито-насмешлив по отношению к прижизненной исключительности, он знал, что все равны перед жизнью и только смерть вправе нарушить это равенство. Только она решит, кто и кем был при жизни.

Это был гений без легенды, обыкновенный гений и тем самым единственный.

А его сестра? Его Мария?

* * *

Ведь речь же не столько о поэтах, сколько о Мариях?

Ведь для любви и подвижничества его Мария должна была откуда-то черпать сильную веру в значительность своего брата?

Откуда же?

Он не подавал сестре ни одного знака.

Скорее наоборот, он препятствовал поступлению к ней любых знаков, которые хотя бы изредка подтверждали его гениальность.

В белый дом без башни приходили люди, чтобы поглазеть на ее брата, много людей, но брат этого не любил. Даже негодовал по этому поводу.

И она тоже должна была не любить и действительно не любила незваных гостей. И никогда ни с кем ни много ни мало не делила своих сестринских чувств, обрекая себя на одиночество. На полное одиночество и безмолвие — ведь женщина может без конца говорить мужу о своей любви, но может ли говорить об этом сестра брату?

А брат тоже ни словом не подтверждает, что ее самопожертвование не напрасно...

Брат мог бы, наконец, принести утешение и даже счастье, прислонившись и приласкавшись к ней, старшей сестре, пожаловавшись на нездоровье, еще на что-нибудь, а тогда ей, лишенной иной любви, лишенной материнства, это было бы великой наградой...

Но не было и этого...

Разве что выйдя из кабинета к чаю, после долгих-долгих часов безмолвия, брат, усмехнувшись, скажет сестре о том, что по пятницам у него почему-то занимают без отдачи. Сегодня пятница, и приходили какие-то люди и тоже заняли...

Еще о чем разговор?

Может быть, обо всем белом свете?

Но самое большое путешествие своей жизни брат совершил не на Лазурный берег, не к египетским пирамидам, а на хмурый, каторжный остров Дальнего Востока. На остров Сахалин.

Ах, гармония, гармония!

Она так благозвучна, а в то же время не столько красива, сколько сурова!

* * *

Столь разные Аполлоны были у этих женщин, у этих Марий.

Они получили их из рук в руки от самой природы — ведь женщины ближе к природе, чем любимые ими мужчины, ведь они — это связующее звено между мужчиной и природой.

Природа вручает женщине предмет ее любви, предмет для нее идеальный, и она же, природа, как будто не до конца доверяя самой себе, требует от женщины, чтобы она подвергла свой идеал дальнейшей доработке. Дальнейшей «доводке», как сказали бы на современном заводе, выпускающем промышленную продукцию.

И вот, если мужчина смел, женщина по требованию природы должна работать над тем, чтобы он был еще и умен; если он умен, чтобы был смел и честен; если он бронзовый — кое-где заменить бронзу деревом; если деревянный — соединить дерево с бронзой. Если он талантлив, тогда немыслим перечень всего того, что должна совершить женщина.

Тут уже нет ни пределов, ни сроков, ни планов, ни знаков качества.

И женщина при ненормированном рабочем дне исполняет свой труд, называя его то любовью, то долгом, то необходимостью, то не называя никак.

Наши Марии тоже исполняли все тот же природный труд не только при жизни своих Аполлонов, но и после их смерти, и вот до сих пор побережье Полуострова причудливых очертаний — горы и леса, города и поселки, пески и камни в полосе прибоя — все-все и несмотря ни на что тоже участвует в сбережении памяти поэтов.

И когда в солнечный день вы идете этим побережьем и вам становится грустно и тревожно оттого, что окружающее вас человечество, непостижимо многочисленное и донельзя уплотненное на квадратных метрах прибрежной полосы, так старательно выражает себя через мини — через мини-платья, мини-купальники, через мини-знакомства и мини-любовь, через грандиозное мини всей этой пляж-жизни, и у вас невольно возникает вопрос: «Где же вы? Где же вы, Марии?» — не думайте, будто ответа нет.

Ответ есть.

Только он опять-таки заключен в вопрос: «А где же вы? Где же вы, поэты?»

СЛОЖНЫЙ ПУТЬ

«Все меняется на этом свете, да еще как меняется! Когда-то на этом дворе копошились батраки, в сарайчике нежилась, потягивалась, как кошка в тепле, немая Аника, поповская стряпуха, а сам батюшка с матушкой проводили минуты отдохновения в просторном и светлом своем доме. Теперь тут целыми днями скрипит пером секретарь сельсовета, а он, Фрунзэ, сидит сейчас в задумчивости и перебегает в мыслях из дома в дом, из одной крестьянской избы в другую и решает, с какой из них начать...» — так размышляет уполномоченный райкома партии Тоадер Фрунзэ, молодой комсомольский вожак, посланный в родное село Кукоару проводить коллективизацию.

Казалось бы, уже не было тех трудностей и сложностей, которые пугали крестьянина перед вступлением в колхоз в начале тридцатых годов в России, на Украине, в Средней Азии. Молдавские крестьяне в большинстве своем не только приняли Советскую власть незадолго до войны, но и активно участвовали в этой войне на стороне Красной Армии, защищая от врагов завоевания трудового народа.

Казалось бы, в соседних республиках накопился большой опыт коллективного хозяйствования, о котором много писали в газетах, рассказывали приезжие агитаторы и пропагандисты, а молдавский крестьянин все еще поеживался при упоминании о колхозах. В чем же дело?

Ион Чобану в романе «Кукоара» исподволь, неторопливо, вдумчиво раскрывает положение, сложившееся в молдавском селе, чаще всего огромном по населению — четыреста — пятьсот дворов. Как уговорить каждого хозяина? Как показать ему, что коллективное ведение хозяйства выгодно и для молдаван? Да и с кого начать свою работу по вовлечению в колхоз? С бедняков? Но их и агитировать нечего, сами придут с заявлением...

И вот уполномоченный райкома партии пошел по дворам... Он знал родную деревню как свои пять пальцев, знал, кто чем дышит, знал, на кого смотрят в первую очередь односельчане, знал, кто авторитетен, кто пользуется уважением. И все же сколько нового, острого, драматического и веселого предстало перед ним... Люди, которых он, казалось, хорошо знал, открывались с совершенно неожиданных сторон.

Все эти перемены в жизни села не минули внимания Тоадера. И, познавая их, двадцатилетний коммунист набирался опыта, мужал его характер, закалялся в преодолении трудностей.

А было их, как говорится, хоть отбавляй. Кроме винограда, почти ничего не уродилось в тот год на полях Молдавии.

К тому же выдалась снежная зима. Снег завалил дороги. Замерзали в школах, в учреждениях. И все это касалось Тоадера Фрунзэ. Работы было столько, что, приходя домой поздним вечером, валился с ног. А все новые и новые задачи вставали перед ним как посланцем партии в родном селе.

Но шло время. Люди побороли и непогоду и голод. Государство пришло на помощь единоличникам. Люди поверили в непобедимость коллективности. И стали задумываться всерьез: пора объединяться.

Среди персонажей романа наиболее удачным кажется мне старый Тоадер Лефтер, дед Тоадера Фрунзэ. Казалось бы, за вздорность характера он должен пользоваться у односельчан недоброй славой. Ан нет! Придирчивость, крикливость — это все внешнее, наносное, стариковское. В серьезных делах старый Тоадер проявляет бескорыстную доброту, отзывчивость, безотказность в работе.

Читатели найдут в этом интересном и глубоком, хорошо переведенном известным русским писателем Михаилом Алексеевым романе колоритные портреты героев — Георге Негарэ, баде Василе, Илие Унгуряну, секретаря райкома партии Алексея Иосифовича Шеремета, начальника милиции Гончарука.

Правдиво, без утайки рассказывает Ион Чобану в своем романе о времени коллективизации в Молдавии, времени сложном, трудном.

Виктор ПЕТЕЛИН

Ион Чобану. Кукоара. Роман. Авторизованный перевод с молдавского Михаила Алексеева. «Москва» №№ 1—3, 1978 год.

Николай ФЕДОРЕНКО

ДИАЛОГ В К

Наша встреча с венесуэльским писателем Мигелем Отеро Сильвой произошла внезапно. Он неожиданно заехал к нам с Юрием Дашкевичем, переводчиком, известным знатоком Латинской Америки, в отель, и мы тотчас отправились на его виллу, расположенную в одном из районов Каракаса...

Бывает, что книжное знакомство с автором не соответствует реальной личности писателя. Не всегда ожидания читателя, которому после прочтения книги выпадает случай лично познакомиться с художником, в полной мере оправдываются.

Но бывает и по-иному. Возникающий в вашем представлении автор таким же оказывается и в жизни. Мигеля Отеро Сильву я узнал с первого взгляда. Именно таким рисовало этого человека мое воображение при чтении его романов и стихов.

Многое мне рассказывали о писателе. Говорили, что у него независимый, живой, порой ершистый характер. Теперь вблизи я вижу выражение лица — открытое, улыбка приятная, сердечная. Он полон энергии, жизненных сил, исканий. Волнение — профессия писателя.

«Мигель Отеро Сильва с его могучей фигурой лесоруба, с несгибаемой его волей и неукротимым духом,— пишет колумбийский поэт Артуро Камачо Рамирес,— являет собой один из замечательнейших плодов, взросших на нашем индо-испано-американском континенте. Как брату Мигеля по нашей большой и единой латиноамериканской семье, мне хочется говорить о его самых высоких качествах человека и творца...»

Вскоре мы оказались в доме Мигеля Отеро Сильвы, среди безбрежного моря книг. Их было много, на разных языках. Стихи, драмы, романы. Томики малого формата, тома собраний сочинений, огромные фолианты, альбомы.

— Все ли вам ясно в этом сочинении? — вкрадчиво, не без лукавства спросил меня Отеро Сильва по-английски, указывая на томик, который оказался у меня в руках.

— Как ни грустно, но дальше названия и имени автора книги мой испанский не способствует мне в продвижении,— последовало мое признание без «лукавства и мудрствования».

— Не сожалейте... Стихи в этом сборнике едва ли заслуживают того, чтобы на их чтение тратилось время. Другое дело — предисловие...— несколько самоуничижительно заметил писатель.

Стихи в этом сборнике, разумеется, были творением Отеро Сильвы, а биографическое введение написано крупным венесуэльским поэтом Хосе Рамоном Мединой.

Даже самое краткое жизнеописание Мигеля Отеро Сильвы, отмечает Хосе Рамон Медина, поможет читателю, незнакомому с его творчеством, лучше понять его долгий и плодотворный путь в литературе. Отеро Сильва в равной степени талантлив как прозаик, поэт, эссеист и писатель-юморист. Его перу принадлежат восемь поэтических сборников, пять романов, несколько томов эссе и публицистики. Он поистине чувствует себя уверенным во всех жанрах искусства слова. Удивительные эти качества находят яркое выражение в его творчестве, занимающем важнейшее место в венесуэльской литературе XX века.

Родившийся в венесуэльском городе Барселона в 1908 году, Мигель Отеро Сильва первые годы учения провел в родном городке, затем переехал в Каракас. По окончании лицей успешно сдал экзамены в Центральный университет, где проучился четыре года на инженерном факультете, не получив, однако, диплома инженера. Он активно включился в политическую борьбу, писал страстные, боевые статьи для газет и журналов, пробовал свои силы в большой литературе. Эти три неоценимых, по мнению самого писателя, источника и лежат в основе его творчества. В 1928 году Отеро Сильва принял активное участие в студенческом движении против диктатуры Хуана Висенте Гомеса.

В 1929 году, находясь в эмиграции, на острове Тринидад, он вступает в вооруженную группу, которая с территории Кюрасао высадилась на побережье Венесуэлы. Но антидиктаторское движение потерпело неудачу. Отеро Сильве вновь пришлось уехать за границу. Начались долгие скитания из Тринидада и Кюрасао в Испанию, Францию и Бельгию, продолжавшиеся с 1930 по 1936 год. Во всех этих странах Отеро Сильва выступает в качестве журналиста — в этой профессии он видел в ту пору свое призвание.

После смерти диктатора Гомеса Отеро Сильва вернулся на родину и всецело отдался политической борьбе и журналистике. Но в 1937 году писатель вместе с рядом других известных политических деятелей был снова выслан из страны. Отеро Сильва уезжает в Мексику, посещает Кубу, Колумбию, Панаму. В Мехико выходит его первый поэтический сборник. «Вода и русло» (1937 г.).

В 1941 году Мигель Отеро Сильва, вернувшись на родину, с головой уходит в литературную деятельность.

В 1955 году в свет выходит его второй роман, «Мертвые дома». В 1958 году одновременно в Испании и Венесуэле была опубликована «Хоральная элегия Андресу Элою Бланко». В Буэнос-Айресе в 1961 году выходит в свет роман «Город в саванне». В том же году был издан сборник эссе писателя «Чужой огород», в котором нашли свое отражение его взгляды на политику и искусство. В 1962 году появляется еще один сборник — «Глупые симфонии», куда вошли все написанные им ранее юмористические произведения. Четвертый роман Отеро Сильвы, «Пятеро, которые молчали», действие которого развертывается в дни диктатуры Переса Хименеса, был опубликован в 1963 году. Двумя годами позже увидела свет большая поэма «Море — это смерть», а в 1966 году — том стихотворений и поэм, названный «Поэзия до 1966». Следующий роман писателя, «Когда хочется плакать, не плачу», изданный в 1970 году, имел необыкновенный успех не только в Венесуэле, но и во многих других странах, в том числе в Советском Союзе.

Силой своего таланта прозаика и поэта Мигель Отеро Сильва нарисовал замечательные образы соотечественников и правдивые картины жизни Венесуэлы.

Наряду со многими выдающимися художниками Латинской Америки, которые внесли заметный вклад в создание литературной панорамы южноамериканского континента, писатель сумел дать в своих художественных произведениях широкую панораму его бытия. В творчестве Мигеля Отеро Сильвы нет внешних эффектов, авантюрных сюжетов, нет буйства слов и ярких, экзотических пейзажей. В своей прозе и поэзии он в первую очередь стремится рассказать о реальном, из плоти и крови человеке, его помыслах и устремлениях, о необходимости людской солидарности.

...— Хотелось бы знать ваше суждение по проблеме творческого метода: как вы сами определяете свою принадлежность к художественному направлению или школе?— задал я вопрос, который, как мне казалось, имеет ключевое значение.

— К реалистическому... Вне

Мигель Отеро Сильва.

всякого сомнения, принадлежу к реалистическому направлению, по крайней мере сам я причисляю себя именно к нему,— мгновенно ответил Мигель Отеро Сильва, после небольшой паузы добавив: — Разумеется, в моем случае могут быть некоторые уточняющие прилагательные — «лирический» или «социальный» реализм...

Как-то в интервью Мигель Отеро Сильва отметил, что его романы «относятся к литературе обличительной»; «однако всякий раз я стремился к тому, чтобы разоблачение обладало достоинствами художественного произведения, являлось бы плодом литературного творчества».

Творчество Мигеля Отеро Сильвы разит и обличает, призывает к миру, любви и человечности. Главная задача художника — мужественное сражение во имя счастья своего народа, отображение в литературных произведениях его чаяний и устремлений. На это справедливо указывает выдающийся колумбийский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Хорхе Саламеа: «Мигель Отеро Сильва принадлежит к славной плеяде поэтов, оставивших яркие свидетельства о своем времени и его людях, сумевших выйти из своего мирка, перешагнуть через собственное «я», избавиться от ложной гордости творца мифов и иллюзий, чтобы стать рупором народа. Мигель — это поэт-свидетель своего времени, поэт площадей и улиц, поэт массы слушающих».

Думается, что именно в тесной связи Мигеля Отеро Сильвы со своей страной, с людьми, населяющими ее, и заключена его сила как личности и писателя. Яркая жизненная судьба и творчество — глубоко национальное, пламенное, боевое. Но, оставаясь истинным венесуэльцем, он благодаря своему таланту и верности исторической правде давно уже перешагнул границы одной страны и достиг вершины признания всего латиноамериканского континента, и не только одного этого континента...

Продолжая размышлять, собеседник не без некоторой досады добавил:

— Дело, однако, не в том, чтобы непременно относить каждого писателя к тому или иному направлению, школе, ориентации. К разного рода «измам» лично я отношусь без особой приязни. И сам писатель и другие могут числить его по разряду того или иного «изма», но разве подобные дефиниции определяют, исчерпывают сущность творчества художника слова? Главное, с моей точки зрения, таится в убежденности, в идейной приверженности писателя, в искренности его творческих позиций. И, конечно, в непосредственности его самовыражения, в образности, в истинности и правдивости того, что он пишет.

— Каковы же здесь, на ваш взгляд, объективные критерии? — продолжал я.

— Сама правда... Испытание правдой — единственная наиболее справедливая мера вещей, не-

АРАКАСЕ

преходящих духовных ценностей,— тотчас последовал ответ Мигеля Отеро Сильвы, который для меня все более становился собеседником, обладающим ощутимой силой убеждения.

— Но что значит «испытание правдой», как, по-вашему, можно определить меру истины?

— В искусстве, как и в жизни, многое сопоставимо. Свет и тень, прекрасное и безобразное, подлинное и фальшивое, искреннее и лицемерное... Всегда лучше правда — какая бы она ни была. Правда, а не обман и не ханжество — как бы благопристойно они ни преподносились...

Сам писатель как-то заявил, что «ситуации романа всегда взяты из действительности, а персонажи — это портреты реальных людей, лишь перемещенные в литературную атмосферу». В этой верности правде писатель видит высокие общественные и гражданские цели служения своему народу.

Среди героев романа Мигеля Отеро Сильвы «Пятеро, которые молчали» — политический заключенный, выступающий, как и другие персонажи, не под собственным именем, а изображенный в романе под прозванием Врача,— реальный, живущий и ныне человек. Подлинное его имя — Эдуардо Гальегос Мансера.

В свое время Мигель Отеро Сильва рассказывал Юрию Дашкевичу: «...Рисуя образ Врача, я мало что добавил к портрету человека, живущего и работающего,— он сам по себе исключительно ярок... Эдуардо — замечательный человек! Люди называют его «Врачом народа», потому что, занимаясь медицинской практикой, он никогда не брал гонораров с бедняков, хотя сам всегда нуждался, и более того — помогал беднякам приобретать нужное лекарство. Его клиника в Колониа дель Валье, в пригороде Каракаса, была очень популярна среди обездоленных... И вместе с тем — об этом мало кто знал на протяжении долгих лет — его клиника являлась своего рода центром партийной организации в столичном округе — Дистрито федераль... Во времена диктатуры Переса Хименеса он, уже один из ведущих работников коммунистической партии, был арестован и брошен в тюремный застенок. Его диким образом пытали, потом, рассчитывая сломить его волю, разыграли гнусную сцену приготовления к расстрелу. Но Эдуардо не сломишь!.. Все то, что я пишу о нем,— это правда. Я просто записывал его рассказ, рассказы о нем...»

Говоря о Гальегосе Мансере, Мигель Отеро Сильва дал, думается, понять, что человечность,— всепроникающая идея и смысл истинной литературы. И здесь необходимо не только сострадание и милосердие. Тут требуется презрение ко всяким преходящим материальным ценностям, ко всему, что унижает человеческое достоинство, требуется благородство поступков.

Невозможно удержаться от соблазна — обратиться непосредственно к тексту романа «Пятеро, которые молчали», где Мигель Отеро Сильва воссоздает характер Врача и личную его историю:

«...Прошли восемь дней. Восемь суток, безликих, похожих один на другие, еще более удручающих под гнетом скуки, под гнетом душной жары тюремной камеры, скорее плавильной печи, нежели камеры, скорее адской сковороды, нежели камеры. Двадцать четыре часа один и тот же неизменный круг.

...В тот день, когда Врач заговорил о себе, было особенно жарко, глотки воздуха обжигали легкие.

— ...Моя история... начинается в тот день, когда я, учащийся колледжа, впервые увидел своего отца — больного, исхудавшего человека с жидкой седой бородой по грудь... Я не знал отца, его арестовали много лет назад, когда я еще только делал первые шаги по кафельной мозаике галереи, направляемый добрыми руками тетушек. Вернее, я не знал его в лицо, но все мое детство протекало под сенью его имени, его личности, его дела, воспоминаний о нем... Здоровье его до такой степени подорвано, что спустя несколько дней после возвращения он умирает на руках у женщин моего дома, завещая им меня в качестве единственного наследства. Я же получаю от отца святой завет: следовать его примеру, иначе говоря, бороться за интересы народа, против несправедливости. Но в этой борьбе я, однако, пошел другим путем...»

Глубоко запоминается описание пыток Врача, психологическая травля, которым он подвергался в тюремных застенках. Автор при этом не стремится выставить напоказ чувства героя, особенно физические и душевные его страдания. Можно сказать, что он не просто замахивается, но уверенно рубит корни самой палаческой системы:

«— ...Когда я был раздет, разут и скован наручниками, Негр приказал мне встать на «ринг». Я отказался. Тогда трое эсбирро силой поставили меня на диск. Как и Журналисту, мне «ринг» не показался вначале таким уж страшным орудием пытки. Кроме того, в глубине души я даже хотел, чтобы она началась как можно скорее. Час сурового испытания, к которому я готовил себя долгие месяцы тревожной жизни подпольщика, пробил. Теперь они убедятся, что Врач способен выдержать физические муки и встретить смерть, не произнеся ни слова, кроме тех трех, врезавшихся в мозг, неизменных: «Мне нечего сказать». Каждый раз в ответ на эту фразу Негр наносил мне удар в лицо, в живот, в грудь, и на моем теле все прибавлялось багровых пятен от его мясистых ладоней — он бил не кулаком, а открытой ладонью. Спустя час острые края диска выдавили на моих подошвах глубокие, набухшие кровью канавки, и теперь я испытывал раздирающую боль в ступнях — казалось, их рвет зубами собака. Я возмутился: «Почему я позволяю им пытать меня? Почему допускаю надругательства? Или я признаю за этими животными право подвергать меня издевательствам и страданиям? Нет! Тысячу раз нет!» Я соскочил с «ринга» и лег на пол, но в ту же секунду на мои бока и бедра посыпались удары дубинок, и палачи снова поставили меня на острые ободья. Негр бил меня до утра, пока не обессилел... Каждую четверть часа он вскакивал с брезентового ложа, где с трудом умещалось его лошадиное тело, осыпал меня нецензурной бранью, плевал в лицо и требовал сказать, где скрывается Сантос Иорме. После каждого вопроса следовал удар, потому что на каждый вопрос я отвечал без колебаний: «Мне нечего сказать».

— ...Трое суток спустя, ночью, у дверей моей камеры задерживается рассыльный и незаметно сует мне в руки письмо... «Несмотря на твой арест, Сантос Иорме не изменил адреса, на прежнем месте типография, собираемся мы там же, где прежде. Руководство партии было уверено, что под самыми страшными пытками ты не скажешь ни слова». Я улыбаюсь — довольно, даже, пожалуй,— что скрывать! — гордо. Стоит жить, стоит бороться и страдать стоит! Я теперь не обездоленный узник, я свободный и счастливый человек!..»

Роман «Пятеро, которые молчали» — произведение, полное удивления и любви, любви к человеку, его мужеству и бесстрашию. Подлинное мужество считает ничтожными удары судьбы. Именно о таком человеке, как Врач, можно сказать, что оптимист вовсе не тот, кто никогда не страдал, а тот, кто пережил отчаяние и победил его.

— Если говорить о содержании и форме литературного произведения, то, думается мне, недостаточно сказать, что они неразрывны, что одно неотделимо от другого... Глубина, идейность содержания, разумеется, должны органически быть связаны с художественностью произведения. Мало того, по моему убеждению, одно не должно идти в ущерб другому. Одно не может развиваться за счет другого. Одно не может заменить другое, наконец. Только содержание, каким бы существенным оно ни представлялось нам, не делает литературного произведения, не может рассматриваться как творение искусства слова. То же самое и с формой: как таковая, она еще не представляет литературной ценности — какой бы привлекательной она ни казалась,—сказал Мигель Отеро Сильва и, сделав упредительный жест рукою, добавил: — Иными словами, в литературном произведении, сколько могу судить, содержание не может быть единственным мерилом, хотя высшая власть есть всегда власть разума. Лишь разум, глубокая осмысленность явлений могут повести творца ценностей культуры истинными путями к истинной цели, а именно — созданию произведения искусства...

Начатый в далеком Каракасе разговор не оставил меня в покое и после отъезда из Венесуэлы, по возвращении домой. Меня влекло к различным источникам, которые могли бы утолить томившую меня жажду — почерпнуть что-то новое о творчестве Мигеля Отеро Сильвы, расширить представление о нем как художнике и гражданине.

И вот передо мной образовалась целая груда материалов о выдающемся венесуэльском писателе, собранных не без компетентнейшей помощи Юрия Дашкевича. Меня глубоко волновала каждая находка. Интересовали суждения о Мигеле Отеро Сильве и латиноамериканских литераторов и писателей иных земель. Среди них, к примеру, американский эссеист и историк Карлтон Билз, характеризующий деятельность этого художника слова как блестящего представителя венесуэльской культуры:

«Кто не знает творчества Мигеля Отеро Сильвы, тот не знает Венесуэлы. Путешественник может видеть красоту и величие этой страны, ее бескрайние равнины и упирающиеся в облака горные вершины... Однако в романах, эссе, в стихах Мигеля Отеро Сильвы мы проникаем в подлинную душу венесуэльского народа — душу щедрую, благородную, сохраняющую свое величие, несмотря на преступления, насилия, надругательства, доставшиеся на его долю. Издалека я также боролся против тирании Хуана Висенте Гомеса, Переса Хименеса и других, но всю глубину беззакония и произвола я познал, прочитав роман Отеро Сильвы о заключенных в дикой сельве. Писателя, пожалуй, можно сравнить с Достоевским. В его произведении отражены цельность духа, высокая мораль, скромность и простота. Он большой художник».

На память невольно пришли слова Мигеля Отеро Сильвы, сказанные им во время нашей беседы.

— Кому из писателей вы отдаете предпочтение? — поинтересовался я, отнюдь не имея в виду лишь наших отечественных художников слова.

— Достоевскому и Бальзаку, Толстому, Гоголю...

А затем, через мгновение:

— Несомненно, Горькому, Шолохову, Андрееву...

И после небольшой паузы:

— Едва ли кто-либо еще из писателей сумел столь глубоко войти в психологический мир человека, как великий Достоевский. И с такой потрясающей убедительностью раскрыть духовную жизнь людей... Борьбу сознания и подсознания.

Мигель Отеро Сильва поднялся с кресла, подошел к книжной стене и движением руки показал на плотные ряды томов, содержащих произведения названных им писателей, как бы для того, чтобы подтвердить только что сказанное им и, наверное, освободить от сомнений собеседника, у которого, однако, их вовсе и не было.

— Рядом с Достоевским в моем восприятии стоит Бальзак, который, по мнению многих литераторов, считается непревзойденным в своем роде,— продолжал негромко говорить писатель, возвращаясь к своему креслу...

Часы отсчитывают бег времени. Нашему диалогу в Каракасе, быть может, суждено еще продолжиться. Надежды иногда сбываются. И предпочтение следует отдать диалогу. Двусторонний разговор, обоюдный обмен раздумьями, столкновение углов зрения содержат большие потенции и способны если не высечь искру истины, то хотя бы к ней приблизить. Надеюсь, что факты в этих записях, как правило, точны — ведь, говоря словами Гоголя, ничего нет хуже правды, которая неправдива.

МАСТЕРА АФИШИ

Юрий МАКУНИН

Летний парижский вечер 1893 года. Час, когда кончаются представления в театрах и кабаре и многоликая пестрая толпа расходится и разъезжается по домам. Свет уличных фонарей выхватывает из темноты нарядные туалеты дам, оживленные лица, яркую рекламу афишных тумб. Реклама... Какую важную роль играет она в жизни французской столицы! Удачная афиша решает судьбу артиста, влияет на сборы. Ее назначение — привлечь, заманить зрителя. Это очень хорошо понимает популярная танцовщица Лой Фуллер. Сегодня днем Тулуз-Лотрек показал эскиз афиши ее выступлений, и она пришла в ярость. Кто это выдумал, что он хороший художник? На его рисунке она просто уродина! Злорадные подруги, конечно, ехидничают, говорят, что похожа. Но она-то знает, какой должна быть на афише. Хорошо еще, что сумела перезаказать рекламу «королю афиши» Жюлю Шере. Это было совсем непросто, только с помощью солидной рекомендации...

Через несколько дней Париж увидел почти на каждой тумбе вихрь движений, в котором сплетались два цвета: красный и зеленый. Этот вихрь отодвинул на второй план лицо танцовщицы.

С тех пор минуло 86 лет. Сама Лой Фуллер никогда не узнает, как она прогадала: искусство Тулуз-Лотрека оказалось недосягаемым в сравнении с мастерством Шере, афиша которого «Лой Фуллер» находится передо мной, точнее, не сама афиша, а ее уникальное воспроизведение...

В № 14 журнала «Огонек» за 1978 год я писал о столетнем полиграфисте И. С. Семенове. В одну из наших с ним встреч Иван Семенович поведал о своем архиве. В самом начале века, будучи в деловых поездках в Германии и Англии, он приобретал, а иногда получал в подарок образцы интереснейшей, выполненной на высоком уровне полиграфической продукции. Новый способ печати, своеобразные краски или бумага, характер тиражирующих машин, пригодность для будущей своей полиграфической практики — таковы были критерии его отбора.

Последние двадцать лет он не видел свою коллекцию вовсе. По его просьбе я и поехал искать ее за десятки километров от деревни Прокшино, где живет сейчас старый полиграфист.

Оказалось, что листы, сложенные когда-то в сундучок, постепенно «расползлись» по чердаку ветхого дома, по полу еще более ветхого сарая. К домашней реставрации этого материала я приступил, видя перед собой горку заплесневелых, влажных листов.

Среди других особо выделялись листы, выполненные в технике хромолитографии (цветной литографии). Расчленяя длинным ножом слипшиеся изображения, я увидел, что каждый планшет имеет подпись художника. Кто-то из издателей, видимо, особо позаботился, чтобы эти подписи сразу бросались в глаза,— автографы имели форсированное полиграфическое исполнение. Как правило, рядом стояли и даты. Все они указывали на три последних десятилетия XIX века.

Забегая вперед, скажу: издание оказалось редчайшим, уникальным, высокохудожественным.

Не скрою, возбуждение охотника в засаде почувствовал я, когда склеенные «осколки» разрушенного забвением листа позволили прочитать роскошную размашистую подпись. Это был рисунок Тулуз-Лотрека «Мулен Руж. Ля Гулю», датированный 1891 годом!

Сколько можно смотреть на Ля Гулю и ее эластичного кавалера? Я глядел на них каждый день больше месяца кряду, пока не утолил первую жажду общения с большим мастером. Рисунку без малого сто лет, но он и теперь привлекает легкой иронией и мастерством художника.

В моей коллекции оказалось еще два лотрековских листа: «Японский диван» и «Цепи Симпсона». Последний имеет подпись-значок в виде черного слоненка с белым кружком на брюхе. В кружке — трудночитаемые инициалы «Т. Л.». В работах специалистов я не нашел комментария к такой подписи художника.

На многих листах с изображением изящных, как бы выхваченных из карнавального вихря и искрящегося веселья нарядных женщин, элегантных мужчин красуется подпись, будто сотканная из легких паутинок. Словарь Тиме и Беккера открыл мне имя Жюля Шере. Живописец, график, литограф, выдающийся декоратор, один из устроителей Всемирных выставок в Париже в 1889 и 1900 годах, кавалер ордена Почетного легиона за заслуги в области искусства, изобретатель в полиграфии, инициатор ряда великолепных изданий того времени. Он, Жюль Шере, возглавил инициативную группу французских деятелей искусства, замысливших пятитомник «Les Maîtres de l'Affiche» — «Мастеров афиши», выходивший с 1895 по 1900 год.

Из пяти томов этого издания в Музее книги Библиотеки имени В. И. Ленина оказалось четыре. Двумя томами обладает научная библиотека Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Я же нашел 22 листа из четвертого тома, которого нет в библиотеках нашей страны.

Знак издания в правом углу листов, выполненный глубоким давлением без цвета, являет собой веселого художника в жабо, грациозно наносящего штрихи на большой картон. Разглядывая изображение в лупу, я перерисовал его более крупным масштабом. И не зря. Работая в Музее книги, увидел, что 1-й том «Мастеров афиши» открывается рисунком Шере, который в уменьшенном виде стал своеобразным гербом этого издания. В знак уважения к художнику учредительная группа авторов и издателей поместила работу Шере в «Мастерах афиши» как лист № 1. Под № 2 шел "Японский диван" Тулуз-Лотрека, который специалисты считают одной из высших удач художника в поисках декоративной выразительности цвета.

Каждому из пяти томов предшествовало вступление Роже Маркса, главного инспектора провинциальных музеев департамента изящных искусств Франции. И почти каждый раз он повторяет: в издании представлена не просто художественная афиша, а шедевры художественной афиши!

Но послушаем самого Р. Маркса: «Улица напоминает сегодня музей, открытый всем ветрам, благодаря иллюстрированной афише... Афиша, сверкавшая под солнцем, бледнеет в туманах и непогоду, грустно свисает лохмотьями, побывав в объятиях дождя и порывов ветра.

Мы бы хотели удержать видение, спасти от забвения столько прекрасных произведений... Все это привело к желанию облегчить любителям отбор, к мысли уменьшить афишу до формата эстампа и предложить ее публике в верном воспроизведении, лишь сократив размеры, удобную в обращении, доступную частому рассмотрению, дающую возможность сравнивать.

Инициатива выбора, свободного от всяких предрассудков, прекрасное хромолитографическое исполнение принадлежали издательству Шэ...

Мастера Старого и Нового Света увидят свои лучшие работы собранными воедино в этом пантеоне современной афиши, где они являются выражением бесконечного разнообразия человеческого гения. Без всякого сомнения, подобному сборнику, чтобы добиться признания, достаточно отражать развитие этой области искусства. Но ему уготована иная роль, более значительная и высокая: на этих листах... возрождаются нравы и обычаи, моды и вкусы, этот сборник представляет для изучения современной школы живописи единственный в своем роде разносторонний документ, настолько важный и компетентный источник информации, что в будущем им невозможно будет пренебречь...»

И в самом деле, оповестить о выходе новой книги, спектакля, товара, спортивного снаряда, о предстоящей выставке работ художника — это ли не активное взаимодействие художника с действительностью?

В издании представлены, кроме названных, работы таких мастеров, как Пюви де Шаванн, Боннар, Стейнлен, Каран д'Аш, Ибель, Муха, многих французских, немецких, английских, американских, бельгийских, датских, испанских, чешских и итальянских художников. Полный перечень их фамилий занял бы слишком много места.

«Мастера афиши» содержат несколько тем из русско-французских отношений. Великолепен, в частности, лист Каран д'Аша о русской выставке в Париже в 1895 году.

Все афиши выполнены в технике хромолитографии, с использованием восьми, иногда десяти цветов. Сравнительно короткая жизнь цветной литографии (менее века) нашла в «Мастерах афиши» единственное по мощи воплощение. Ни до, ни после история полиграфии такого издания не знала.

Столетний полиграфист Иван Семенович Семенов, приобретая эти листы в разрозненном виде в самом начале нашего века, оценил прежде всего их редкостное полиграфическое исполнение. Из 240 листов издания в моем распоряжении имеются 130. Некоторые из них представлены сегодня на последней обложке журнала «Огонек».

Читателям «Огонька», наверное, знакомо это название — «Фрайе вельт», в переводе с немецкого — «Свободный мир». Так называется журнал, который издается в ГДР Центральным правлением Общества германо-советской дружбы. Сегодня у наших коллег юбилей: исполнилось 25 лет со дня выхода первого номера. Интервью по телефону дает главный редактор «Фрайе вельт» Йоахим УМАНН:

В КОМАНДИРОВКЕ КРУГЛЫЙ ГОД

— Четверть века в жизни «Фрайе вельт» — это 1250 номеров, их прочитали несколько поколений читателей. Первый номер за 1954 год — скромная тетрадь небольшого формата — вышел тиражом 40 тысяч экземпляров, а сегодня «Фрайе вельт» — богато иллюстрированное издание и выходит дважды в месяц тиражом 320 тысяч экземпляров. Умножьте эту цифру на четыре, потому что журнал читают всей семьей,— вот наш действительный «тираж». А в Обществе германо-советской дружбы сейчас уже около пяти миллионов человек!

— Ваша главная тема?

— Советский Союз! Все темы из жизни Страны Советов актуальны и неисчерпаемы. Западная граница ГДР — граница между миром социализма и капитализма, в этих условиях правда о Советском Союзе — особенно важное идеологическое оружие.

Мы стремимся к тому, чтобы все 365 дней в году наши корреспонденты были в командировках по Советскому Союзу. Мне трудно, пожалуй, назвать места, где бы они не побывали,— от Бреста до Владивостока и от Сухуми до Северного полюса...

— Самое авторитетное мнение о журнале — мнение его читателей. О чем они пишут?

— В прошлом году мы получили полмиллиона писем. Ветеран труда из города Ратенов Эрих Треттин написал: «Пятнадцать лет читаю «Фрайе вельт», впечатление такое, что я многократно совершил путешествие по Советскому Союзу». Из Засница пишет Эрика Хелль, стюардесса морского пассажирского парома: «В нашем отделении Общества германо-советской дружбы часто устраиваем «русские вечера». Очень помогает ваш журнал».

Гордость редакции — Книга почетных гостей, записи в которой составили уже два тома. Здесь автографы прославленных героев труда, ученых, спортсменов, деятелей культуры — многих советских людей, которые дороги нам и близки. Одна из них — Надежда Тимофеевна Царькова, она гостила у нас в мае 1975 года с делегацией ветеранов битвы за Берлин — победителей конкурса «Кто назовет их имена?», который наш журнал провел вместе с «Огоньком». Бригадир строителей из города Карши Узбекской ССР часто пишет нам о своей работе, о друзьях и о том, что нового в Узбекистане.

А самая последняя запись в книге сделана Валерием Быковским и первым немецким космонавтом Зигмундом Йеном. Их совместный полет был для нашего журнала главным событием минувшего года! Когда после полета они совершали поездку по ГДР, редакция опустела — сотрудники разъехались по городам, через которые проходил маршрут космонавтов. «Космическим братьям» был посвящен специальный номер.

— Интересно, куда уже подписаны командировки корреспондентов журнала в этом году?

— За Полярный круг и в пустыню! Читателей ждет рассказ о северной зиме в Норильске и о молодом промышленном центре Навои.

Интервью взял Б. ЛАБУТИН.

КОНСТАНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ ТОЛКАЧЕВ

Скоропостижно скончался наш друг, специальный корреспондент «Огонька», коммунист Константин Григорьевич Толкачев, скончался в расцвете физических и творческих сил. Выросший в семье рабочего, он прошел настоящую школу жизни: ремесленное училище, токарь в паровозном депо, служба в Советской Армии и первая проба пера в районной газете. А потом факультет журналистики МГУ и выход на большую журналистскую дорогу — «Правда», «Сельская жизнь», «Труд», «Социалистическая индустрия». И вот уже почти два года в «Огоньке». Он сразу же показал себя в нашем коллективе мастером очерка, репортажа, неутомимым в поисках интересных людей, событий, о которых писал ярко и убедительно. Раскрыв сегодняшний номер журнала, читатель прочтет его очередной репортаж из Заполярья и вот этот некролог. А дома остался недописанным очерк о Таджикистане... Огоньковцы скорбят о потере верного, доброго товарища и друга, прекрасного советского журналиста.

Огоньковцы

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

В статье «Тернистый путь помидора», опубликованной в № 38 за прошлый год, Министерство торговли РСФСР было подвергнуто критике за отсутствие механизации трудоемких процессов во время перевозок овощей и фруктов.

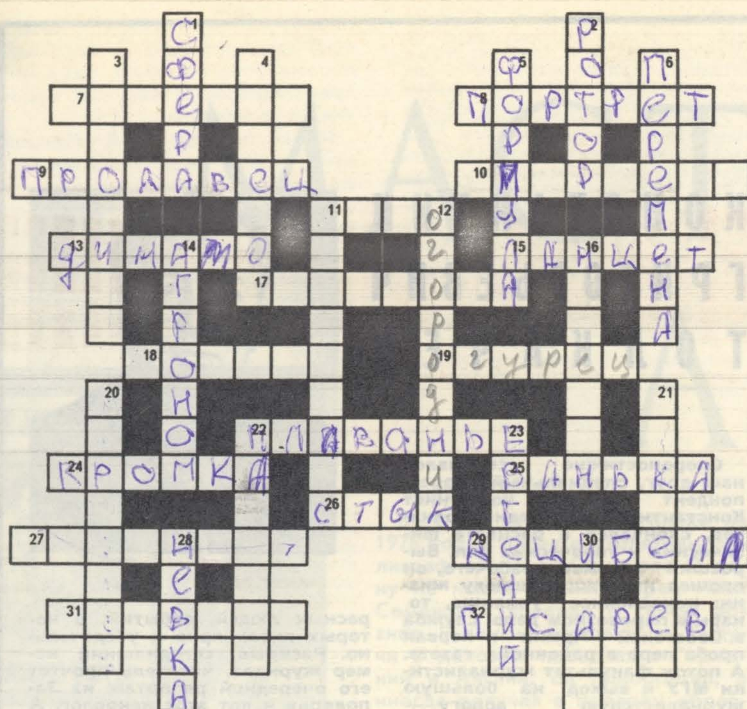
Выступление «Огонька» было рассмотрено в министерстве. Заместитель министра Н. И. Комиссаров сообщил, что для перевозки арбузов и помидоров в 1974 году была разработана конструкция контейнера типа ТКБ-67, производство которого начато в 1975 году, но в течение 1975—1978 годов было изготовлено всего 300 тысяч таких контейнеров, а для перевозки одних лишь арбузов и дынь из Астраханской и Волгоградской областей требуется свыше миллиона контейнеров. В связи с тем, что погрузка и разгрузка арбузов и дынь — наиболее трудоемкая и тяжелая работа, Министерство торговли РСФСР считает, что имеющиеся контейнеры нужно использовать для перевозки бахчевых. А уж помидоры — во вторую очередь.

Таким образом, Министерство торговли РСФСР, не отрицая преимущества контейнерных перевозок овощей, отодвигает эту прогрессивную форму работы в пока еще не обозримое будущее. Давайте посчитаем: за два последних года перевозка арбузов в контейнерах составила всего десять процентов от общего количества перевезенных бахчевых. Сколько же потребуется времени, чтобы довести эту цифру до ста процентов? А до того времени помидоры можно возить и дедовским способом — в ящиках, по сто штук в каждом? Правда, министерство считает, что проблему транспортировки помидоров можно решить методом внедрения в практику так называемых пакетных перевозок, чем и следует в самое ближайшее время заняться... Министерству речного флота РСФСР и Роспотребсоюзу.

Мы не знаем, что думают по этому поводу руководители названных учреждений, зато известно, сколько людей срывается со своих основных работ на разгрузку помидоров, сколько их, помидоров, гибнет, теряется на перевалочных базах. Есть опасение, что и в нынешнем году помидору придется идти тем же тернистым путем, если Министерство торговли и Министерство речного флота не примут должных мер.

С № 5 в нашем журнале будет печататься новый роман Джеймса Олдриджа «ПРОЩАЙ, НЕ ТА АМЕРИКА».

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
7. Вулкан в Экваториальной Африке. 8. Жанр изобразительного искусства. 9. Торговый работник. 10. Спутник планеты Уран. 11. Массовая пляска славянских народов. 13. Спортивное общество. 15. Хирургический инструмент. 17. Озеро на юге Канады. 18. Симфоническое произведение М. Равеля. 19. Овощ. 22. Вид водного спорта. 24. Продольный край доски, металлического листа. 25. Рассказ А. П. Чехова. 26. Место соединения рельсов железнодорожного пути. 27. Охотничья собака. 29. Единица измерения электрической мощности. 31. Областной центр в РСФСР. 32. Русский критик, революционный демократ.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1. Поверхность шара. 2. Вращающаяся часть турбины. 3. Город в Польше. 4. Картина И. И. Шишкина. 5. Изображение специальными знаками химического процесса. 6. Перерыв между уроками. 11. Благозвучие в музыке. 12. Стихотворение Н. А. Некрасова. 14. Специалист в сельском хозяйстве. 16. Минерал, сырье для получения алюминия, соды. 20. Русский композитор XIX века. 21. Альпийская фиалка. 22. Малая планета. 23. Герой поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». 28. Река в Ленинградской области. 30. Бразильский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:
1. Попигай. 8. «Консуэло». 9. Телеграф. 10. Тафта. 11. Артек. 13. Бювар. 15. Батат. 17. Африка. 18. Есенин. 19. Кибернетика. 20. Туапсе. 22. Творог. 24. Ветер. 26. Ласка. 28. Рюген. 30. Багет. 31. Бестужев. 32. Альманах. 33. Акробат.

ПО ВЕРТИКАЛИ:
1. Болонка. 2. Застава. 3. Масса. 5. Магма. 6. Босфор. 7. Фаэтон. 10. Транспортир. 12. Контрафагот. 13. Балакирев. 14. Репертуар. 15. Баскетбол. 16. Терракота. 21. Ангрен. 23. Рогдай. 25. Ежевика. 27. Ашхабад. 29. Нитра. 30. Брасс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, ткачиха Московского ордена Ленина шелкового комбината имени П. П. Щербакова Мария Дмитриевна Полещук с подругами. (См. в номере материал «Дорога длиною в 33 года».)

Фото А. Награльяна, Л. Шерстенникова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: СТЕЙНЛЕН. Реклама романа Ф. Коппе «Виноватый». * ПРАЙД И НИКОЛЬСОН, работавшие под псевдонимом БРАТЬЯ БЕГГАРСТАФ. Афиша спектакля «Дон Кихот». * ШЕРЕ. Реклама романа Э. Золя «Земля». * КОЗАЛЬ. Поэты Поль Верлен и Жан Мореас на выставке в «Салоне 100». * ТУЛУЗ-ЛОТРЕК. Афиша представления «Японский диван». (См. в номере статью Юрия Макунина «Мастера афиши».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 29.XII.78. А 00608. Подписано к печати 16.I.79. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 303. Заказ № 3303.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

на премьере большого театра

Фото Г. Соловьева

НЕУМИРАЮ

Наверное, во всяком театре бывают спектакли если не однодневки, то одногодки: лишь первое время зритель идет «на новое название», а потом интерес к новинке пропадает... И, напротив, есть спектакли, отсутствие которых в репертуаре ощущается резкой пустотой; заполнить ее ничем невозможно. Вот таким и является «Иван Сусанин» М. Глинки — опера, недавно возобновленная на сцене Кремлевского Дворца съездов дирижером М. Эрмлером и режиссером Г. Панковым навстречу 175-летию со дня рождения великого русского композитора.

Давно известно, что чем более мощно выражен в творчестве национальный облик композитора, чем ярче его индивидуальность, тем он шире, общечеловечнее в музыке. Прекрасные произведения Глинки, впитавшие в себя все соки и краски русских песен, безусловно, доказывают это. Уже в увертюре «Сусанина» чувствуется, что речь пойдет о красоте русской земли и человека, живущего на ней, о беспредельной, всепоглощающей любви к родине...

Открылся занавес. Оживают давние времена — начало семнадцатого века. Землю русскую пытаются покорить иноземные захватчики... Прекрасные декорации заслуженного деятеля искусств РСФСР П. Вильямса без сусальной слащавости в полной гармонии с музыкой выражают содержание оперы. Когда, в третьем акте, действие происходит в избе Сусанина, так и кажется, что чувствуешь запах теплого хлеба и яств, которыми угощаются гости; впрочем, реализм образного воплощения отнюдь не сродни натурализму.

В этом спектакле трудно отделить исполнителей главных партий от всего прекрасно слаженного ансамбля: здесь все взаимно обогащают друг друга, создавая целостное художественное полотно.

Иван Сусанин в исполнении Б. Морозова — крупный драматический образ, и в то же время типично русский характер, который не есть явление исключительное, но живая закономерность. Самый подвиг Сусанина — тоже не исключение: предать родину немыслимо для русского человека. Красивый, сочный голос певца передает множество оттенков чувств героя, богатство души Сусанина. Прекрасно провел певец знаменитую арию героя, где звучит и грусть и чистая любовь...

Мягкой и лиричной предстает Антонида Л. Ковалевой. Голос певицы трогает искренностью: Антонида, так же как ее отец, не мыслит свое личное счастье вне счастья родной земли.

Праздником национальной музыки стал спектакль, главный герой которого — народ...

Вторая премьера этого года — совсем иная по звучанию опера Генделя «Юлий Цезарь»...

На сцене Большого театра опера «Юлий Цезарь» идет впервые, мало кто из советских слушателей мог раньше слышать ее полностью. Поставлена она силами стажеров театра, творческой молодежью.

В спектакле много оригинального. Очень, например, необычно, что дирижер В. Вайс, прекрасно справляясь со своей основной задачей, сам играет на чембало (разновидность клавесина).

Опере восемнадцатого века присуща большая условность, нежели произведениям позднего времени. И, может быть, это одна из самых интересных особенностей постановки. Исполнители и не пытаются приблизить оперу к нашим дням, а, напротив, доносят все своеобразие старинного произведения.

Прекрасно справился с партией Цезаря молодой солист театра П. Зверев. Ему, как и всем участникам спектакля, пришлось проявить и свои пластические возможности; движения участников спектакля подчас имитируют пластику фигур, которые мы видим на греческих амфорах... Великолепно чувствуя стиль музыки, глубоко ее понимая, Л. Богданова создает яркий образ Клеопатры...

Интересно оформил спектакль художник-стажер В. Вольский.

Предоставив свою сцену молодым, Большой театр обогатился еще одним шедевром оперного искусства.

А. ЗВЯГИНА

Сцена из оперы «Иван Сусанин».

ЩИЕ ОБРАЗЫ КЛАССИКИ

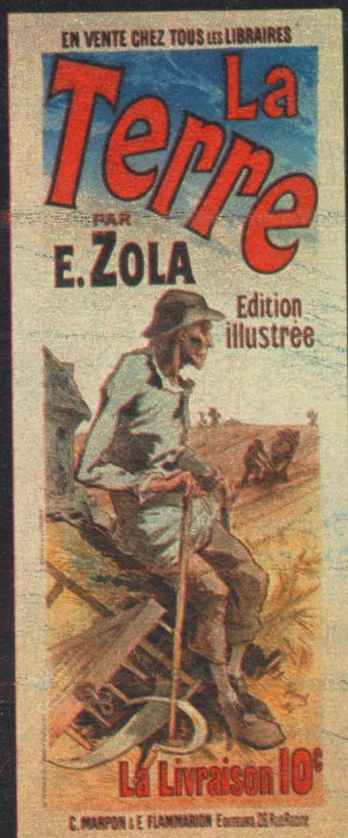
Л. Богданова и П. Зверев в «Юлии Цезаре».

С. Сулейманов — Акилла и Н. Низиенко — Птоломей.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

